

ЭНИГМОС

A painting of two figures sitting by a campfire in a forest at night. The scene is illuminated by the warm glow of the fire and the cool light of a full moon in the sky. The forest is dense with tall trees and autumn foliage. The overall mood is serene and contemplative.

Маленькие истории
о Большем

Эни Гйосс

Маленькие истории о большем

«Автор»

2026

Гйосс Э.

Маленькие истории о большем / Э. Гйосс — «Автор», 2026

Текст вводит читателя в цикл увлекательных историй из жизни главных героев: дедушки Мо и Эрна, проживающих на Дальнем Востоке в конце XVI века. Загадочный дедушка Мо или «Белый шаман» родился в Италии и прошёл полмира, в том числе около 20 лет прожил на Руси. Алессио по рождению на Руси — Алексей. В далёкой стране он становится другом и учителем финского шведа Эрна, чудом оказавшимся на другом конце земли. Друг и наставник в ходе совместных приключений поведаёт множество чудесных историй о людях, чьих душ коснулось откровение и изменило всю их жизнь. Маленькие истории о Большом погружают читателя в глубину человеческой души.

© Гйосс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Маленькие истории о большом

Глава

	Содержание	
	Введение в мир книги	
3	Орёл озера Саймаа	4
	Чуй-озеро	10
	Эйл	14
	Второй поход к Чуй-озеру	17
	Испытания	25
	Вдох грядущего	48
	Яков	54
	Анюта	58
	Встреча с Осипом	68
	Лицо «главного»	72
	Хворь-село	89
	Мила	98
	Плот-	
ник	111
	Землица-матушка	114
	Последний день князя	119
	Медвежья заимка	126
	Разговор у реки	129
	Сила непривычного	134
	Просить себя	
174	На Руси	175
	Случай в Карпатах	178
	История Михая	184
	Дедушка Ене	185
	Ийа	190
	Солнечная вода	192
	Зрячая травка	195
	Лунный свет	199
	Над пропастью	204
	Последний день Петра	
207	Звонница	208
	Пётр	212
	Исцеляющая могила	215
	Последний день Петра	212
	Ссора с Ильёй	212
	Тулуп	223
	Дед Степан	225
	Тряпица	226
	Кувшин с маслом	228

	Поход по деревне	229
	Путь к храму	236
	Радость скорбящих	
247		
	Мышкино	247
	У храма	256
	Беседа с Михаилом	264
	Отец Георгий	267
	Агафья	278
	Обыщик Иван	282
	Сон на Ильин день	288
	Жизнь в лесу	294
	Настенька	306
	Часовня	315
	Игнатов камень	326
	Сны Хелеса	
334		
	Рыбий день	
334		
	Яблонька	
361		
	Камень гнева	362
	Ночь у яблоньки	364
	Год спустя	371

Введение в мир книги

Книга представляет собой сборник рассказов, представленных на площадке Литрес и по отдельности.

Рассказы вводят читателя в цикл увлекательных историй из жизни главных героев: дедушки Мо и Эрна, проживающих на Дальнем Востоке в конце XVI века.

Загадочный дедушка Мо или «Белый шаман» родился в Италии и прошёл полмира, в том числе около 20 лет прожил на Руси. Алессио по рождению, на Руси — Алексей. В далёкой стране он становится шаманом необычного племени кайчей, а также другом и учителем Эрна — молодого воина, чудом оказавшимся на другом конце земли.

Эрн — финн с русскими корнями, всю свою взрослую жизнь воевал в шведской армии. Когда потерял в пожаре жену и сына, вместе с верным другом и соратником Гарольдом, тоже потерявшим семью, оставили Швецию и отправились на север Руси. Там возглавил службу охраны в дружине поморов. Во время навигации в Мангазею их ладьи попали в засаду, в результате чего остатки команды вынуждены были бежать северным путём на восток.

За несколько периодов навигации добрались до дальнего востока. Осел в небольшом городке среди лесов, где стал должником. Узнав о таинственном подземном городе среди глухих лесов с несметными богатствами, задумал поход, вопреки предостережениям и дурным слухам. Никто из осмелившимся не вернулся: все сгинули, кроме одного, оставшегося без ног и хранившего молчание. Эрн разыскал таинственного свидетеля. Тот послал его к «белому деду»: когда-то таинственный старик, живший отшельником в лесной глуши, спас и выходил беднягу. Он не только знал путь к заброшенному городу, но и часто посещал его.

Эрн разыскал старика, сдружился с ним и увлёкся жизнью в лесу, полной чудес и дивных рассказов мудрого странника о своём прошлом. Мысль о несметных богатствах надолго отошла на второй план.

Друг и наставник в ходе совместных приключений поведаёт множество чудесных историй о людях, чьих душ коснулось откровение и изменило всю их жизнь.

Маленькие истории о Большем погружают читателя в глубину человеческой души.

Орёл озера Саймаа

Ближе к вечеру после сытного ужина Мо с Эрном, прогулявшись вдоль ручья, расположились на поляне у костра.

— Расскажи-ка о тайне своего имени, — неожиданно предложил дедушка с задумчивостью в голосе: будто историю эту уже знал да подзабыл детали. Он удобно устроился напротив Эрна, пронизывая того уже хорошо знакомым взглядом — с хитрым прищуром.

— Своего?.. Ну-у-у, не знаю... — Эрн даже растерялся от такой просьбы.

— Знамо дело, своего, — подтвердил дедушка, продолжая сверлить друга хитрым взглядом, — историю моего имени ты уже знаешь.

До сих пор воин удобно располагался на своём излюбленном бревне. Когда-то ему пришлось изрядно повозиться с упавшим деревом, чтобы теперь с наслаждением слушать дедушкины истории: обрезал сучья, стесал толстые ветки под спину, обтянул их лозой...

Вопрос заставил его подняться со своего ложа. Эрн хорошо знал этот взгляд, отчего растерялся ещё больше.

— Хм... — тихо буркнул он под нос, усаживаясь, после чего глубоко задумался.

Он молча глядел куда-то вниз, себе под ноги.

— Чую, держишь при себе чудную историю о том, что было до тебя. Али не так?

— Ну-у-у... то — долгий сказ, — наконец, отозвался воин.

— Добре, уважь друга, не всё ж мне болтать, — сказав, Мо взглянул на Эрна такими ясными и добрыми глазами, что отказать было невозможно.

Тот размяк, с улыбкой почесал затылок, вставая с места со словами: — Что ж, тогда добавим дровишек. — Он неспешно направился к приготовленной куче сушняка, словно выгадывая дополнительное время.

— Да-да, подкинь, — Мо тоже встал со своего пня, — нижней части того же дерева, когда-то сваленного молнией и превращённой в удобный трон, — а я соберу всё для сбитня да наливочку прихвачу.

Эрна в самом деле удивила просьба дедушки. Ведь так и есть: он бережно хранил в памяти историю своего рождения, — и верно — историю удивительную. Отец будто чувствовал приближение беды — поведал сыну, как тот на свет божий явился, — с чувством поведал, в подробностях. Да, у его полного имени — Эрн Саймон — весьма необычная предыстория...

«И чего я до сих пор не поделился? — спросил сам себя, пока таскал сушняк, и тут же ответил: — Уж больно непрост сказ, мне бы дедушкин дар излагать — давно поведал бы. Но откуда он может об этом знать?! Хотя... чего удивляться — шаман. А может... просто так сказал, — тотчас успокоил себя, — у кого прошлого нет? Да у доброй половины в нём загадок полно сокрыто».

Вскоре всё было готово для долгой беседы.

— Э-э-х, хорошо-о нынче! — с наслаждением протянул Эрн, глубоко вдохнул, потянулся, окидывая взглядом округу.

Он всегда наслаждался захватывающими рассказами дедушки, всякий раз удивлялся, как тому удаётся забрать и унести его в свой сказочный мир. И ныне он всё ещё пребывал во власти глубоких переживаний, рождённых историей о шорнике [см. рассказ «Анимо»]. Необычный голос дедушки, манера изложения, особое внимание к мелочам, подробностям и, главное, глубина чувств героев — вот уж кто умел их передавать! — всё это быстро уносило Эрна в далёкие дали.

Сказочный мир дедушкиных историй неизбежно проникал в его жизнь — не один день бродил он потом под впечатлением. После очередного откровения Мо он порой делал пере-

дышку — уходил в лес, чтобы побыть наедине с собой, что-то переосмыслить в своей жизни, заново собрать себя.

Дедушка же оказался не только хорошим рассказчиком, но и удивительно благодарным слушателем. Он испытывал не меньшее наслаждение от исповедей и историй Эрна. Ну как не ценить такого человека рядом с собой?

Эрн поставил у ног кружку и уселся в свою любимую позу: подвернул одну ногу под себя, а другую согнул так, чтобы сверху положить руки.

*

А теперь, наш дорогой читатель, позвольте воспроизвести рассказ Эрна о своём отце Олеге поподробнее, чтобы лучше увидеть необычность этого человека, разделить с ним невероятные, и такие притягательные моменты его жизни. Эрн действительно не был таким изысканным рассказчиком, как дедушка, потому мы возьмём на себя эту непростую роль. К тому же мы ничуть не слукавим: дедушка — необычный слушатель — внимая историю друга, именно так всё и представит.

*

Олег жил в землях шведско-финского Выборга. Отец его Любомир — дед Эрна — русич родом из Новгорода — участвовал в битве под Выборгом. После поражения и пленения финнами бежал из заточения, обосновался у прибрежного города Турку на западе Финляндии, взяв местное имя Люbbe.

Там познакомился и позже женился на молодой финской девушкой. У них родился сын. Назвали Олегом, — именем русским, но имеющим скандинавские корни и звучащим как Хельги, а у саамов — Хейкки. Произносимое на финский манер, оно никого не смущало, кроме того, звучало как уменьшительное, ласковое. Так и звали: между собой — когда Олегом, когда Хейкки, а для остальных — Хейкки.

В юности Олег полюбил молодую девушку Гуна, — сильно полюбил. Но та, к сожалению, выбрала другого — позже за него и вышла замуж. Олег сильно переживал: никак не мог забыть свою первую любовь.

У Гуны вскоре родилась дочь Инга (Ингер), и всё в её жизни складывалось хорошо, пока мужа не забрали на войну. А вскоре пришла весть — погиб. Так и осталась Гуна одна с маленьким ребёнком. Тяжко пришлось без опоры, без кормильца.

Тут и появился Олег: он всё ещё сильно любил её. Стал захаживать, помогать... Знала Гуна о его искренних чувствах, потому не отталкивала. Понемногу, день за днём... они сблизились... пока не вспыхнули между ними настоящие чувства. Вскоре поженились...

Олег души не чаял в маленькой Инге, хоть и мечтал о своих детях. Время шло, девочка росла, а родить ребёнка всё не получалось. Мечта о сыне не давала ему покоя.

Когда жизнь без своих детей стала тяготить, решил обратиться к местному знахарю. Но тот разочаровал: судьбой не предначертано иметь своих детей. Это сильно расстроило мужчину. Никак мог смириться он с этим — напротив, мечта о сыне-помощнике всё больше и больше превращалась в навязчивое желание, отравлявшее вполне себе спокойную и размеренную жизнь молодой семьи.

Олег зарабатывал на жизнь рыбной ловлей: вместе с приятелем Бьёрном промышлял на местных озёрах. Огромная сеть озёр под общим названием *Саймаа* приносила основной улов. Там и построили они небольшую рыбацкую хижину с причалом.

Себе-то рыбы хватало с лихвой, но на излишках в этих местах не заработаешь. Вокруг одни рыбаки — кому здесь рыбу продашь? Зато в Выборг на большой рынок, куда пару-тройку дней ходьбы, имело смысл отвезти лишний улов. Там тоже своих рыбаков хватает, но и народу поболее будет, потому удача порой улыбалась им — возвращались домой с неплохим заработком.

Бьёрн — вечный холостяк — всё мечтал уехать поближе к какому-нибудь крупному шведскому городу в финском заливе, а то и в Швецию, да наняться на приличную работу. Весёлый и общительный человек, весьма лёгкий на подъём, хорошо дополнял и поддерживал склонного к задумчивости и малость нерешительного Олега.

«Чего мы торчим тут?! Ловим эту рыбу... Надоело уже! Давай рванём на запад, за границу: в Швецию или Данию», — подбивал он друга начать новую жизнь. Его всегда тянуло к «приключениям». То и дело уговаривал он друга отправиться в поход: на поиски новых озёр, в какой-нибудь город, либо ещё невесть куда, — лишь бы не сидеть на месте в этой глуши.

Олег же тяготел к постоянству и оседлости. В отличие от своего пылкого друга был тяжёлым на подъём — не хотел без особой надобности покидать родные места, сколь бы ни уговаривал его Бьёрн. Да и к чему все эти похождения: как-никак у него семья — её нужно кормить, оберегать. Нет, отправляться в неизвестность бог знает куда он не хотел.

У Олега — человека нерешительного — пряталось в душе много разных желаний, мечтаний, которые он так и не смог исполнить. ...Зато грезил о том, что все их сможет воплотить в жизнь, имей он сына. Но как они с Гуной не старались, зачать ребёнка не получалось. Куда только не обращались: и к лекарям, и к травницам, и даже в Выборг к знахарке знаменитой ездили... — всё тщетно.

Потому и тяготило его такое положение, — и чем дальше, тем сильнее. Гуна — добрая и понимающая жена — как могла, старалась поддерживать мужа и не задевать его за больное место. И всё же застаревшая рана то и дело давала о себе знать: всё чаще у них возникали ссоры, что называется «на пустом месте». Нет, они не перерастали в глубокую неприязнь, их чувства оставались сильными, но Олег всё больше понимал — с этим надо что-то делать. Все его желания будто свелись к одному и превратились в навязчивость, отравляющую его жизнь.

Однажды между ними возникла очередная ссора: Олег отругал дочь за какую-то ерунду. Гуна заступилась. В порыве чувств обвинила мужа: «Ты одно о сыне гредишь, оттого, видать, любовь к дочери неродной в душе твоей гаснет».

Олег крепко обиделся — ушёл, да со всего маху дверью хлопнул, — так, что с полком что-то с грохотом упало.

Долго в тот день бродил вдоль берега озера: чувство одиночества и ненужности досаждало, давило в грудь. Ворох несбывшихся желаний и надежд будто прижимал к земле. А ноги, словно налитые свинцом, совсем не хотели слушаться.

— Ой-й! — неожиданно вырвался громкий крик от резкой боли в ноге. — Проклятый камень!?! — Пришлось присесть на землю и долго растирать опухший палец на ноге. — Неудачник! Вот я кто! И как Гуна со мной живёт и всё терпит?!

Возвращаться домой не хотелось — посидел ещё немного и неспешно поковылял к Бьёрну. Бьёрн с радостью принял друга, достал вина, наскоро собрал на стол, что смог наскреести по сусекам. Чего имелось в достатке, так это рыбы: Бьёрн великолепно вялил и коптил рыбу на зиму.

Весь вечер они провели за душевными разговорами под хмельное, а когда наступила ночь, Бьёрн предложил другу остаться и переночевать у него: мол, нечего идти домой в поздний час, да ещё с таким грузом на сердце.

— Счастливый ты человек, — уж изрядно выпив, с грустью протянул Олег, — свободный как ветер и жизнью довольный. А я вот женился... И ведь люблю жену свою с дочкой — жизни без них не вижу, — но так сына хочу... кто бы знал! Неужто мне, мужику всю жизнь рядом с бабьим подолом болтаться?!

А кабы сына имел, воспитал бы его как мужика... — всё ему дал бы! Вместе мы бы столько сделали! А одному и не хочется ничего: ради чего? Дочь замуж выйдет и — бывайте... Да пропади оно всё пропадом! Ничего мне не надо!

— Мда-а-а... — мычал да сочувственно кивал Бьёрн, — даже не знаю, как тебе помочь... Усыновить сироту?..

— Да где ж его найти?! Оно-то всяко бывает, но полагаться на это — нет.

— Разыскать бы старую Хельгу, — перебирал в голове друг, как решить вопрос, — она бы точно помогла. Говорят, такие чудеса творила! Ну, ведьма настоящая! Правда, добрая — никому зла не причинила. Ни за что изгнали старуху! Ох уж эта охота за ведьмами!

— Да знаю... — в голосе прозвучало сожаление, выдававшее давний интерес к сказанному. — Сколь уж расспрашивал о ней — всё без толку. Да где ж её сыщешь-то? — сокрушался Олег, размахивая руками, словно пытался рассеять нелепые идеи друга.

* * *

В народе давно ходила молва о старой знахарке Хельге, жившей в этих местах. Про невероятную силу старухи рассказывали много всякого, во что и поверить трудно, — особенно те, кто видел её.

Олег ещё раньше исходил всех местных знахарей и не пропустил мимо ни одного рассказа о старой Хельге. В здешних местах многие хоть что-то, да слышали о ней. В одном месте поведают про удивительную целительницу, в другом припомнят чудесное исцеление, в третьем сошлются на её советы... Одному родственника исцелила, на ноги подняла, другой сам ходил к ней за помощью и зрение вернул, третьему — знакомые рассказали, как та помогла им.

Так и собирал истории о её чудодейственной силе, равной которой никто не встречал, да всё чаще подумывал, как бы найти её. Пока не знал, где искать. Да и вообще, никто не знал наверняка, жива она, или нет. Оттого от одного упоминания о ней порой становилось только хуже.

История Хельги, что собрал Олег, такова.

Лет семь назад жила знахарка на берегу озера недалеко от их деревни. Жила в уединении, но люди ходили к ней часто, и почти никому она не отказывала. Говорили, многих излечила, — даже тех, кто, казалось, уж не жилец. Старая была, но не дряхлая — выглядела намного моложе своих лет. Слухи о ней ходили с давних времён, потому никто и знать не знал, каков её возраст на самом деле. Друзей и родных не имела, так что одними слухами народ и довольствовался.

Была у знахарки одна чудинка. Вроде и старая, а всё ходила в украшениях из цветов: то веночек оденет, то ожерелье яркое сплетёт, будто девка молодая. Народ хихикал про себя, да плечами пожимал в недоумении: в молодухи та давно не годилась. Удивлялись, не понимали, но молчали, боялись и уважали загадочную целительницу. Её же самую людская молва совсем не беспокоила.

Однажды отказала старуха влиятельному человеку в помощи, и тот донёс на неё церковным властям. Борьба с ведьмами, что вела церковь, распространилась далеко за пределы великих держав. До сих пор подобное здесь не наблюдалось, но, как назло, донос нашёл своего исполнителя.

Хельгу объявили ведьмой и обвинили в распространении языческих суеверий. Довольно быстро из города приехали люди, разузнали, где живёт, но когда пришли к дому, её там не оказалось. Стали искать — нет нигде, исчезла, как знала, что за ней идут. «Да вот же, видели её только что!» — говорили местные рыбаки, чьи лодки располагались у берега недалеко от дома Хельги.

Приехавшие сильно удивились: на столе осталась недоеденная еда, ещё тёплая, а вещи вокруг лежали так, словно она только что была здесь. А как спустились к озеру и зашли на мостки, увидели на воде свежий веночек из цветов. Тогда и решили — утопла ведьма. А куда ещё могла деться старая бабка? Озеро в том месте глубокое, потому и не нашли её.

Дом ведьмы приказали сжечь. Люди, что собрались вокруг, молча смотрели на огромное пламя, и каждый про себя жалел, что старая Хельга больше не сможет исцелять их родных. Позже народ говорил, как подожгли дом, неожиданно налетел сильный ветер, бог знает откуда

взявшийся, и так же быстро ураганом прошёлся по озеру, даже снёс крыши с недалеко расположенных рыбацких построек. Он ещё сильнее раздул пламя горящей избы. Некоторые даже убежали от страха: решили — не иначе как волны гнева старой Хельги докатились с того света!

Но, спустя время, прошёл слух, будто Хельга жива — просто обвела всех вокруг пальца и ушла в глухие места. Ещё позже появились слухи, что перебралась ведьма в глушь: живёт где-то у Чуй-озера, в нескольких днях пути от их селения. Откуда эти слухи, никто не знал, потому верить или не верить в них, каждый решал сам.

С тех пор, как она ушла, и до того часа, как Олег изливал другу свою душу, прошло десять лет.

*

— Ну, ты же слышал, говорят, будто она на Чуй-озере живёт? — взволновался Бьёрн. — Давай сходим, поспрашиваем местных. Глядишь, узнаем что-нибудь. А вдруг, и вправду, там прячется? Живёт себе в глуши озёр и лесов — горя не знает. По крайней мере, будешь знать наверняка, правда это, или слухи пустые. А коль сидеть тут да ждать, что она сама к тебе явится!.. — Бьёрн, тоже изрядно подвыпивший, почувствовал, что есть повод совершить дальний поход и, похоже, загорелся.

— Да где хоть это Чуй-озеро-то? Знать бы ещё, куда идти, — сопротивлялся Олег, — поди, у чёрта на куличках!

— А что, давай пойдём!.. Хейкки, ну... Да что нас держит-то, дружище ты мой?! Иль рыба твоя уплывёт куда?! Взяли, да пошли! — напирал приятель. Неспроста же имя твоё — Хельги — в женском виде — Хельга!!!

— Ну-у ладно, давай сходим, — неуверенно уступил Олег.

— Всё, решено — на зорьке же отправляемся! — тут же поймал его на слове Бьёрн. — Припасы в дорогу имеются, удочки, лук со стрелами понадобятся... — Разгорячённый хмельным питием, он предвкушал множество дивных впечатлений от дальнего похода. Посидели ещё какое-то время и легли спать, а утром приятель ни свет ни заря уже будит:

— Хейкки, вставай, — говорит, — пора собираться!

— А? Что?.. Куда?.. Зачем?.. — Олег с трудом открыл глаза и долго не мог понять, что случилось. Его помятое лицо выдавало долгое застолье накануне. — А, ну да... — наконец, вспомнил ночной разговор и явно пожалел, что на пьяную голову согласился на этот поход. — Я думал, ты это не всерьёз: так, поговорили, да и ладно... — бурча себе под нос, с трудом встал с тёплой лежанки, неспешно потянулся и принялся одеваться.

— Даже не думай отказываться от своих слов! — Бьёрн яростно направил на него указательный палец, — обижусь! И потом... — это тебе, дружище, Хельга нужна, а не мне. Да и ... развеешься заодно, отвлечёшься от горестей своих. Али не прав я?

— Ой, да ладно, — буркнул Олег, махнув рукой, — веди, куда хошь. — Ему бы головную боль успокоить да собрать себя воедино.

Быстро уложили мешки для долгого похода, позавтракали и — в путь...

Где это Чуй-озеро, они не знали, но по пути люди указывали направление и дорогу. Часть пути прошли по воде: где лодочники переправляли, а где и самим приходилось наспех соорудить плот.

Наконец, добрались до дальнего селения из нескольких домишек, за которым начинались безлюдные места. Здесь каждый знал дорогу до озера. Само оно, говорят, небольшое, но пройти к нему непросто: где сушей, а где — только по воде. Правда, отчего-то с опаской говорили о нём, а уж провести к месту и вовсе никто не согласился. Странно, но о Хельге никто ничего не слышал.

Что ж, не идти же обратно, когда столько пройдено и до цели — день пути. Решили сами отправиться до Чуй-озера, да поискать — вдруг повезёт.

По пути встретили охотника — тот сказал, что слышал о старой ведьме, живущей где-то в глухих местах на берегу Чуй-озера.

«Вот видишь, — Бьёрн радостно похлопал по плечу своего друга, — а ты не хотел идти! Всё складывается!»

Правда, помочь и провести путников к месту охотник наотрез отказался, — даже за хорошую плату.

— Дорогу покажу, — сказал, — но сам не пойду.

— А чего так, коли рядом тут? — взялись уговаривать.

— Да не ходит туда никто, — таков был ответ, — страх там на озере живёт.

— Какой такой страх? — насторожился Бьёрн: на подъём-то лёгок, да храбростью не отличался.

Охотник помотал головой:

— Больше ничего не скажу, — тихо буркнул, опустив глаза, — он и за словами прийти может. Я бы на вашем месте носа туда не совал... но то не моё дело. Мне же пора, — охотник поспешно удалился.

Друзья сначала долго смотрели друг на друга с удивлением.

— Как так, за словами прийти могёт?! — теперь уже испугался Бьёрн. — Может, и правда, не пойдём?

От радости, только что охватившей его, не осталось и следа. Сразу вспомнилась и прочая молва местных об озере, коей отчего-то не придали значения. А толки вокруг него недобрые. Говорят, однажды там целая дружина воинов сгинула бесследно: вещи нашли, а людей — нет! Как сквозь землю провалились! Да и нынче... коли забредёт кто по случаю, так непременно напугается чего-то и бежит со всех ног оттуда. Всякие странности случаются там: то тень промелькнёт, то звуки тишину нарушат, от коих кровь в жилах стынет. Оттого и не ходили туда. «Мы на Чуй-озере даже охотиться не идём, хоть дичи там непуганой — тьма, — сказали им в деревне, — и вряд ли найдётся чудак, что согласится провести вас туда».

— Ну уже нет! Коль надумали, надо идти до конца! — Олег порывисто вскинул на плечо походный мешок и уверенно направился по тропе, указанной охотником. Бьёрн послушно засеменял следом, то и дело опасливо оглядываясь по сторонам.

Чуй-озеро

Места, и правда, оказались глухими, но живописными: озёра, каменистые препятствия, перемежающиеся густым лесом. Пока Олег восхищался красотой здешних мест, Бьёрн, видимо, под впечатлением от встречи с охотником, то и дело канючил:

— Может, вернёмся? Чего нам искать в проклятом месте? Да кабы она там в самом деле жила, местные наверняка бы знали. Поди, нет тут никакой Хельги!

— А может быть есть, — отвечал Олег. — Охотник же сказал, что слышал о какой-то ведьме.

— Ты-то ладно, бог с тобой, а мне-то оно на кой? — не унимался напуганный приятель, — рисковать жизнью своей?

— Погодь-погодь, дружище! А не ты ли меня вытащил сюда? — теперь уже Олег настаивал на своём. — Ещё чего! Шли-шли бог знает куда, а теперь — назад? Ну уж нет! Либо найду её, либо знать буду точно, что нету здесь никакой Хельги. Иначе не прошу себе: вдруг она здесь, рядом?! Да мало ли, каких небылиц тебе нарасказывают! А то народ не знаешь? Коли боишься, так и возвращайся назад — дальше один пойду. И на том спасибо, что с места сорвал да привёл меня сюда.

— Ладно... — с досадой буркнул Бьёрн, махнул рукой да смиренно последовал за другом.

Местные не соврали: пока шли — ни одного следа, ни кострища, — никакого присутствия людей.

Наконец, добрались до озера! Ближе к вечеру нашли удобное место для стоянки: большую поляну у берега, с неё хорошо просматривалась местность.

Сбросили вещи, наспех соорудили мягкие лежанки... Затем Бьёрн пошёл к берегу рыбачить, а Олег отправился осматривать окрестности.

Почти всё озеро обошёл вдоль берега, но не нашёл ни одной тропы из леса, кроме той, что шла от их поляны. Сразу по ней не пошёл — оставил на потом: пока светло, решил осмотреть дальние окрестности. Как и по пути, на берегу — ни кострищ, ни подмостков для удилищ, — никаких следов пребывания людей. А места и верно богатые: дичь спокойно плавает по озеру, а рыбе будто тесно в воде — так и рвётся наружу.

Когда Олег вернулся, Бьёрн уже варил уху на костре.

— Не поверишь, сколько здесь рыбы! — восхищался он; удовольствие от рыбалки заставило его забыть о страхе. — А вода какая прозрачная — дно видно! Опускаю приманку прямо под нос рыбе!

— Здорово! — поддержал его друг, вдохнув аромата свежей ушницы. — Эх, нам бы такие места! Здесь дичи непуганой — тьма тьмушая: из-под ног выскакивает... хоть руками лови!

— Вижу, ничегошеньки ты не нашёл... — будто с облегчением заявил Бьёрн; похоже, единственное, чего ему хотелось — хорошо отдохнуть после долгого пути на берегу чистого озера да побыстрее покинуть эти места.

— Да, — согласился Олег, — вдоль берега — ничего, кроме вот этой тропы. — Он показал на явно вытоптаный кем-то проход к озеру. — Смотри, кто-то же здесь натоптал.

— Ну да, — удивился тот, — как удачно мы расположились: и искать более не надо.

— Ладно, пока стряпаешь, схожу туда.

— Сходи-сходи, — поддержал довольный Бьёрн, — убедись, что нет здесь никакой Хельги! Зверьё, поди, к водою ходит.

— Может и так, а может и человек.

— Давай, только недолго... скоро сготовится... и далеко от озера не отходи — не хочется одному остаться здесь, — добавил с усмешкой приятель, бросая в котелок несколько щепоток соли.

Олег направился по тропе вглубь леса и вскоре вышел к ещё одной поляне. На другой её стороне возвышался каменистый холм. Его необычная форма сразу приковала к себе внимание. На вершине холма лежали большие камни и средний из них — очень тонкий и длинный, в два человеческих роста. Все вместе камни слегка напоминали руку с поднятым вверх пальцем.

В здешних местах полно камней самой разной формы и размера, но что-то особенное таилось в этом холме с его камнями. Захотелось пройти к нему через поляну да получше рассмотреть их. Так и поступил. Несколько раз обошёл вокруг загадочного природного сооружения. Необычная тишина этого места вызывала в душе непонятную тревогу и навязчивое ощущение присутствия чего-то невидимого.

Груда нижних камней, и правда, напоминала сжатый кулак. «Надо же, даже ноготь изобразила природа, — удивление перешло в улыбку, а взгляд притянул небольшой участок мха на верхушке «пальца». Тот словно указывал куда-то вверх. Взгляд невольно обратился к небу, — в точку, куда указывал камень-палец. В ней среди ясного неба застыла одинокая маленькая тучка.

«Ну да, как же без тебя?!» — нервная усмешка вырвалась из уст.

Олег ещё несколько раз внимательно осмотрел поляну, но больше ничего особенного не обнаружил. Вокруг — кусты, деревья, камни. Правда, одно дерево — очень старое — на время приковало взгляд. Его кривой ствол рядом с привычно прямыми деревьями выглядел нелепо: ничто не мешает и ему расти ровно, ан нет: весь изогнулся, искривился под гнётом силы невидимой. Подошёл, погладил ствол, будто в поддержку, ещё раз окинул поляну взглядом — место необычное, даже таинственное, но не более...

Ещё немного походил по округе в надежде найти хижину или хотя бы следы старухи. Тщетно. Тем временем, начало смеркаться — в лесу стало жутковато. Что ж, — с сожалением решил, — нет так нет... — пошёл обратно.

— Ты что, даже в лес не зайдёшь? — посмеялся он над приятелем, выходя на поляну.

Бьёрн, всё ищущий новые впечатления, вдруг оказался трусоватым. Это и умиляло Олега.

— Пойдём, покажу поляну с камнем в виде пальца. Тут недалеко — шагов триста-четыре-реста отсюда.

— Пока ты ходил, уха как следует настоялась, — в предвкушении вкусного ужина, потёр ладонями Бьёрн, уже разложивший всё необходимое на подстилке. Уловив косой взгляд приятеля, нехотя смягчился: — Ладно, пойдём поглядим, что там за чудо.

Но, не успел войти в лес, как тут же подвернул ногу.

— А-ай! Чёрт побери! — разнеслось по округе. — Всё, идём отсюда! — Прыгая на одной ноге, он раздражённо добавил: — Я что, камней не видал?

— Ладно, пойдём... — Олег помог бедняге допрыгать до костра, усадил на землю. — Ничего не нашёл, но вот предчувствие странное, — задумчиво протянул он, набирая в миску уху.

— Что ещё за предчувствие? — Бьёрн уже успокоился и с жадностью ждал своей очереди.

— Да... ничего такого... — ушёл от ответа приятель. — Давай-ка отведаем твоей дивной стряпни!

Поужинали, выпили вина и ещё некоторое время разговаривали, расположившись на своих лежанках прямо у костра. К тому времени уже стемнело. Вскоре усталость дала о себе знать — путников потянуло ко сну.

Они уже спали, как началось то, о чём их предупреждали.

Сначала из леса со стороны таинственной поляны послышались необычные звуки, похожие на вздохи: словно кто-то делал глубокий вдох, а потом с трудом протяжно выдыхал. Звучало устрашающе. Сон как рукой сняло. Потом в чаще леса послышались громкие шевеления, шорохи, движения вокруг поляны, какие-то звуки, напоминающие стон, а со стороны озера — сильные всплески, будто нечто огромное плескалось в воде.

«Небось, крупная рыба шалит», — пытались успокоиться друзья, с ужасом глядя друг на друга, пока не раздался всплеск такой силы, будто целая скала рухнула в воду. Животный страх вмиг охватил их. Загасили огонь, затихли... чтобы ничем не выдавать своего присутствия, прижались друг к другу, сжимая в руках топоры. Так и лежали до рассвета. Лишь изредка выглядывали из-под шкур, осматривались, вздрагивая от каждого шороха.

Лишь к утру всё стихло, и сон, наконец, сморил их.

Проспали до полудня. Бьёрн пожаловался, что будто и не спал: всю ночь мучили ужасные кошмары. Олег же, напротив, будто провалился в глубокий сон и, в отличие от приятеля, был вполне бодрым, хорошо выспавшимся, хоть и спал недолго.

— Ты как хочешь, а я не намерен здесь оставаться, — вновь заканючил Бьёрн, собирая вещи.

— Да не волнуйся, — успокоил его друг, — задерживаться здесь нет никакого смысла — перекусим и — в путь.

*

Когда Олег вернулся домой, его встретили радостные лица жены и дочери: их сильно напугал его уход. С того дня они с Гуной заметно сблизились, будто и не было между ними никакой ссоры. Одна беда: Олег не верил уже, что есть какой-либо выход из его положения. «Нет никакой Хельги, — решил он для себя, отбросив все мысли о ней, — по крайней мере, не буду теперь напрасно мучить себя пустыми надеждами».

Время шло... Однажды во время сильной грозы Олег долго не мог уснуть: раскаты грома каждый раз будили, когда он уже погружался в сон. А тут ещё вспомнилась та беспокойная ночь на Чуй-озере — какой там сон?!

Поправил одеяло на крепко спящей жене, встал и тихонько вышел в пристройку. Через приоткрытое оконце веяло дождевой свежестью. Очередной всполох вырвал из темноты одинокую птичку, сидевшую на толстой ветке. Та нахохлилась, втянула голову поглубже в пушистый воротник и даже глаза закрыла, терпеливо ожидая окончания непогоды.

— Пряма как я, — отозвалось внутри. — Мне тоже худо под гнётом желаний, — как этой птичке — живу и терплю... будто счастье навсегда позабыло обо мне, а непогоде конца и края нет.

Гром, однако, стихает, всполохи слабеют... Уходит гроза: не вечно же ей слёзы лить. Может и мою жизнь ненастье однажды покинет?

Наконец — тёплая постель. Усталое тело быстро погрузилось во владения ночи.

Снится, будто стоит он один на той загадочной поляне с камнем-пальцем. Ночь. В небе прямо над ним — огромная яркая луна, почти полная. Со стороны озера доносятся те же пугающие звуки, напоминающие вздохи. В округе зябкой тревогой пахнет. Боязливый взгляд пригнули едва различимые силуэты вдаль. А как посмотрел на камень-палец, тотчас заметил чёткую длинную тень, через всю поляну ведущую прямо к горбтому дереву.

От деревьев теней нет: луна висит прямо над ним, оттого упавшая через всю поляну тень от камня кажется зловеще неестественной. На холме послышался шорох, но никого не разглядеть — лишь тёмные сгустки. Неожиданно один из камней шевельнулся. О боже! Так это — стоящая к нему спиной старуха!

Жуткий страх охватил естество: колени трясутся, силы вмиг покинули, руки онемели... Набрал воздуха, чтобы закричать, но голос предательски пропал. Одна мысль стучит в голову: «Бежать!» И бросился бы, да ноги будто в трясине погрязли — не слушают. С великим трудом, хрипя, выдавил из себя: «Бабушка Хельга, ты ли это?»

И тут послышался шёпот, — совсем близко, в самое ухо: «Коли хочешь найти меня, приходи сюда один». Всей душой почуял — сама Хельга говорит с ним, так и не повернувшись лицом.

Сырой холод пробежал по всему телу... Олег проснулся, — весь мокрый, взъерошенный. Чувство от невиданной яви сна не покидало, а в голове продолжал звучать голос, произнёсший загадочные слова. Нет, не могло ему самому такое в голову прийти! Целый день растерянно слонялся по двору, работал в полсилы, не зная, что и думать. «Да нет же, это — просто сон», — вновь и вновь успокаивал себя, но видение, что принёс из столь страшного, но и чудесного сна, слишком глубоко сидели в его сердце и не давали покоя.

Он никому ничего не рассказал: как всегда был замкнут и немногословен.

Эйл

Вскоре Олег с другом ушли на заработки в Выборг. Обычно они отвозили туда улов и, если удавалось удачно наняться на какую-нибудь работу, ещё на несколько дней задерживались в городе. В этот раз поездка удалась — они неплохо заработали. Вечером зашли в таверну, чтобы подкрепиться и отметить успех.

Там их неожиданно пригласили за стол местные рыбаки. Весёлый парень, возглавлявший застолье и уже прилично подвыпивший, неожиданно пригласил их присоединиться к своей компании. Он назвался Эйлом. Олег с Бьёрном растерялись было, но все дружно поддержали Эйла, принявшись радостно сдвигаться на лавках, освобождая гостям место.

— Нынче я угощаю, — объяснил Эйл засмущавшимся незнакомцам, — мы с друзьями отмечаем рождение моего долгожданного сына! Не припомню вас, откуда будете?

— Я — Бьёрн, это — мой друг Хейкки, — ответил Бьёрн, — Мы — рыбаки с озёр Саймы, — указал рукой на север, на что Эйл — его также пару раз назвали Эйли — ещё больше обрадовался:

— Да ну! — Радостно раскинул руками. — Я сам с тех мест! Вот это да! Земляки, стало быть! А я вот много лет сына ждал, — поделился он своим счастьем, — да жена всё дочерей рожает! Думал, уж не дождусь помощника себе, но бог одарил меня! Верно сказала старая Хельга: «Через двенадцать лет у тебя сын родится».

Олег едва не поперхнулся едой, как услышал знакомое имя.

— А ты что, знавал её?

— Ну да, я ведь с тех же мест, что и вы, — ответил Эйл, — давненько, правда, было то.

— Не поведаешь ли нам историю сию? — тотчас подключился Бьёрн; он сразу заметил, как заволновался сидящий рядом Олег, — а то мы с другом пытались давеча отыскать её — без толку.

— Мои-то друзья не раз уж слышали эту историю, — ответил Эйл, обращаясь к компании, — не в тягость ли будет?

«Да расскажи!», «Чудная история!», «Поди-ка, не все и слышали»... «Валяй, только не растягивай, дружище!» — дружно ответили ему со всех сторон.

— Ну, так вот... — начал тот, — по молодости... годков двадцати был, да глуп, горяч, ума нажить не успел... Дурачились мы с друзьями на озере да с высокого утёса в воду ныряли. Я тогда сильно руку поранил об острый камень. Кровушка было!..

Рана оказалась глубокой, рваной — ни в какую не заживала. Ничего не помогало — хуже и хуже становилось мне. Вот и отвели родители к Хельге. Её тогда все в округе знали: случись чего — сразу к ней за помощью. Странной эта Хельга мне показалась: будто не от мира сего, — Эйл на время задумался, то ли вспоминая что, то ли слова подыскивая. — Смотрит на тебя — словно насквозь видит! Я будто нагой пред нею стоял! Бррр... Столь годков минуло, а взор тот ведьмин доселе помню. Да и не донести мне того: как о вещах тайных сказать, коли сам не ведаешь?!

Так вот, осмотрела рану, наложила какие-то отвары из трав — у ней вся хижина ими обвешана до самого потолка! А как уходить мне час настал, ни с того, ни с сего глядь в меня, да молвит: «Первую жену потеряешь, вторая принесёт тебе двух дочек».

А я ей: «А сына?» Я и за дочерей-то плохого слова не замолвлю — сколько бог даст — все мои, но всё ж хотелось бы... — словно оправдываясь, замешкался Эйл. — А та мне в ответ: «Будет и сын, но спустя двенадцать лет... — а сама так хитро взирает исподлобья, — коли сделаешь то, что накажу тебе». — «И что же мне должно делать-то, баба Хельга? — спрашиваю. А она: «Не теперь, милай мой. Не время пока — не уразумеешь... Потом скажу. Исполнишь — будет тебе и сын».

Дала она мне тогда ремешок кожаный на руку и велела носить его денно и ночью. «Носи — он тебя беречь будет, и всё будет хорошо», — так и сказала.

Ремешок по душе пришёлся — не в тягость волю её исполнить. Да что там, так привык к нему, что никогда не расставался. И даже заметил — верно, он как оберёт мне: от разных бед ограждающий. Не раз выходил сухим из воды, когда казалось — выхода нет. И сколь раз на краю гибели стоял, но, не поверите, всё как-то обходилось. Во как!

А предсказания старухи все сбылись: в точности как говорила. Первая жена зимой в озере утопла: в прорубь угодила да не выплыла; от второй двое девочек народилось.

— И когда Хельга тебе про сына сказала? — Олег сгорал от любопытства.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но в прошлом годе она мне возьми да и приснилась! Уж и не надеялся, признаюсь. Девчата мои растут, а с сыном всё не выходит — я уж и смирился. О предсказании Хельги и не вспоминал, хотя оберег её — всегда при мне. Во-от! — Эйл развёл руками.

А тут снится бабка ни с того ни с сего да во сне и молвит: «На прибывающую луну ступай на кривой камень и оставь на нём исподнее, — своё и жены твоей. Оставь на ночь, а утром рано, как солнце взойдёт, заберёшь».

Пробудился и думаю: «Да, чепуха какая-то!» А у самого сомнение: «А вдруг — нет? Али не сказывала старая про двенадцать годков?! Сказывала. А ведь двенадцать и прошло с тех пор! И луна прибывает. Выходит, нынче за полночь идти надобно. А пусть и ерунда всё это — чего мне стоит наказ ведьмин исполнить? Ведь доселе бабка ни в чём не обманула, так отчего ж и сей завет не исполнить, пусть и дан бог знает когда? Не соврала-таки старая, пообещав: «Потом скажу, что делать». Как тут не поверишь?! Да и камень кривой не так и далече отсель. Надо бы сходить».

Кто не знает... — Эйл кивнул на Олега с Бьёрном, — есть у нас за городом здоровенный плоский камень у дороги. На него чудным делом путники одно натыкаются ночью или в непогоду. Оттого и прозвали «кривой камень». Пробовали убрать с дороги, да где там! — длиной почти в три моих роста, под землю глубоко уходит, да над землёй по пояс выступает.

— Не уж-то исполнил всё, как наказала? — Олег вспомнил о своём недавнем сне: ведь Хельга и ему наказ дала!

— Ей богу! То и проделал, что старая велела, — продолжал Эйл, — вышел ночью, снял с верёвки исподнее, недавно стираное — своё и жены — да и пошёл к камню. Иду по дороге, да «кривой камень» высматриваю. А, как на зло, не видать ничего впотьмах, хоть глаз выколи! Всё небо тучами затянуло — ни звёзд, ни луны. Чуть приоткроется — что-то видать вроде, а потом — опять ни зги.

Вот те раз! Кое-как дошёл до места, а камень-то и не найду! Смотрю, вот — дерево, вот — дорога, где-то вон там должен лежать. Вроде всё верно. Иду туда, а его и нету! Хожу, хожу — нету и всё! Вот дела-то! Как не нужен — одно натыкаешься на него, а тут — как сквозь землю провалился!

Хотите верьте, хотите — нет, лазил, лазил я у дороги — и ничего! Не найду и всё! Все кусты облазил, всё обшарил! Помню же, где он был, а найти не могу! Сколь раз по этой дороге ходил мимо него, а тут хоть тресни! И ведь не камешек малый — такой потерять можно, — а тут... каменюка эдакая и нету! Да луна не выходит как на зло!

Так и шарился битый час. Уж и ноги подкашиваются. Всё, надоело! Решил присесть куда-нибудь... Нашупал что-то твёрдое, сел... Всё, — думаю, — не сыскать мне его — не иначе колдовство какое! Одно слово — ведьма. И тут луна выходит из туч, освещает всё вокруг. Аж испугался — да я сижусь на нём! Ну и чудеса! — думаю, — то уводит от него, то приводит!

Обрадовался несказанно, расстелил исподнее и — домой. Пришёл да спать лёг — намаялся. Так намаялся, что больно крепко заснул. Проснулся, а солнце-то — вот-вот встанет: уж небо алое у горизонта. Испугался... Хельга-то наказывала: «На восходе заберёшь».

Вскочил с лавки, как ошпаренный, и — бегом к «кривому камню». На сей раз быстро нашёл его: благо, светло вокруг. Исподнее, как положил его, так и лежит себе. Когда сюда нёс, ещё сырое было, а тут — подсохло уже. Собрал всё и — домой. Иду, улыбаюсь на себя, думаю: «Ну не дурило ли?! Станет ли кто в своём уме такие дела творить?! Да ладно... — махнул рукой, — плевать! Всё одно никто не видит».

Помню, Хельга сказала: «Как принесёшь — одень». Надел своё, да жене приказал свежее надеть. Она удивилась, но послушалась. А вечером у нас вдруг такое желание друг к другу вспыхнуло! Да такая страстная ночь случилась!..

А потом всё вернулось в прежнее русло: заботы, хлопоты... А спустя время жена и говорит: «Тяжёлая я, — ребёночек у нас будет!» Вот так сын и родился!

— Вот это да! — не сдержал чувств Олег: — «За тебя, Эйл и сына твоего!» — вскочил на ноги, поднял кружку и отпил хмельного напитка.

«Да, за тебя Эйли!» — радостно поддержали остальные.

— Я и сам поражён был, — обратился к Олегу Эйлу — особая, когда не смог найти свой ремешок — он после того пропал! Всё обыскал, — и у камня, и в доме... — словно провалился сквозь землю! Всё, думаю, забрала бабка его назад, но ребёнка дала. Вот такое чудо со мной стряслось. Такая вот история. Хотите — верьте, хотите — нет.

Право, всех та история поразила, а Олег призадумался... И опять сон его из головы не выходит. Только теперь не отмахнуться от него как прежде. «Чую, что-то здесь не так, — то и дело говорил себе, а уже дома твёрдо решил: — Что ж, надо идти».

Второй поход к Чуй-озеру

Лишь луна располнела, Олег засобирился в дорогу. Никому ничего объяснять не стал: чуял — о тайных делах говорить не гоже. Гуне сказал, что отлучится ненадолго — рыбные места поискать.

Путь туда и обратно уже проторённым путём должен был занять не больше недели. Три дня добирался к Чуй-озеру, — как и прежде, где водой, где сушей. Пришёл днём на то же место, где останавливались с Бьёрном. Разбил стоянку, пошёл наловить рыбы. Тут и задумался, днём на поляну отправиться, или ночью? Во сне-то ночью встреча случилась, при свете луны.

А как вспомнил события той ночи, так страшно стало. «Нет, схожу-ка сначала днём, — решил для себя, — а то мало ли, что там ночью... А так... схожу разведать, место изучу: вдруг придётся в полночь идти. Никому не пожелаешь заблудиться ночью в этих местах!»

Наловил рыбы к ужину, полежал малость, чтоб настроиться да отправился. Первым делом отыскал самое высокое дерево. С трудом забравшись повыше, принялся внимательно осматривать окрестности.

За поляной с пресловутым камнем возвышался лес — продолжался довольно далеко и упирался в каменистую возвышенность. Спустился на землю, прошёл аж до той возвышенности, осмотрел и эти места. Ничего особенного. Вернулся на поляну, где долго ходил вокруг камня-пальца, возле кривого дерева. Ничего странного не приметил, но, по правде говоря, и не ожидал: надо ждать луны.

Дело шло к вечеру, потому решил вернуться на поляну: развести костёр да поужинать, прежде чем Хельгу искать.

Разжёг огонь, сварил уху, подкрепился, прилёг в ожидании полуночи. На душе волнительно. Вот уж и стемнело, луна выглянула, но ещё не время. Мысли вереницей неслись в голове: «Я ведь много чего про Хельгу слыхивал, но — ни одного случая, чтобы та кому вред причинила. — Уж очень хотелось успокоить себя, чтоб коленки не тряслись в лесу. — Вон, Эйла двенадцать лет оберегала... А скольким людям помогла... И сон мой... она же меня сама позвала — вот и пришёл... с уважением... И нечего бояться, стало быть!»

А у самого то и дело сердце стучит в ожидании неведомого, на лбу холодный пот выступает. Да ещё та ужасная ночь с Бьёрном из головы не выходит: ох и напугались они тогда.

Наконец, встал. Луна из-за тучки серебром блеснула на водной глади. Ну что, идти или ещё малость подождать?... — глаза искали ответа в небе. — Как-то всё не так. Пасмурно. Лунный свет всё время прячется — уж больно темно вокруг. В лесу, поди, и вовсе тьма непроглядная. — Только подумал, как луна и вовсе среди туч потерялась. — Ух, темень! Жутковато! Нет, так я ничегошеньки не увижу! А ведь там во сне луна светила ярко.

Страх оказался сильнее — решение остаться на берегу принято без колебаний: быть может, к завтрашней ночи небо очистится.

Да, лежать у костра всё ж лучше, чем впотьмах бродить по лесу. Однако, взгляд неумолимо тянет в сторону заветной поляны, да Хельга из головы не выходит, будто в самом деле она прямо сейчас где-то там из темноты на него взирает.

Заметно похолодало. Накрылся шкурой. После чарки вина томно потянуло в сон. Слабость и дрема навалились с такой силой, что все думки отошли в сторону. — На сегодня с

меня, пожалуй, хватит... — успокоительная мысль согрела душу, отблески затухающего очага отразились в полуоткрытых глазах.

В этот раз не было никаких пугающих звуков — лишь тишина и убаюкивающий треск костра. Вместе с приятной усталостью они незаметно склонили ко сну.

*

Проснулся среди ночи оттого, что немного озяб. Поднял голову, осмотрелся. Костёр уже догорел, и угли в ночи красиво переливались ярко-красным. Всё было так же, но... не совсем... Поток необычных чувств захватил буквально с размаху: удивительное ощущение себя и окружения, явь и грёзы будто слились воедино.

Внезапно ворвалось осознание: так это же сон! Но... о боже! Его присутствие столь живо и наполнено морем ощущений! Нет, такое не может быть сном! Не может быть сон ярче самой жизни! А мысли!.. Мысли — ясные, чистые, словно наяву, и тело послушное: вот они, руки, вот — ноги. Никогда прежде не случалось со мной подобное!

Взгляд устремляется в сторону леса: в самой чаще — слабый свет. — Хм... это ещё что такое? — Интерес быстро набирает силу. Тело удивительно послушно повинуется — встаёт и направляется прямо к свету.

Проходит по уже знакомой тропинке, и вот она — та самая поляна. Осматривается. Вроде ничего особенного: камень-палец, кривое дерево... — всё на своих местах. Но почему глубокой ночью так светло вокруг? — Взгляд тщетно рыщет по сторонам в поисках источника... — Непонятно, откуда исходит свет: ночное небо затянуто тучами, луны и звёзд не видать... вокруг — ни костра, ни свечи... но всё столь ясно зримо, будто невидимое солнце освещает вещи ярче обычного.

Ах.. Какое всё вокруг удивительно сочное, цветное! — возглас восхищения срывается с уст. — И запах! — лёгкий со сладковатой горчинкой! Такой знакомый! Да-да, как далёкие времена, — тот самый... когда мама куличики с мёдом готовила.

Пока очарованно осматривал множество ярких мелочей, вдруг заметил — от камня отделилась фигура и медленно направилась к нему.

— Ой! — очарование сменилось испугом, но лишь на мгновение. Осознание тотчас подсказало: — Хельга! Ни капли сомнений! Правда, походка её необычайно свободна и легка, а фигура стройна. По телу прокатилась волна дрожи: — Она же старуха!

Лица не видно — скрывает накидка. Взор упал на чистую одежду из грубой льняной нити. — Вот те раз! К Эйлу во сне явилась старой сгорбленной старухой, а мне — молодой девушкой! И всё же, нет сомнения — это сама Хельга.

— Приветствую, Хейкки! Вот ты меня и отыскал. Я ждала тебя, — она заговорила первой, дойдя до середины поляны. Чудесный девичий голос словно солнечным светом заполнил всю округу. — Она знает моё имя!?

Ответить сразу не получилось: в горле словно пересохло, а слова будто испуганно разбежались. И лица под накидкой не разглядеть.

Та сама отбросила её назад, как подошла ближе. Роскошные длинные волосы упали на молодые плечи. — О боже! — перед ним — чудесная, сказочно красивая девушка. А глаза! Глаза цвета бирюзы завораживали взгляд. Красота-то какая неземная! — пожелали произнести губы, но послышалось лишь мычание.

От столь неожиданного явления Олег отшатнулся назад; в голове пронеслись тревожные мысли: вспомнилась народная молва о превращениях ведьм из старух в молодых красавиц.

Девушка будто поняла его замешательство — мягко улыбнулась и бережно коснулась его руки. — А рука-то тёплая, настоящая! — Это немного успокоило, а вскоре и вовсе страх пропал. Напротив, ощущение необыкновенной защищённости и умиротворения словно окутало невидимым покрывалом.

— Но ты же — Хе-е-льга? — робко протянул Олег.

— Да... я — она... и не она... — ответила с улыбкой девушка.

— Но ведь ты старая! — с трудом выдавил из себя почему-то хрипловатым голосом.

Разум искал хоть какое-нибудь объяснение.

— Время старит... — когда касаемся его. Оно ведь как река течёт, — из былого в грядущее, — тихо ответила девушка, будто пропела. — Это для вас Хельга старая, но здесь в сущем, — обвела руками вокруг, — время не властно.

Слова её удивили — уж больно глубоки те для красной девицы, — оттого внутри всё замерло: сходу и не уразумеешь, о чём толкует.

Её успокаивающий бархатный голос словно пришёл на помощь: — А ты пребывай здесь и теперь. Что бы не стряслось, не уходи в былое: там всё уж закончилось. И в грядущее заглядывай ненадолго: оно туманно и не ясно. Всё необходимое уже есть — тут в сущем, — в нём свет, кой всякий туман рассеивает. Тогда и будешь всегда молод.

— Хм, вот уж никогда о том не помышлял! — тихо ответил, склонив голову.

Макушка головы словно онемела. Боже, от этой девушки невозможно глаз отвести! Какое дивное тепло исходит от неё, — словно это и не женщина вовсе, а что-то очень-очень большое и чистое! Эти мягкие движения, нежный и таинственный голос! А глаза — бездонны, глубоки, как океан... — будто сама любовь вышла из земли.

Сердце усиленно бьётся, дыхание часто. Никак, никак не объяснить, что творится в душе, но, несомненно, что-то большое, светлое, тёплое... — словно в детстве ты, маленький, а мир через родителей — такой заботливый, внимательный и совсем не страшный.

В голове вдруг пронеслись далёкие мгновения жизни. И вроде бы ничего особенного — обычные воспоминания из прошлого: люди, что окружали, родители, потом жена, дочь, друзья... Вот мамочка стирает детскую рубаху в тазу. Склонилась, трёт усердно о тёрку: вымывает собранную им грязь. А руки напряжены — жилочки видно. Прядь волос упала в воду.

Мамочка! Как же я тебя люблю! Сколько же в тебе любви и нежности ко мне!.. А вот жена моя Гуна бьёт мотыгой в огороде. Земля сухая, тягучая — тяжело. Подол за пояс зацепила, а ноженька белая пылью покрылась. Шея натужно вытянулась, волосы с каждым ударом вздымаются. Старается милая, для нас с дочкой трудится. Милая, милая моя Гуночка!

А вот и я с озера иду, а дочурка навстречу бежит. Рученьки тянет, голосок нежный: «Папенька, папенька!». Ножки маленькие на тропинке запнулись — падает моя хорошая, коленку ушибла, встала и — снова ко мне! Разве можно такое забыть?!

Вспомнилась осень. Дожди. В дверях — Бьёрн, насквозь промокший. Вода льётся с него, нос синий, голос дрожит, зубами стучит... и улыбается: «Здравствуй, Хейкки!». Пришёл сказать, чтобы я дома оставался в непогоду: отменяется наша поездка в город. И ведь мог домой сначала зайти, согреться. Ан нет, обо мне друг печётся.

И кого бы не вспомнил — тотчас комок к горлу и чувства, чувства внахлест. Какие же вы все мне близкие, родные...

Да разве ж такое бывает?! Будто прежде невидимые нити, связывающие с другими, вмиг ожили все одновременно и бурным потоком потекли через сердце. Воистину, как вино пьём, чтобы плоть свою согреть изнутри, так и здесь... — поток чувств согревает душу да наполняет небывалой доселе любовью ко всему. А слёзы — текут и текут, грудь содрогается от надрывного плача. Руки закрыли смущенье в лице. Пришлось отвернуться. Стыдно. Мужчина, сильный здоровый, расквасился тут...

И хотел было что-то сказать Хельге, но не может — остаётся только плакать и пропускать, пропускать через себя этот удивительный неведомый поток великой Любви.

А девушка стоит молча, смотрит на него дивным взором и ведь чувствует, что с ним делается: нет сомнения — видит насквозь и знает, «кто он есть»... И не просто знает — они вместе, разом, теперь это ощущают.

А потом понемногу успокоился, и когда дыхание затихло, Хельга продолжила:

— Слышала я — ты сына хочешь.

— Очень хочу, — взгляд виновато упёрся в землю, — пришёл вот за тридцать земель... поверил — ты — моя единственная надежда... Много слышал о тебе...

— Я знаю. — Девушка вздохнула. — Только вот не начертано на твоём пути ни сына, ни дочери. — Её пристальный но вместе с тем тёплый взгляд вызывал волнение. — Вижу, приёмная девочка у тебя, и любишь её...

— Но почему нет? — сорвалась досадное с губ — А если хочется?.. Так хочется, что и жизнь не мила! Бывают ведь в жизни всякие чудеса... и с теми, кто хотел, да не мог детей заиметь.

— Нет, Хейкки, твой случай — особый. — Её продолжительный пронизывающий взгляд будто выискивал каждый его чувственный всплеск... до последнего остатка.

— И что... неужели ничего нельзя сделать?! — К горлу вновь подступил комок, но уже с привкусом отчаяния.

— Можно... — задумчиво ответила Хельга. — Просто цена, которую потребуется заплатить, слишком велика. То, о чём мечтаешь, пока слишком далеко от тебя.

— И какова цена? Прошу, помоги! На всё готов, чтобы сына обрести! — Надежда, пусть и маленькая, заставила сердце биться сильнее.

— На всё? — Её осторожный взгляд с крупинкой сомнения вызывал лёгкую тревогу. — Тогда можно отобрать у другого, — у того, кто пересечёт твою дорогу: забрать сына с его пути и направить по твоему... У него не родится, зато у тебя — будет.

— Как так... отобрать с чужого пути? Возможно ли такое?! Ах да, забыл, с кем говорю. Ну-у-у, не знаю... — разные мысли пришли на ум, словно пчелиный рой ворвался, но ни одна не успокаивала. Может ли он на это пойти? Вот так забрать у кого-то из судьбы ребёнка?!

— Правда... — Хельга прервала поток размышлений и развела руками, — за всё надобно платить. Тогда не видать тебе сыновней любви: большие чувства утекут к другим — не к тебе. Ты будешь любить его больше жизни, а он не будет понимать, отчего так ненавидит тебя. Ты хочешь этого? — её пронзительный взгляд заставил вздрогнуть.

— Нет, нет, нет!.. — Взмах руки поспешил отогнать нежеланное, — зачем же так?!

— Есть и другой выбор — самому пойти по чужому пути.

Протест сменился удивлением, надежда ожила:

— Это как?

— А коли будешь готов забыть про свой путь ради будущего сына, и жизнь твоя пойдёт по его пути. Тогда на твоей новой дороге может оказаться желанное. То будет его путь — сильная и чистая любовь потечёт к тебе. Но, повторю, за всё платить надобно. Отказавшись от своей тропы, не сможешь любить. Сам понимать не будешь, почему... Станешь бороться с собой, корить себя, пытаться возвращать желанные чувства... но... те так и не придут. Может быть, выберем это?

— Не-ет! — вырвался ответ отвержения, от волнения сдавило в висках, — этого я тоже не хочу!

Хельга улыбнулась, подошла ближе:

— Верно, нельзя занимать чужое место, — ни тебе, ни другому. Только на своём пути можно обрести настоящие чувства. Но... беда в том, что не хочешь ты идти по нему...

— Отчего же? Как так не хочу?

— Ну ты же к ведьме пришёл помощи искать! Стало быть, хочешь чужое место занять... — своё же для тебя нынче невыносимо. Ты видишь его неудачным, а себя — обделённым. Разве не так?

Олег стоял молча, опустив голову. В этих простых словах открылась вдруг жестокая правда, которая ему самому никогда не приходила в голову. Но в её голосе совсем не было осуждения — даже малой толики.

Она молчала, ожидая, когда он поговорит с собой, — ответит себе на поставленный вопрос.

— Пока в обделённости пребываешь, — наконец, продолжила, — пред тобой — лишь один из этих выборов. В любом из них теряешь главное — живые чувства. Вот цена, которую платишь. Будь я в самом деле ведьмой, коей меня нарекли по недомыслию, не задумываясь исполнила бы твоё желание. Получив заветное, ты не стал бы счастливее — напротив, стал бы ещё более несчастным.

— И что, ничего нельзя сделать? Разве нет другого пути? — надежда ещё теплилась в душе: должно же быть у Хельги ещё что-то в запасе. Иначе зачем звать его к себе и вести весь этот разговор?!

— Ежели выбираешь ты сам — другого пути нет. — Её пронизательный взор удерживал внимание. — Но есть нечто иное: это когда не ты выбираешь, а выбирают тебя.

— Как так не я?.. Хм... Меня выбирают?.. Мне бы такое и в голову не пришло... Но в словах твоих большая глубина сокрыта — поразмыслить бы о том... Видать, в жизни моей и верно что-то не так пошло — что-то изменить надобно. И с чего начать?.. — тихо бормотал Олег и вновь озадаченно замер в ожидании разъяснений Хельги.

— Верно, — ответила та, — путь, коим идёшь, ведёт к унынию ещё большему.

— Это — правда. Возражать не стану. Сам чувствую — с каждым днём глубже и глубже в болоте боли душевной увязаю. Но ведь... путь ошибочный привёл-таки к тебе, стало быть, надежда есть!

Хельга наградила добрым взглядом своих бездонных глаз:

— Скажи, готов ли ты начать всё сначала?

Ответ не заставил себя ждать:

— Да, мне бы очень хотелось...

— Тогда придётся начать с самого трудного — со своих чувств. Вот ответ... не оттого ли грезишь о сыне, родном и близком, что себя не любишь и за судьбинушку свою жалеешь ежечасно? И не о том ли грезишь изо дня в день, чтобы исправил он все ошибки, да мечты твои в жизнь воплотил?..

Олег в который раз молча понурил голову.

— Хочешь, чтобы кровинушка родная возместила тебе то, что не смог в себе взрастить? Чтобы одарил тебя полнотой жизни и верой в завтрашний день?.. Не опору ли ищешь в нём, которую в самом себе не нашёл?.. Не для того ли нужен он тебе, чтобы превратить его жизнь в продолжение своей — своих надежд?

Не воровство ли это — мечтать, что кто-то придёт в этот мир, чтобы стать тебе опорой?! Разве не крадёшь ты так чужую жизнь, хоть и говоришь мне, что противно это тебе?

Олег ещё ниже опустил взор, чтобы Хельга не видела его мокрых глаз: разбередила-таки ведьма чувства сокровенные словами пронизательными.

— Вот почему тает любовь тех, от кого многого ожидаешь и чей путь стремишься растворить в своём: сначала просишь, потом — требуешь... участия, поддержки, понимания... Так и толкаем других в ту же пропасть, в которую сами падаем.

— Сдаётся мне, сполна разумею, о чём молвишь, — Олег уже не стеснялся слёз раскаяния.

— Знаю, — поддержала его Хельга. — Так вот, первым делом придётся принять свой путь и опереться на себя самого. Запомни, коли жизнь твоя без сына не мила тебе вовсе, то и сын не сделает тебя счастливым. Коли не любишь себя без чего-то, всякое желание твоё — занять чужое место...

— Да-да... уразумел... ещё бы... я... — бормотал себе под нос Олег, внимая каждому слову Хельги.

— Нам с тобой более не встретиться, Хельги, — с сожалением сказала девушка, будто неслучайно назвав одним из его имён, — оттого выслушай меня внимательно, каждое слово запомни... пусть не всё уразумеешь прямо теперь. И коли исполнишь наказ мой — будет у тебя сын.

— Благодарю тебя, — Олег ответил с пониманием, что не всё так просто, — давай свой наказ.

— Хочешь, чтобы тебя выбрали, — продолжила Хельга, — сначала познакомься и подружись с чувствами, что рождаются в тебе. Побудь с ними, пойми их... и начинай возвращать то новое начало, о коем толкую. Поливай, ухаживай, как слабый цветок... будь с ними и не забывай, — даже когда разочарование берёт верх и душа кричит: «Ничего не выходит!» Коль родится и удержится в тебе чистое, живое чувство, оно и притянет желанное.

Порой кажется, что любишь и заботишься о ком-то. На поверку же... не всё так, как видится. Ты ждёшь от него того же самого: участия, любви, заботы, преданности... А если он тебя обидел, сделал больно или хуже — предал, тогда как? Боль, обида, а то и ненависть.

Чистое чувство, — оно не требует ответа; оно — как река — просто течёт к своему устью, несмотря ни на что. Желания, ожидания... к живому чувству отношения не имеют. Живое чувство — одно на двоих, — в нём чувств другого не меньше, чем твоих! Когда ощутишь в поступке другого душу его — обиды рассеются, аки туман.

Измени свой путь изнутри: выбери живое чувство в себе... Только такого выберет чистая душа... а выберет — готов ли ты в нужный час быть вторым?

— Вторым?

— Да... — ответила девушка, — прежде ты искал то, что «для тебя». А готов ли ты быть «для кого-то», как для себя самого — не против себя? Когда быть «для кого-то» равно «для себя» и в том — радость твоя, мечта твоя сама тебя найдёт и выберет...

— Сказывай... сказывай ещё и ещё... Что надобно делать?

— Хорошо... слушай внимательно и запоминай.

Олег набрал полную грудь воздуха и выдохнул.

— Сначала превратишь нужду свою в мечту, — тайную, о коей никому не скажешь. Тайну ту прошепчи глубокой воде в лунную ночь, — когда свет луны будет отражаться на её глади. А как придёт время сева, в лунную ночь сей зерно в воду. Сеять — не просто бросать... Каждое зёрнышко значение имеет.

Отдавая тайным глубинам зёрна свои, будь готов за каждое из них принять испытание — они явятся тебе непременно и могут принести великие страдания, кои сочтёшь непомерными для себя. Но в каждом испытании сокрыто и новое Начало. Потому не начинай сеять, пока не будешь готов. А почувствуешь, что готов — сей.

— Сеять зёрна в воду?! — последовал вопрос удивления вместе с лёгким недоверием.

— Вспомни, что о времени сказывала. Сеять надобно не в землю, ни в воду — в него, в грядущее своё. Вода — точно время — всё вокруг питает и связывает. Сеять — не просто. Зерно взойдёт, коль сеять будешь, в сущем пребывая, присутствуя всецело в сокровенном «ныне и теперь»!

— Ох, и глубоки слова твои для разумения моего! Да разве я не нахожусь всегда в сущем?

— Тело — да, а разуменье — нет, — оно всё меж былым и грядущим скачет. Страхом и тревогами, что в былом родились, мы в грядущее всматриваемся, боясь заранее того, что, пожалуй, никогда и не случится. Или целью одержимые, видим в настоящем лишь преграду на пути.

— Хм... воистину, так и есть. Никогда о том не думал — жил себе да жил. А чтоб вот так... — остановиться да затихнуть, уловить мгновение, как говоришь... Пожалуй, разумею, в каком пребывании сеять надобно.

— Каждому оно знакомо, — кивнула в ответ Хельга, — ищи его, — настоящее. Оно — вокруг, — всегда с тобой, — в каждой мелочи: в лягушке, не по случаю голос подавшей в миг озаренья... в шёпоте листочка, в раскате грома... в капле воды на лице во время дождя... в глазах нерпы озёрной...

Пусть любая мелочь станет равно ценной тому, что считаешь важным... и большие мысли отразятся в самом малом... Всё тут, в сущем зарождается, всё разумно, живо, связано невидимыми нитями... и грядущее — начало из него берёт. Вот и сей... из сущего — в грядущее!

Что в тебе ныне и теперь пребывает — обида ль, недовольство, осуждение, гордыня или сострадание, забота, благодарность и отзывчивость, — то в грядущее зёрна и посеют. Доверись сущему, защищён им будешь!

Много мудрых слов встречал Олег, но эти... — будто из начала всех начал пришли к нему, захватив всё существо... И одного боялся — потерять эту нить, что теперь ожила в нём благодаря Хельге.

— Ты должен будешь что-то отдать... — продолжила та после небольшой паузы. — Что? Не могу сказать... Тот, кто выберет тебя, — он решит... чтобы узнать, *готов* ли ты разделить с ним свой путь. Твоя *готовность* притянет взор того, кто выберет тебя.

...И чем больше тот, кто выбирает, тем труднее испытание, тем сильнее боль. Хочешь что-то получить, но готов ли ты отдавать? Испытание может стать непомерным для тебя. Ты это понимаешь?

— Да... — закивал Олег, — я готов на всё.

— Тогда делай, что сказала, — до тех пор, пока тебя не услышит тот, кто захочет прийти. И ещё... — что бы ни делал, ничего не требуй взамен. Просто отдавай. Потребуешь — ничего не получится. Есть деяния, в коих нельзя требовать взамен: выбирая чувства, не требуешь ответа. Здесь сокрыто твоё испытание.

Когда чувства идут через тебя, это и есть главное, — великий дар, ценнее которого нет. Когда выбираешь живые чувства, тогда выбирают тебя...

— А как я узнаю, что меня выбрали?

— Узнаешь... — ответила девушка, — будет знак. Выдержишь испытание — услышишь крик одинокой птицы, — он возвестит о приходе того, кто знает, зачем пришёл.

Хельга развернулась, будто более нечего ей сказать, вернулась к камню и растворилась в нём столь же загадочно, как и возникла из него...

Долго ещё стоял на поляне, приходя в себя. Наконец, осмотрелся да собрался было уходить, как краем глаза заметил движение в верхней части «камня-пальца». Поднял голову, с тревогой вглядываясь в верхушку исполина. О боже! Огромная птица расправила крылья, готовясь взлететь. Да это орёл! Он тотчас слетел вниз и пронёсся столь близко, что от взмахов огромных крыльев лицо обдало свежим ночным воздухом.

Всё случилось столь быстро, что Олег даже испугаться не успел. Рука невольно вытянулась и орёл приземлился на неё! Он до боли вцепился когтями в руку, но быстро ослабил хватку. Тяжёлый — немалых усилий стоит удерживать гостя! Их взгляды встретились. Волна неведомых чувств поднялось от низа живота, прошла ознобом по телу до самой макушки — даже волосы пришли в движение — и вышла наружу вместе с громким выдохом. Издав пронзительный крик, орёл резко взлетел и скрылся за верхушками деревьев.

Крик и пробудил. Глаза открылись, разум быстро вернулся. — Это ещё что такое?! — тело вмиг сковал страх: он лежит на поляне, недалеко от скалы-пальца! — Не может быть! Я засыпал на берегу! Как оказался здесь, на поляне?! Помню — всё во сне происходило на этом месте: Хельга вышла из скалы... разговор, орёл... помню, как пришёл сюда в сне...

Сильнейшее впечатление от чудесного сна и растерянность от случившегося не покидали весь день. Сон ли это?! Нет, не сон! Совсем не сон! А что?

Весь путь домой мысли оставались там, на поляне, — в том таинственном разговоре с Хельгой. Он вновь и вновь повторял его, чтобы запомнить каждое слово, каждую фразу. В глубоких раздумьях и не заметил, как вернулся домой.

...Вернулся уже немного другим человеком. Ни жене, ни другу ничего не рассказал, — как велено было. Пусть и маленькая, но надежда на рождение сына всё же затеплилась в душе.

С тех пор ни один шаг не ускользал от его внимания, ни одна мысль, ни одно переживание... — всё, как наставляла Хельга. И это загадочное «сущее»... искал во всём, чего касается.

Испытания

Жизнь потекла своим чередом: рыбалка, торговля, ремонт старой лодки... Не было и дня без грёз о своей мечте, но готовности к странному севу пока не ощущал.

А тут ещё напасть такая: налетели с Бьёрном на острую корягу, дыру заткнуть не успели, и их гружёная лодка затонула. Сами-то до берега кое как доплыли, а вот кормилицу свою не сберегли. Ныряли потом, ныряли, пытаюсь отыскать да верёвкой зацепить — тщетно: видать, глубинным течением в сторону снесло, куда тонула — не сыщешь. Долго и упрямо бились, да так и не нашли.

Большая рыбацкая ладья немалую цену имеет, а они за эту ещё местному барину не выплатили. О новой, стало быть, и помышлять не приходится. Что делать, как семью кормить? Ладно Бьёрн — он одинок, ему много не надо; у Олега же — семья. Гуна хоть и подрабатывает маленько в барской усадьбе, но доход её невелик.

Сели они с Бьёрном думку думать, как из нужды выбираться.

— Будем на своих малых лодках в озеро выходить, — не долго думая предложил Бьёрн, — сразу на двух. Как-нибудь приладимся помогать друг другу с сетями.

— На малых и улов невелик, сам знаешь, — рассуждал Олег, — далеко не уйти и большую сеть не бросить, а тут у берега рыба редко бывает. Время да силы потратим, а денег не будет: с небольшим уловом ни к кому из купцов не сунуться, — ни здесь, ни в городе.

Посидели, поговорили, да так и разошлись, ничего не придумав.

На следующий день намечался праздник Юхнин день, в деревне его отмечали гуляньем. Гуна предложила дома втроём праздник отметить. Олег поддержал, задумав на своей лодочке в тихую заводь выйти да вечером порыбачить: если повезёт, на праздничный стол рыбу покрупнее выловить.

Дошёл уже до причала, как вспомнил про зерно. — Может случится нынче посеять? Вон и луна полная, и времени хоть отбавляй. Только зерна не взял с собой. Зайду-ка к дружку: видел у него давеча кувшин на полке.

Бьёрн с радостью отсыпал другу полный карман, а кувшин оставил на столе: «Ещё понадобится — отсюда возьмишь, коль меня дома не застанешь».

Вечер выдался пасмурным, но дождик моросить не спешил. В тихую заводь добирался в раздумьях. — Как так пребывать в настоящем? Чудны и загадочны слова Хельги. Ведь никогда о том и не помышлял — жил себе да и всё. Ещё эта напасть с лодкой — какое тут «настоящее», коли все думки об одном: как дальше жить? Ну да ладно, довольно бурчать! Страхи, — они в грядущее тянут, — так колдунья наставляла. Голода ещё не случилось, а я уже страшусь. А коли грядущее тут в сущем зарождается, стало быть, его и почуять надобно! Знать бы, как это — довериться ему? Эх-х-х... вопросов-то в голове больше, чем разума.

Вот она и тихая заводь. По душе тут рыбачить: тихо, спокойно, вода чистая, рыбы хоть и не много, но виды отсюда — сказочные. Хвойник вокруг, особенно вдали на островке, стрелочник всюду сочный [*растение семейства осоковых*], берег с камышом, будто бережно ухоженный рукой невидимой... — всё то умиротворяет и глаз радует.

Накинул дождевик на плечи, уселся поудобнее, удилище приспособил к уключине. — Хорошо, однако! Благостно! Ветерок лёгкий гуляет, бережно бороду трогает. Кабы и в жизни

так всегда было: желанное сразу приходило, а хлопоты непременно успехом венчались... Да где там...

Однако, к ведьминому севу возвращаться надобно. Как она там говорила: «Будешь готов — начинай сеять». А эту готовность как обрести, да как понять, готов али нет? Вот задала задачку. В сущем-настоящем пребывать надобно, говорит. А как в нём пребывать-то? Ничегошеньки не ведаю! Что она там ещё говаривала? Доверием к сущему облечься... где доверие живёт — страху не место. Когда мелочь любая станет ценной, как и то, что важным считаешь... И как всё это в голове уложить? Неважный я ученик, видать. А... буду просто рыбу ловить.

Но клёва как назло — никакого, будто рыба вся вымерла! Поплавок ни разу не шелохнулся! Зевота напала. — Эдак без улова останусь — что завтра на стол подавать?

Ноги затекли, пришлось поставить их выше, на соседнюю перекладину. Согнулся, обхватил руками, подбородком на колени оперся. Затих...

Взгляд за куст осоки ухватился. Ветерок колышет стебли словно играет: то одну ветку подвигает, то другую тронет. Лягушка на кочке рядом сидит, тоже затихла, собратья голос подают в сторонке, а эта молчит, не шелохнётся. — И о чём она думает? Может, как я, сущее ищет? Ха! — ироничная улыбка скользнула по губам, — могёт ли она думать, дурёха? Никаких забот! Вот уж кто сущему доверился: сидит себе, ждёт, когда добыча сама явится. А вот и еда! — Стрекоза на лист присела, у самого носа зелёной крылами машет. — Ну, чего застыла, глупая! Доставай свой длинный язык, чего медлишь?!

Стрекозка слетела, описала ещё один доверчивый круг у самого носа лягушки, да и скрылась. — Вот те на! Чего это с ней, хворая, что ли? Или вправду задумалась? — шутивная улыбка сменила недоумение. — Может, и мне помалкивать, коль настоящее нащупать намерился?

«Ква-а», — лягушка очнулась вдруг, — будто соглашаясь. — О! Глянь-ка! И тарачится прямо на меня: вона, вытянулась! Ты мне, что ль квакаешь? — «Ква-а», — прозвучало в ответ ещё громче, — так, что лёгким эхом отозвалось. И снова замерла, будто неживая... Как тут не улыбнуться?! — Ты что, меня учить надумала, как в сущем пребывать? Ха, ха! Вот потеха! Не-е-т, потеха в том, что за рыбой пришёл, а сам со сном борюсь да с лягушкой беседую!

Тут и вспомнились вдруг слова Хельги: «Ищи настоящее в лягушке, не по случаю голос подавшей в момент озаренья!» Вмиг улыбка сошла с лица да холодок по спине побежал. А тут ещё краем глаза движение ухватил среди кустов. Присмотрелся — ничего. — Не ведьмина ли тень? Погодь-погодь, она что, знала про лягушку?! «В миг озарения...» А ведь лягушка и верно внимание захватила, взволновала... важной стала на миг!

От охватившего волнения захотелось встать, пройтись, но лодка слишком мала — никуда не деться из неё — лишь потоптался да размялся малость. — Стало быть, слова Хельги не просты! Знала ли наперёд, чего со мной будет, видела ли... — кто знает, кто знает... — Но как-то не по себе стало. Ветер будто ожил в ответ, закружился, зашумел листвой. Только лягушка сидит, да на него смотрит, глаз не отводит. — И что у неё там в голове? Неужель тоже что-то знает? Да ну, чепуха всё это, надумал тут себе!

А холодок-то по телу побежал, сердце ускорилося да забилося так, что внутри отдаётся. — Довольно! Щас всю эту чепуху колдовскую вмиг прекращу! — Весло погрузилось в воду, и вот лодка уже возле куста с лягушкой. — Хватит голову мне морочить! Давай, беги по своим лягушечьим делам! — Край весла осторожно коснулся её спины. — Ну, пугайся! — толкнул зелёную в бок чуть сильнее, — так, что та опрокинулась на спину, дёргая задними лапами.

Но не тут-то было: быстро перевернулась и снова застыла на прежнем месте, не отводя взгляда. — Это уже не смешно! — Толчок посильнее и... «плюх», — лягушка свалилась в воду, оставив на поверхности лишь расходящиеся круги. — Ну, так-то лучше будет! — Но вместе с выдохом облегчения возник вопрос: — А для кого лучше-то? Избавился вместо того, чтобы почувать нечто большее! Озарение, о коем Хельга говорила, ещё не случилось! Эх-х, дурачок! Тьфу ты!

Не успел огонь досады разгореться, как из воды появилась вдруг наша лягушка! Упрямая вернулась на кочку, уселась на прежнее место и снова замерла, будто не желая пропустить что-то важное. — Ах, вот ты как! — А на душе тотчас полегчало. — Что, хочешь на мой сев поглядеть? — Вдруг созрело решение. — Самое время. И луна полная.

Рука потянулась в карман за зерном. — Что ж, не иначе простая лягушка и ловля рыбы к празднику одинаково важными для меня стали. Всё, как Хельга наказывала. Стало быть — время сеять! — А у самого мурашки по всему телу. Тут ещё эта сидит... — уставилась... будто ждёт чего, а глазами её — само сущее глядит. Вот уж кто в сущем пребывает без остатка! А может, это и есть то самое сущее-настоящее, — когда многое замечаешь, чего прежде не видел, и от прикосновения сего к непривычному мурашки по телу бегут?

Горсть зёрен полетела в воду, потом ещё и ещё... Устал. Рука нащупала перекладину. Вот и всё, сев закончен, — вялая улыбка соскользнула с лица. — И куда силы делись? Словно дюжину вёрст протопал! — Но усталость не смущала, в душе поселилась необычная радость.

«Ква-а» — лягушка, известив о своём уходе, прыгнула в воду — уже безвозвратно. — Ты погляди на неё! Дождалась главного и — до свидания! Не дура! Неужто права ведьма: всё живо, разумно и связано невидимыми нитями? — Едва подумал, как настоящая нить дёрнулась и стремительно ушла в воду. — Рыба! Я и забыл, зачем пришёл! — руки с трудом удерживали нить. — Ого, здоровенная! — По поверхности скользнул огромный плавник лосося. — Давненько таких не видал, да ещё в тихой заводи!

Пришлось изрядно потрудиться, прежде чем удалось затащить добычу на лодку.

Домой плыл радостный: и с уловом, и с чувством полноты в душе, какой давно не испытывал.

И потом весь следующий день Олег пребывал в приподнятом настрое. Ближе к вечеру Бьёрн в гости заглянул — прямо к ужину. Весь вечер у костра шутили, смеялись, запекали рыбку на углях...

Ночью Олегу приснился отец: будто идут они по дороге, разговаривают. О чём говорили, не запомнил, но отца навестить вознамерился. Гуна поддержала:

— Конечно, ступай развейся. Почитай года два у отца не был. А я ему гостинцев соберу.

— Добре. В дня три обернусь, — пообещал супруге.

Следующим же утром и отправился. Часть пути пешком прошёл, часть — по реке на ладье торговцев.

Любомир жил в деревне за большим озером. Добираться — целый день. Когда мать умерла, он отказался перебираться к Олегу: «Куда ж я отсюда, — ответил сыну, — тут всё родное, близкое, и жена тут схоронена... Не старик ещё — проживу».

К вечеру добрался до отцовской деревни. Солнышко за деревья спрятавшись наметилось. Идёт по знакомой тропинке, по сторонам глазаёт — детство вспоминает. Здесь в овражке они с ребятами войну затевали. Как-то домой вернулся весь рваный. Ох и попало от маменьки! Она отчитывает, а он объясняет: раненый был да вражескими мечами побитый. А там в сосновом бору грибы собирали. Старшие ребята обманули: съешь гриб сырой — сила в руках появится, на ветке подтянешься без труда. Он и поверил — съел. Силы не прибавилось, зато весь вечер в уборной просидел.

Эхх, хорошо было: спокойно, благостно. И дышится в родной деревне легче. А вот и домик наш, — на пригорке у леса. Справный ещё. Только маменьки в нём уже нет. Погрустнело на душе.

«Олег! Ты ли это?» — послышался вдали голос отца.

Душевной выдалась встреча. Потом сидели у костра счастливые, почти до утра наговориться не могли. Жарили рыбку на углях, винцо потягивали да жизнь былую вспоминали. Уже перед сном отец вдруг спросил:

— Вижу, сынок, не всё у тебя ладно: бодрисься, а камень-то на душе прячешь. Давай-ка сказывай!

— Да ладью рыбацкую мы с Бьёрном утопили, а долг за неё не весь отдали. Она и кормила нас. Купец одну рыбу берёт валом да хорошо платит. Теперь вот не знаю, как и быть. Других доходных занятий в наших краях почитай и нету.

Отец всё глядел на Олега молча, а по глазам видно — есть ему что сказать. Недолго думал, прежде чем ответить:

— А знаешь... пожалуй, помогу тебе. — Встал, подошёл к двери, похлопал по бревенчатой стене. — Тут ко мне приезжий один повадился, задумал в наши места перебраться да заладил: «Продай дом, уж больно приглянулся». И верно, на пригорке у леса — места лучшего не сыскать. Я отказал, а он не отстаёт. И нынче снова приходил: цену обещал хорошую. А тут ты со своей бедой... Может и правда к вам перебраться. Я ещё при руках — в хозяйстве сгожусь: и себе на краюху хлеба заработаю, и вам помогу. А сюда на могилку к маменьке вместе приходите будем. Чего за дом держаться, когда родные люди под боком.

У Олега к горлу ком горечный подкатил: вот уж не ждал такого поворота. Давно отца к себе звал. Отчего-то тихая заводь вспомнилась: как с лягушкой говорил, как сеял.

— Погодь-ка, отец, а в какой день покупатель к тебе явился? Не на Юхнин ли день?

— На Юхнин! А ты почём знаешь? Гулянья в деревне начались на рыночной площади — там и встретились, разговорились. Я и сказал, где мой дом. Сначала — ничего, а к ночи вдруг глаза у него и загорелись. Чудной мужик, скажу тебе! Пристал как банный лист.

— А не в полночь глаза у него загорелись?

— Ну да, аккурат в полночь. А чего спрашиваешь-то? — ответил сыну, а сам глядит на него не то с удивлением, не то с тревогой.

— Да, не бери в голову, сам не знаю... просто уточнил, — отмахнулся тот, а у самого сердечко забилось да волосы на голове зашевелились: ведь именно в это время он кидал зерна в воду. Потом — огромная рыбина, а теперь — отец со своим предложением. Неужто и вправду сущего коснулся, и оно силу такую имеет?! Так вот, что значат слова Хельги: «В сущем всё грядущее и зарождается».

От неожиданных догадок в щеки хлынуло тепло, спина взмокла.

— Что-то не так? — заволновался Любомир. — Тебе не здоровится?

— Всё хорошо, отче. Это я на радостях... Ладно, давай укладываться — завтра дел невпроворот, — сказал, а у самого — мысли, мысли, мысли... из-за которых долго ещё не мог уснуть.

Наутро отец ушёл искать приезжего, Олег же отправился побродить по деревне: когда ещё побудет на родной земле.

У реки встретил купчих, на чьей ладье прибыл сюда. Те предложили за помощь в погрузке товаров снова взять его с собой. Согласился. Договорились в полдень начать погрузку, и Олег продолжил свою прогулку.

В некоторых местах долго стоял, будто не желая расставаться с детством: у косогора, у развилки... Старая лавка у сосны притянула взгляд. Рука погладила спинку, — шершавую, всю потрескавшуюся от времени. Когда-то здесь они с ребятами рассказывали друг другу всякие небылицы. Ох и придумщики были!

Потом вдруг вспомнилась Хельга, — её странные наставления. И отчего просто не сказать: сделай то-то и то-то, как Эйлу из таверны в Выборге. Ему проще: никаких тебе там мудрствований про настоящее, время, живое чувство... Сходил к камню, отнёс одежду, потом — забрал... А тут — ломай голову, как из сущего в грядущее сеять!

За поворотом тропинки к дому к великому удивлению встретил Эйла: тот шёл навстречу с большим мешком на плечах. «Вот те раз! Верно говорят: «Коль о важном помянул, непременно встретишь».

Эйл тоже не ожидал: от удивления его рот широко раскрылся, но тотчас обратился приветливой улыбкой и приветствием: — Доброго здравия, Олег! Рад видеть! Что за нужда привела тебя в эти места?

— Дак родина моя тут, отец, — последовал ответ с вопросом: — А ты как?

— Да вот, за товаром прибыл, теперь на лодке домой поспешаю.

— Не поверишь, но только что тебя вспоминал, — историю твою дивную.

— Да уж, такую историю не забудешь! — ответил Эйл смеясь, после чего сбросил свой мешок на землю и принялся разминаться. — Постою чуток с тобой, да побегу.

— Скажи, Эйли, а всё ли ты открыл нам? Знамо дело, всего не расскажешь. Не говорила ли Хельга ещё чего?

— Ещё? Да нет, так и было, как рассказал, — неуверенным голосом ответил на неожиданный вопрос.

Лицо его тотчас наполнилось тревогой, даже испугом. Он явно не ожидал такого вопроса.

— Я, я всё рассказал, а отчего спрашиваешь? — Эйл заметно занервничал: глаза забегали, в голосе появилась дрожь.

— Да просто любопытно. Вдруг кому поведать захочу, так чтоб красочнее. Вот и подумалось: может какие частности упустил.

— Нет, нет, я всё сказал! Всё, пора бежать! — Эйл засуетился, спешно накинул на плечо свой мешок, откланялся на прощанье и засеменил в сторону реки. По пути пару раз обернулся. Олег долго и внимательно провожал его взглядом.

«М-да... Стало быть, говорила... — тихо протянул вслух, — ...напутствие дала... и молчать велела. Значит, ты всё верно исполнил, коли дитяtko родилось!»

Когда вернулся к дому, отец уже поджидал. Глаза его светились от радости, а в руке он держал два мешочка с деньгами.

— Дом продан! — торжественно произнёс, протягивая деньги. — Вот, один с серебром, другой — с медью! Спрячь. Сделаем так: ты поезжай домой — со своей бедой справляйся, а я — в Выборг: давно хотел старого друга навестить.

— А как же вещи твои?

— Не волнуйся, покупатель согласился дожидаться меня с Выборга. Хороший человек наш дом купил.

После небольшой трапезы отец и сын обнялись в прощании.

Пока Олег шёл к реке, думал, как же складно всё выходит. Неужто — сущее? Да ну, просто случай, — отмахнулся от мыслей, словно муху прогнал.

Погрузка ладьи уже началась.

«А, Хейкки! Ты вовремя, — обрадовался кормчий, — помоги Илису мешки разложить по бортам, — кивнул на молодого парня».

Олег принялся за работу, котомку положил на корме ладьи, то и дело приглядывая за ней.

— Давно ль на торговой лодке ходишь? — заговорил с Илисом на передышке.

— Не, год почитай, — устало выдохнул тот, вытирая рукавом пот со лба. — А то разве не твой мешок? — он кивнул в сторону кормы.

— Мой! — Олег вскочил. В его мешке рылся какой-то незнакомец! — Ну ты подумай! — вырвалось громкое негодование. — Откуда взялся-то, мерзавец?!

Незнакомец поднял голову и, поняв, что уличён, быстро сунул что-то себе под рубаху да так рванул в сторону деревни, что пятки засверкали. Олег бросился к мешку, открыл — мешочек с серебром лежал на месте, а вот с медью исчез!

Лихо описав в воздухе круг, котомка с громким хлопком припала к спине. «Я скоро буду! — крикнул Илису, развернулся и помчался за похитителем.

Воришка оказался шустрим, но ярость и неистовое желание вернуть деньги наполняло тело силой. Свернули в пролесок. Вот уже спина подонка в пару шагах! Ещё немного! Про-

клятье, всюду камни — не дают прибавить ходу! Один оказался больше остальных — нога запнулась и Олег кубарем покатился по земле.

«Ай!» — сильная боль пронзила колено. Похититель скрылся за деревьями.

«Ах ты ж гад!!! — вырвалось гневное изнутри. — И откуда берутся такие негодяи?! Руки отрывать надо за воровство!»

С трудом поднялся, растирая колено. «Сволочь такая! Я до тебя доберусь!» — Заорал что есть мочи в сторону, куда скрылся похититель. Гнев нарастал, как штормовая волна, стоило представить проданный отчий дом. Какой-то проходимец прибрал к рукам самое дорогое! Зубы сжались в неистовой злобе: «Поймаю, убью!»

Прихрамывая, продолжил преследование. Выскочил на косогор за пролеском — убежавший уже у оврага, — у того самого, где в детстве играли в войнушку и где его «убили». «Там я тебя и уложу! Я тут каждую кочку знаю — не уйдёшь!» — прошипел, выглядывая из-за кустов.

Направился в обход: он и в детстве не раз обманывал «врага», пробираясь за деревьями. Вышел с другой стороны оврага. Похититель стоял на пригорке, он пристально всматривался в пролесок: видимо, хотел убедиться, что погоня окончена.

«Ага, потерял меня? Погодь-погодь!» Несколько тихих шагов, прежде чем сделать рывок... Но кто это? В овраге за холмиком — сразу и не увидел — на земле сидела женщина с грудным ребёнком на руках. Рядом мальчишка годков пяти. Оба в рванье, исхудавшие, измождённые, босые ноги покрыты ранами от долгого пути. Ребёнок громко заплакал, жадно хватал ротиком грудь, но молока у мамки, видать, не было. Да она сама голодная!

Мальчуган прижался к её плечу головой, нежно гладил мать по руке, что-то тихо приговаривая.

Тут похититель обернулся. Грозный вид Олега заставил его попятиться назад, теперь он споткнулся и с криком свалился в овраг.

«Ну всё! Конеч тебе!» — разнеслось грозное по округе. Вот уже и сам в овраге. Мужичок, хоть и шустрый, щуплым оказался и совсем не воинственным, — не ровня Олегу. Он попытался встать, но подвернул ногу. В ожидании наказания сжался, закрыл лицо локтем.

Олег налетел на него как ураган на одинокое дерево. Мощный удар, ещё один, ещё... — Вот тебе, лихоимец! Получай! Знай, как чужое добро изымать!

Кровь из носа, из губы быстро испачкала лицо воришки, но тот не отвечал — только защищался, закрывал лицо руками. Кулаки Олега оказались слишком тяжелы — незнакомец лишь вскрикивал и стонал после каждого удара.

«Не тронь отца!» — позади раздался детский крик. Мальчуган, что сидел с женщиной — стало быть, сын — вцепился ручонками в руку Олега, повис на ней, но не удержался — упал на отца. Тотчас встал, расставил руки в стороны, закрывая собой родного человека. В его мокрых глазах смешались страх, гнев и мольба.

Уже занесённая для очередного удара рука медленно опустилась. Громкое частое дыхание и неистовый порыв быстро угасали, будто надутый до предела бычий пузырь проткнули иглой.

— Твой отец у меня кое-что украл, — обратился Олег к мальчугану, — отойди-ка отсюда — бить больше не буду.

«Онни, что случилось?» — послышался голос женщины.

— Ступай к мамке! — приказал мужичок сыну.

Тот повиновался. Сам медленно встал, прихрамывая отошёл в сторону.

— Онни?.. Верни! — протянутая рука застыла в ожидании.

Тот сунул руку в рубаху на груди, вытащил мешочек и вернул хозяину.

Олег взял кошель, заглянул в него.

— Это не всё! Где остальное? — взревел он, снова распаляясь.

— Это всё, что я взял! — испуганно ответил Онни.

Мальчуган вдруг испуганно попятился назад, сжимая что-то в руке.

— Ах ты ж сорванец! — Олег быстро подскочил к мальчишке. — Успел-таки?! — грубо схватил мальчишку за воротник да так дёрнул, что тот вскрикнул.

— А ну показывай, чего в руке прячешь!

Юнец сжался в страхе, но упорно не хотел разжимать ладонь. Тут и женщина с трудом, спустилась в овраг. Она попыталась оттолкнуть Олега от ребёнка.

— Я за своим добром пришёл! — хрипло выдал Давид, — твой муж украл у меня монеты. Не лезь!

Он освободил одну руку и с силой оттолкнул женщину — та отлетела в сторону, споткнулась о камень, рухнула наземь. Послышался глухой удар тела о камень. Она громко запричитала, обхватив ногу — из свежей раны тонкой струйкой потекла кровь.

Испугавшись за мать, мальчуган на миг ослабил кулак, почти разжал пальцы. Вторая рука Олега тотчас вцепилась в них. Куда там мальцу совладать с таким напором! Но он быстро сообразил — укусил его за руку.

— Ах ты поганец!!!

Наконец, маленькие пальчики под натиском ярости разжались! А там... Там в детской ладошке — маленький деревянный солдатик.

Мальчуган громко заплакал. В детских глазах испуг, обида, бессилие. Олегу стало не по себе. Женщина тихим голосом позвала сына к себе. Окровавленными руками она закрывала рану.

— Простите нас, господин, если сможете! — обратилась к Олегу. — Мы виноваты перед вами! Проклятая нужда! Прошу, не сдавайте моего мужа властям: нам без него не жить!

Грудничок, молча лежавший на покрывале, вновь громко заплакал, будто в подтверждение сказанного. Женщина попыталась было встать, но не смогла: видать, совсем слабая. Сын помог ей подняться. Забыв о ране, она поспешила к ребёнку.

Внутри Олега ещё бушевал гнев, но... мальчишка, прячущий игрушку, эта немощная женщина... — они явно не его мишень.

— Ладно, живите...

Развернулся и прихрамывая направился обратно к реке. На душе — чёрная липкая тяжесть. Пока шёл к лодке, становилось всё гадливее и гадливее, — от столкновения с измученными, голодными людьми, что как могут борются за свою жизнь, от потери нескольких монет... То ли потерял их Онни, то ли припрятать успел. Глаза пристально вглядывались в землю под ногами в надежде отыскать утерянное.

Гадко на душе становилось ещё и от взгляда мальчишки: он никак не выходил из головы, — то, как защищал отца, как потом Олег грубо разжимал детские пальчики. — Да что же это такое?! — будто иглой пронзило, — сына хочу, — так, что на всё готов ради этого, а сам... чужого мальчика так напугал, так унизил! — Не по себе стало — будто своего... — Глупость какая! Ладно, пусть будет так — может, хоть чуток про голод и нужду забудут.

«Хейкки, ты где бродишь! Уходим уже! Тебя одного ждём! — громкий голос кормчего будто разбудил, отогнав тугие мысли. — Давай быстрее! Ещё немного — без тебя ушли бы».

Всплески воды от весел, весёлая компания, расспросы довольного Илуса... — всё это немного отвлекло от горечи осадка, оставшегося в душе от случившегося на берегу.

Но... чем дальше от тех мест, тем тяжелее на душе. Когда пришло время полдничать, пристали к берегу. Олегу есть не хотелось: отошёл в сторонку, полез в мешок. — Вот мешочек с серебром... Хм... завязан не его узлом — вскрывался. — Развязал, проверил — вздохнул с облегчением: все монеты на месте. Только медных не достаёт.

Вдруг что-то блеснуло на дне котомки. Пригляделся — да вот же они, недостающие монеты! Все до единой! Это что же получается, Онни открывал оба мешочка?! Серебро не

тронул совсем, а медь из мешка отсыпал в мешок, взяв лишь малую часть! Вот те раз! Как так? Вот тебе и воришка!

И вновь к горлу подкатил горький комок, сердце забилося сильнее, — даже испарина на лбу выступила. — Выходит, он взял совсем немного?! Намеренно! В руках серебро держал, но не тронул! Стало быть, осознанно пошёл на это: грех на душу взял, спасая родных от голода. Это что же у него в душе творилось, когда добро моё в руках держал, себе отмеряя?!

Погано-то как на душе! А как я дубасил-то его! Жену... сынишку... — И опять перед глазами ладошка мальчугана с солдатиком. Тяжесть навалилась пуще прежнего, и чувство вернулось, будто у сына и отбирал, о коем грезит! Но что отбирал? Его талисман, — доблестного деревянного воина!

Удивительно, но у него самого такой же в детстве был. Он тоже всюду его таскал, даже разговаривал с ним, — чтобы никто не видел. А ещё мечтал стать таким же сильным и смелым, как его деревянный воин.

И вновь вспомнилась Хельга, — её слова об испытании после сева: «Чем больше тот, кто выбирает тебя, тем труднее испытание и сильнее боль твоя. Хочешь что-то получить — готов ли ты отдавать? Испытание может стать непомерным для тебя!» — Так вот же оно, испытание! И я его провалил: пожалел монеток для голодающих — не моих вовсе — отцовских!

Внутри всё сжалось до тошноты. — Эх-х, не видать мне сына! Слабый и никчёмный человечиска! Жадный, злобный!..

И снова взгляд мальчика. Тот словно заглядывал в душу в поисках чего-то достойного. — А если бы моя семья вот так голодала, и вместо этой женщины сидела бы моя Гуна? Если бы нечем было кормить сына? Разве не пошёл бы от отчаяния на грех, что Онни содеял? Пошёл бы... Просить он не стал — вдруг не дам... потому и взял сам... но малость самую. — В животе скрутило до боли — чуть не стошнило. — Стыдно...

Лёгкий ветерок обдавал свежестью, — то усиливаясь, то стихая, — словно свидетель пробудившейся вдруг совести, что мечется — не найдёт покоя.

Домой вернулся подавленным, обессиленным, — будто работал весь день не покладая рук. Гуна встретила тёплой улыбкой. Увидев мужа унылым, прониклась — почувяла тяжесть на душе его. Ни о чём расспрашивать не стала — накормила, уложила спать.

Последующие дни потекли обычной суетой. За старую лодку рассчитались, купили новую, ещё и на ремонт дома осталось. Гуна обрадовалась новости о переезде отца: любила его как родного.

О случившемся же поведал ей чуть позже, — когда отлегло малость. Гуна внимательно выслушала исповедь мужа. Ответила коротко, но очень мудро: «Не вини себя, милый. Порой мы меньше оказываемся, чем могли быть. Нынче бы поступил иначе — не сомневаюсь. Вот за это я тебя и люблю!»

Время шло. На новый сев Олег не отваживался. На душе всё ещё скребли кошки: оставалось чувство вины перед теми людьми. А ещё — ощущение проваленного испытания. Казалось, ворота мечты о сыне захлопнулись.

Олег с головой окунулся в работу, — отдался без остатка. Дела, надо сказать, пошли в гору. Бьёрн даже посетовал: «Эй, да ты измотаешь, меня; куда столько работать, коли и так неплохо зарабатываем?» Не ведал он, отчего с таким неистовством друг его трудится без устали.

Но забыться в работе у Олега не получилось. Как ни старался, прежнее недовольство жизнью незаметно возвращалось, занимая привычное место. Мечта о сыне оказалась сильнее прочих успехов: не спрятаться за них.

Вечерами подолгу сидел у окошка и смотрел на осенний закат. Листья, уже тронутые желтизной, от порыва ветерка слетали с деревьев, наслаждаясь последним танцем.

Гуна всё чувствовала — как могла, поддерживала мужа: окружила заботой и вниманием.

Как-то дочка привела в дом соседского мальчишку лет четырёх-пяти. Вечер, непогодь — пришли поиграть в доме. Горница наполнилась шумом и смехом. Олег сидел у печи, чинил старую сеть. Мальчуган подбежал к нему, тронул за плечо, потянул за руку: «Пойдём играть с нами!» И этот чистый детский взгляд, полный доверия! Невозможно сдержать улыбку.

Что-то колыхнулось внутри, пробудив заветную мечту: — Вот бы так мой сын за руку тянул!

Малыш грозно объявил, указывая на девочку: «Это моя подруга, а ты — разбойник! Я буду её защищать!» — громко кряхтя, он принялся бороться с Олегом. Олег с удовольствием подыграл. Внутри же с новой силой разгорались прежние чаяния. Вспомнилось вдруг, как сынишка Онни защищал своего отца. И этот мальчишеский взгляд... — похоже, он надолго поселился в душе Олега. Поплохело, на губах появился привкус горечи.

Наигравшись со взрослым, малыш с дочкой убежали в другой угол — развивать новый замысел. Олег же обратился к Гуне:

— Что-то захотелось пройтись, подышать вечерним воздухом.

— В дождь, на ночь глядя? — Провела мужа грустным взглядом.

— Да там чуть моросит, — ответил, набрасывая плащ, — для рыбака это — не дождь, — добавил с улыбкой, выходя из дома.

Гуна с пониманием кивнула, глубоко вздохнула, опустила голову, о чём-то задумалась...

К пролеску ведёт изогнутая тропинка. Прошёлся неспешно туда-обратно, потом ещё раз и ещё... Наконец, остановился. Боль от нервно сдавленных челюстей вынудила разжать зубы. — Всё, завтра — в тихую заводь — сеять. Хельга не обещала лёгкой дороги. Неудача, стало быть, ещё не провал. И то, как она говорила, даёт надежду — когда-нибудь у меня получится. Ведь Эйли смог — неужто я слабее?

Следующим вечером Олег зашёл к Бьёрну за зерном. Своё брать не стал: раз с его зерном всё получилось...

Тихая заводь встретила тишиной и мелким моросящим дождиком. Множество мельчайших капель касались воды словно мурашки тела.

Отвязал лодку, забрался, поджал ноги, укутался плащом, накиннул капюшон... Так и взирал на округу молча, словно зверёк в сырую непогодь из норки. Взирал с вопросом: «И где нынче искать тебя, — сущее-настоящее?»

Поднялся лёгкий ветерок, заколыхал, зашелестел в зарослях остролистника, присоединяясь к шуму дождя и будто стараясь даже его одолеть. — И кто же победит? — задался вопросом, улыбаясь про себя.

Словно в ответ ветерок зашелестел в листьях ещё сильнее, порывистой, усердно наклоня длинные листья. Но тут же будто сдался, выдохся, притих. Дождик же, почував удачу, собрал влагу небес да припустил ещё больше: зашумел, зашумел... Брызги достали носа, защекотали — пришлось спрятаться в капюшон поглубже.

Но шелест листьев сдаваться явно не желал: призвал на помощь друга — ветер, — и тот незамедлительно обрушился бурным порывом на тихую заводь. И вот настоящий хор листвы полностью заглушал шум дождя. — Надо же, и правда, борются! Любопытно, чем эта битва закончится?

Дождь не растерялся — призвал своего грозного собрата. Яркая вспышка и «Бабах-х!» — разнеслось по всей округе. От неожиданного грома воздух содрогнулся так, что в ушах заложило.

Дождик в ответ стих, — то ли испугался, то ли набирал силу для нового рывка. Да и ветер будто выдохся на миг. Тишина...

Тихая заводь на время стала собою, замерла в ожидании. — А может никакой битвы и нет? — мелькнула в голове вместе с улыбкой. — Вот ведь выдумщик! А может... просто... нечто иное?

Корма лодки приблизилась к кусту остролистника. В полной тишине один единственный листочек затрепетал вдруг, — сначала еле заметно, потом всё сильнее и сильнее. Он приковывал взгляд, наматывал внимание словно рыболовную нить. — Да я и вправду для него — точно пойманная рыба! И отчего один трепыхается, когда прочие не шелохнутся? Как так? Его звук — словно шёпот — о чём-то вещает, — тихо-тихо, но слышно.

Пересел поближе, вытянул шею. — О чём вещаешь, листочек? — А тот старается изо всех сил, дрожит, шелестит. — Чего сказать-то хочешь? — прошептали губы.

И вдруг снова: «Бабах!». От неожиданности подскочил на скамейке, рука нащупала шершавый борт. Огляделся и снова взгляд уцепился за листок. — Вот те раз, он содрогнулся в такт грому — я успел углядеть — и теперь тоже замер! Будто сам и прогремел мне в ответ!

По щеке с силой ударила тяжёлая дождевая капля, и, не желая расставаться, скатилась к губе, растворилась в складке, просочилась, коснулась кончика языка. — Горькая, как слеза! Да ну! — По телу прокатилась дрожь, потом ещё сильнее, когда в памяти всплыли слова Хельги:

«Ищи его, настоящее, — оно — вокруг, — всегда с тобой, в каждой мелочи пребывает: в шёпote листочка в раскате грома, капле воды на лице во время дождя...» — Неужто в самом деле знала ведьма... чего со мной твориться будет!? Не может такого быть! Но дважды угадала! А может... она и сейчас здесь, рядом со мной?! — коснулась тревожная мысль; сердце застучало сильнее. — Здесь?! О боже! Кто это, — тело вздрогнуло от испуга, — из тёмной воды на него смотрели два глаза! Ноги затряслись — едва хватило сил привстать.

Из воды показалась голова нерпы. — Фухх!.. Вот напугала, дурёха! Да в такой миг! — Но теперь взгляд гостыи приковал внимание: будто человеческий! Смотрит неотрывно, словно что-то сказать хочет! Волосы на голове зашевелились, мураши по спине гуляют. А запах! Запах знакомый: со сладкой горчинкой, — как там во сне, рядом с Хельгой! Да неужто сама в нерпу обратилась?!

Ноги вновь затряслись, — Ух-х, — словно холодком повеяло. — Да полноте! Это же просто нерпа! — Попытался успокоить себя.

«Ищи его — настоящее, — оно вокруг... — в глазах нерпы озёрной...» — всплыли в памяти слова Хельги. — Да как же так! Я же не сплю, это всё наяву! — Тело содрогнулось.

Нерпа тем временем вновь погрузилась в воду — одни глаза по прежнему сверлили взглядом гостя. И взгляд тот показался вдруг знакомым. — Да это же взгляд мальчика, сына Онни! Да-да... — в момент, когда я с силой разжимаю его пальчики! Тому больно, слёзы, но он держится из последних сил. Разве ж такое может быть?! — Отшатнулся от края лодки. — Это он, мальчуган, смотрит на меня!

Комок подкатил к горлу, в груди сдавило. Лодка колыхнулась, пришлось опять ухватиться руками за борт. И вновь подался вперёд, вытянув шею в сторону нерпы. — Где ты там? — Взгляды снова встретились. — А теперь это взгляд матери мальчика! Да-да, нет сомнений — её, — виноватый, с сожалением и отблеском боли. — В памяти всплыл её образ: худенькая, измождённая, ноги в царапинах от долгого пути, жилочки сквозь тонкую кожу проглядывают... и в крови — от его злобы. Чёрные волосы растрёпаны, руки натруженные, словно у старушки: в них молодость с усталостью встретились. — Да что же это со мной такое?! Отчего так горько на душе?!

Глаза наполнились слезами... — А-а-а-а!!! — истощный крик разлетелся по заводи. Потом ещё: — А-а-а-а-а!!!

Нерпа медленно погрузилась в глубину — исчезла столь же неожиданно, как и явилась. Сделала своё дело и... Горечь-то осталась. — Ничего я уже исправить не могу! Как вернуть тот миг и поступить иначе? Никак. — Рука невольно опустилась в карман. — О, зерно! Я и забыл про сев. В тот раз получилось: и улов был, и разрешилось всё. «Из сущего в грядущее сей», — вспомнилось вдруг. — В грядущее... Стало быть... — От внезапного озарения встал

на ноги, раскачивая лодку: — Буду сеять для них, — для этих людей, которых не пожалел, которые остались голодными из-за моей жадности!

Полная пригоршня зёрна полетела в воду, потом ещё и ещё... — Сущее! Настоящее! Знаю, ты — сила! Ты — живое начало! Прошу, дай этим людям своё добро, заведи их нужду в свои глубины! Сплоховал я, не смог — жалею о том. Сделай это не для меня — для них! — Рука опускалась и опускалась в карман, соскребая из складок остатки зерна. И даже когда там ничего не осталось, пальцы скребли по ткани и рука бросала лишь воображаемые семена.

И вновь бессилие. Плюхнулся на скамью, устало поднял голову, обвёл взглядом заводь. Всё вокруг будто притаилось, наблюдая за ним: ни дождя, ни шелеста листьев, ни грома! — Как же так? Неужели из-за меня?

И тут всё очнулось, будто на миг выпал он из потока времени и вновь вернулся: дождь припустил, ветер разгулялся и гром объявил о своём присутствии. — Нет, это вовсе не битва шелеста листьев и шума дождя! Это — песнь, великая песнь сущего! И поёт оно для меня! Я же дарю ему семена, — семена чайний моих.

Не удержался — слезы потекли, грудь содрогалась от всхлипываний! Но это — плачь радости, радости в объятиях сущего! Боже, как хорошо, как хорошо!

Долго ещё бродил Олег по лесу недалеко от дома. Одно настроение меняло другое. Хотелось освободиться от переживаний, чтобы вернуться прежним. Не получалось. Видать, прежним уже не вернуться. Да, мечту свою он так и не посеял, и новое испытание после нынешнего сева, поди, не за горами. Но сожалений нет — напротив, полегчало на душе. И ещё... пустило корешки в неведомую глубину души ясное понимание, что мир вокруг совсем не такой, каким кажется.

*

Спустя время, Олег отправился рыбачить один: Бьёрн сказал, что захворал и хочет денёк-другой отлежаться дома.

Спустился к берегу, готовясь выйти на воду. Сначала возился с небольшим ремонтом лодки, потом готовил снасти. Тут и обнаружил, что часть снастей забыл дома: на днях забрал починить, всё сделал, приготовил и... забыл. Пришлось возвращаться.

А как вошёл в дом, так и обомлел: Гуна вместе с Бьёрном — на их ложе под накидкой! Появление Олега оказалось для них неожиданностью.

Он же не мог поверить своим глазам. — Как?! И это — лучший друг, которому я мог доверить даже свою жизнь?! А Гуна... Женщина, которую безумно люблю столько лет, веря, что взаимно!.. Как такое возможно?! Какой же я дурак!!! Всё это время меня водили за нос!

Будто весь мир рухнул — земля ушла из-под ног.

Бьёрн испугался, схватил одежду и, сверкая голым задом, принялся судорожно натягивать её на себя. «Олег, я тебе всё объясню! — начал громко и поспешно оправдываться. — Всё не так, как ты сумеешь! Только подожди...»

Гуна испугалась не меньше: в ужасе прикрылась накидкой, схватила одежду и убежала в другую комнату.

И тут на Олега нашла настоящая ярость. Он схватил кочергу и бросился на Бьёрна. К тому времени тот успел кое-как натянуть на себя штаны, рубаху и едва увернулся от разъярённого друга. Он бросился к двери, продолжая умолять выслушать его.

Тут же появилась Гуна, — уже одетая: выбежала из комнаты и попыталась успокоить мужа. Олег грубо оттолкнул её. С криком «Убью!» он бросился догонять Бьёрна.

Дом Бьёрна стоял недалеко, ближе к озеру. Он едва успел прошмыгнуть внутрь и попытался было запереть дверь изнутри, но не успел. Рассвирепевший Олег ворвался внутрь словно ураган.

— Послушай, Олег! Позволь всё объяснить! — кричал Бьёрн. — В его глазах читался не только страх, но и отчаяние.

— Не надо мне ничего объяснять! — захрипел Олег. — Мне сполна хватило того, что я видел своими глазами! Или я слепой?! Ты мне больше не друг... а теперь — и не жилец! — он занёс над Бьёрном кочергу.

Тот сжался весь, закрыл голову руками, попятился назад, споткнулся, с грохотом повалился на пол... падая, толкнул стоящий рядом стол... Громко загремела и посыпалась на пол какая-то утварь, большой кувшин с зерном, стоявший на столе, упал на бок, покатился, но упёрся в большое блюдо. Зерно посыпалось на голову Бьёрна, разлетаясь в разные стороны по полу. Тот вдруг убрал руки, сжал дрожащие веки и застыл в ожидании возмездия.

Олег едва не ударил, но увидел вдруг, как на голову друга сыпется зерно. Вид падающего зерна, дробь от ударов о деревянный пол заставили замереть, будто очнувшись. Молнией ударили в голову слова Хельги о знаке, что должен прийти, об испытаниях после сева...

На миг он словно отделился от всего происходящего, — даже от собственной ярости. — Вот оно, семя, что проросло... Вот оно испытание! — пронеслось в голове, — я же сам убеждал Хельгу, что готов на всё, что приму любое страдание!..

Какое-то время он просто наблюдал, как зёрна медленно сыплются на испуганного до смерти друга. — Я же сам давеча посеял эти семена в озеро!

Рука медленно опустилась, пальцы разжались, кочерга грохнулась на пол. Он вдруг с ужасом понял — ещё мгновение и убил бы лучшего друга. Теперь же просто стоял в смятении, в полной растерянности. А потом, не говоря ни слова, развернулся и быстро вышел из дома друга — теперь уже бывшего — напоследок громко хлопнув дверью. Звонкий удар о косяк, от которого та снова отворилась, означал точку в отношениях. Перепуганный Бьёрн приподнялся и долго смотрел в проём на удаляющуюся в сторону озера фигуру.

Сейчас Олегу больше всего хотелось остаться одному. Вернулся к своей лодке, с силой оттолкнув её от берега, запрыгнул, взял в руки вёсла, налёг на них всем телом. Вся сила внутренней бури отдавалась привычным движениям, отчего большая ладья стремительно понеслась по волнам как никогда прежде.

Олег плыл в никуда, тщетно пытаясь унять нахлынувшие на него чувства и мысли. В ту ночь, давая Хельге обещание, не думал он, что испытание может оказаться столь невыносимым! Да, он хотел сына, но — от своей женщины! От той, что любит сильными и глубокими чувствами!

О каком сыне теперь можно говорить?! Опора, на которой строил жизнь свою, рухнула в одночасье. Такого испытания он не мог даже представить себе! — что сущее заберёт у него самое дорогое — его любовь. Как теперь смотреть Гуне в глаза, как прикасаться к ней после этого?!

В памяти проносились самые яркие воспоминания из их жизни... В груди сдавило, дышать стало тяжело, ком к горлу подкатил и слёзы, слёзы, слёзы... — здесь, вдали от берега, один на один с глубокой водой. Он часто делился с ней своими тайными мыслями, в неё сеял свою мечту и теперь больше всего желал излить этим глубинам невыразимое горе.

«Знаю — это и есть испытание, но сколь непомерно оно для меня! — вырвалось хрипкое обращение к озеру вдали от берега, — нет у меня сил принять всё это! Как можно такое вынести?! Что я могу сделать теперь? Просто взять и простить? Как? А как же мои чувства? Отчего она такое содеяла? Да ещё с самым близким другом! Будь это кто другой, может, и легче было бы простить... Почему она выбрала именно лучшего друга? И какой он друг после этого?!» — было вдвойне больно потерять сразу двух самых близких людей! Да вся его жизнь связана с ними!

Долго ещё жаловался на судьбу... многое передумал, сидя в лодке. Так в душевных страданиях прошёл весь день, пока не скрылось за горизонтом солнце и над озером не поднялась яркая луна. Обессиленный, опустошённый, он обвёл ещё раз горестным взглядом водную

гладь, взял в руки вёсла и погреб к берегу. Пошёл в лес: не хотелось возвращаться домой. Долго ещё бродил по тёмному лесу, потом снова сел в лодку и — на своё место в тихую заводь.

Глубокое озеро будто забрало часть боли... а поток его чувств и мыслей выбрали вдруг иное русло. — А ведь я сам этого хотел... — обратился к себе, — сам дал обет, что готов принять всё... И коли испытание моё не случайно, стало быть, оно всё-таки преодолимо. И коли сына хочу, нет у меня иного выбора, кроме как простить Гуну... А может быть, мне следует для начала её понять?... Понять, чего ей не хватало во мне? Может быть, сам не прав — любил её не так, как ей хотелось? Может быть, из уважения ко мне она боялась в этом признаться?

Вспомнились слова Хельги, что не должен он ничего требовать взамен. Тут и понял вдруг, что та имела в виду. — А ведь я всегда требовал ответных чувств! Выходит, любовь моя не была по-настоящему чиста! Говорила же Хельга — есть вещи, в которых нельзя требовать взамен. Не о любви ли говорила?!

Слова Хельги всплывали и всплывали в памяти: «Ты ждёшь от любимого человека того же самого — участия, любви, заботы, преданности, наконец. А если человек, которого любишь, по какой-то причине оскорбил тебя, сделал больно или предал... Тогда как? Боль обида, а то и ненависть. Чистое чувство, — оно не требует ответа; оно — как река: просто течёт к своему устью и всё, несмотря ни на что. Желания, ожидания к живому чувству никакого отношения не имеют. Живое чувство видит чувство другого — не только своё! Когда способен разглядеть в поступке другого душу его, тогда обиды твои станут невесомыми. Измени свой путь изнутри: выбери живое чувство в себе... Только такого выберет чистая душа...

От таких мыслей охватило волнение, даже испарина выступила на лбу. Захотелось подвигаться — встал. Лодка закачалась, рождая уходящие вдаль волны. На заводь уже опустился вечерний туман, вот уже и кустов почти не видать.

Сердце стучит, волнуется в предчувствии чего-то важного. — Коли требую взамен того же, стало быть, любовь моя — не настоящая! Себя выбираю — не её! И тепло отдаю, чтобы вернулось сторицей... Так вот, что значат слова ведьмы: «выбирай чувства». Вот, что я должен сделать! Но как отыскать в душе своей и выбрать чувства настоящие?!

Ответа не было, но уже чувствовалось, как тот обретает неясные черты. — Есть нечто большее, чем все мои желания: желание иметь сына, желание сохранить семью... — большее даже, чем измена любимой и предательство друга. Для меня это намного больше, — то, что люблю свою Гуну и дружбой своей с Бьёрном по-прежнему дорожу. Это — настоящие чувства и не должны они следовать за случившимся — пусть остаются большими и чистыми. Ведь о том и говорила Хельга! Я пронёс их через всю свою жизнь и не стану от них отказываться! Без них всё пусто и никчёмно!

А коли они так поступили... так... видать, имели на то причины. Это — их чувства, и ненавистными они не должны для меня стать!

В туманную даль вырвался надрывный крик: «Я выбираю чувства!!! Чувства моей любимой и моего друга!»

Большая птица вспорхнула с кустов и с ответным гогогом пронеслась над головой. Немой свидетель — ветер — будто оцетинился — задул, задул, шурша в кустах остролистника. Всё пришло в движение: лягушки вдруг подали голоса, послышались всплески воды в глубине туманной дымки, словно заводь проснулась от его возгласа.

Так Олег просидел на озере до самого утра, и лишь солнце взошло, погрёб к берегу. Он знал, как поступит дальше. — Предложу Гуне выбрать самой, чего она желает. Да, это можно счесть за слабость, но никто ж не заставляет оглашать сие пред всем миром. Огласить её измену и изгнать — а он имеет на то полное право — стало бы великим унижением для неё: нынешние законы и нравы женщине такое не прощают. Да, она сделала мне больно, но я — не стану. Пусть сама выберет. Бьёрн — так Бьёрн... Я просто сохраню свои чувства к ней — пусть

уезжают вместе, от людских глаз подальше, куда хотят, и будут счастливы. Не стану мешать, как и осуждать их. А коли меня выберет... начну всё сначала, — всегда выбирая настоящие, чистые чувства, — те, что не требуют ничего взамен.

Олег не сразу вернулся домой — долго ещё бродил по окрестностям, продумывая свою беседу с Гуной. Он понимал — непростой будет разговор... — прежде всего, для него самого. Теперь он всё понимает и всё так ясно излагает, но найдёт ли нужные слова, когда увидит её?

Появление мужа напугало Гуноу: видимо, боялась, что в сердцах муж выплеснет на неё свой гнев. Она робко попыталась что-то сказать, но Олег сразу остановил её:

— Подожди, дай мне сказать! Сначала — я, а потом уже ты!

— Хорошо, — покорно опустила заплаканные глаза Гуна, руки её нервно тряслись, она пыталась спрятать их за спиной, но тогда начинало колыхаться всё тело.

— Я не причиню тебе боли в ответ, — за то, что ты содеяла, — начал он, — всю жизнь я любил тебя и от чистого сердца дарил искренние чувства. Ты предала меня как мужчину, но чувства мои предать нельзя. Я решил — прощаю тебя: коли поступила так, стало быть, имеешь на то свои причины. А я... как любил, так и буду любить тебя, но — уже ничего от тебя не ожидая. Да-да, — именно так, — подтвердил Олег, видя явное замешательство жены. — Я всегда тебя любил, но и требовал любви взамен, — продолжил он. — Теперь знаю — поступал неверно... В том — моё великое заблуждение.

Потому прощаю тебя. Твоё право... и коли любишь его, уходите вместе от людского оговора. От тебя требовать ничего не стану. Считай, что мои чувства ты не предавала. И я не буду видеть здесь предательства. Видать, и моя в том вина, что ты направила свою любовь к другому... Стало быть ближе он тебе, чем я.

А если всё же любишь меня, тогда начнём всё заново... Я всё приму — любое твоё решение.

После таких речей Гуна будто онемела: слова Олега сразили её, лицо застыло в удивлении, глаза расширились, рот раскрылся... а вместо слов послышался лишь тихий стон. Никак не ожидала, что муж, с коим всю жизнь прожила, на такое способен! Он даже не спросил у неё, почему она это сделала! Не стал разбираться и выяснять отношения, — так поступают все и всегда. Волна дрожи накрыла её тело. Медленно оседая на пол, она прикрыла лицо трясущимися руками, слезы потоком хлынули из её глаз.

— Я бы хотела объяснить тебе... — всхлипывая, робко промолвила она.

— Не надобно! — мягко остановил её Олег, — ни к чему объяснения. Что сделано, то сделано. Коли сердце твоё выбрало, знать так тому и быть — нечего тут растолковывать.

— Моё сердце давно выбрало тебя! — глотая слёзы выдавила Гуна, — и я хотела сделать тебя ещё счастливее! Позволь же открыть правду... Я всегда хотела родить тебе сына, но ничего не получалось. Не могла я видеть более, как ты страдаешь изо дня в день. Я сама пошла на это... — стала уговаривать Бьёрна помочь мне...

Знал бы ты, чего стоило уговорить твоего друга, — он предан тебе, как верный пёс. Он так отругал меня, даже разговаривать не хотел об этом! Я и так, и эдак... а он — ни в какую.

«А что ты хочешь, — пыталась убедить его, — чтобы Олег смирился с тем, что никогда не будет у него сына — помощника и наследника — ... чтобы друг твой лучший совсем потух и духом пал?!»

В конце концов, согласился он со мной и, скрипя сердцем, решился помочь... Ты не представляешь, насколько тот выбор тяжёл, — и для меня, и для Бьёрна — ведь для нас обоих ты — самый близкий и дорогой человек! Мы пошли на это ради тебя и надеялись оставить это втайне... Так хотелось порадовать тебя, исполнив самую заветную мечту! Прости меня, глупая я женщина! Я же люблю тебя и другого выхода не видела!

Жаль, что так и не смогу родить тебе сына — мы не успели даже начать то, что задумали. Всё равно не смогли бы — оба это поняли, — даже если бы ты и не появился на пороге. И уже в

стыде великом собирались мы разойтись в молитвах. — Голос Гуны задрожал, она замолчала, закрыла лицо мокрыми от слёз руками.

Теперь уже Олег обомлел — потерял дар речи. Боже, ему и в голову такое не пришло бы! А то, что с болью в сердце нагородил в голове своей, просто рухнуло в один миг! Опять в душе всё перемешалось, его затрясло, комок подкатил к горлу... не выдержал бедняга и расплакался. Гуна нежно обняла мужа. Так и рыдали, обнявшись друг с другом... А потом они дарили и дарили друг другу огромную нежность... и провели страстную ночь.

Наутро Олег пошёл к Бьёрну. Едва зашёл в дом, тот так испугался: сжался весь, закрылся руками... в ожидании неминуемой смерти своей. Но Олег подошёл к нему, по-дружески обнял и сказал: «Я всё знаю»...

* * *

Прошло время. После случившегося жизнь Олега с Гуной заметно изменилась, а чувства расцвели с новой силой.

Лето подходило к концу, но никак не хотело сдаваться. Тепло разлилось повсюду, и им захотелось прогуляться вдвоём: поговорить, полюбоваться прекрасными видами. Уже вечерело, как сели они в лодку, оттолкнулись от берега и поплыли вдоль берега. Олег захотел вдруг привезти её на своё место в тихую заводь. Гуна ничего не знала о нём.

Недолго выдалось посидеть в тиши. Откуда ни возьмись вдруг стала надвигаться непогода: тучи сгустились, а на озеро опустился густой туман. Олег спешно развернул лодку да поднажал на вёсла: с собой-то ни плаща ни накидки — случись дождь, промокнут до нитки.

Совсем недалеко отплыли, как вдруг сверху послышался громкий звук: будто что-то огромное рассекло воздух. Лодку сильно качнуло, даже слегка наклонило назад. Олег увидел, как изменилось лицо Гуны, сидевшей напротив: то была смесь испуга и удивления. Она застыла и пристально смотрела на что-то прямо позади мужа.

Олег перестал грести, развернулся назад и тоже оторопел: в шаге от него на корме лодки сидел огромный орёл! Встретив его взгляд, птица гордо приподняла крылья, вытянула вперёд шею и принялась топтаться на месте, переваливаясь с ноги на ногу. Теперь орёл казался невероятно огромным: никогда прежде не приходилось им видеть так близко столь огромного орла. Он внимательно смотрел то на Олега, то — на Гуну. Те же застыли оба, боясь пошевелиться; они с изумлением наблюдали за необычным танцем незваного гостя.

А потом орёл громко и пронзительно закричал, с силой оттолкнулся от лодки, вновь сильно качнув её, и быстро скрылся в тумане. Крик огромной птицы тотчас заставил Олега вспомнить свой волшебный сон... Это же тот самый орёл! И если верить словам Хельги, он только что подал знак — возвестил о том, что Олег прошёл испытание! Его выбрали!

— Вот это да! — громко воскликнула Гуна. — Это что такое было?! — удивление и испуг смешались в её восторженных глазах.

Олег лишь пожал плечами, потом весело засмеялся, одаряя родные места невыразимым счастьем. А потом продолжил молча грести, словно ничего особенного не случилось.

Он так ничего и не ответил — лишь глядел на Гуну счастливыми глазами... Ему хотелось открыться любимой, поведать удивительную историю, но не сейчас...

— Не знаю, что и сказать, — наконец, сказал тихим голосом, — зато теперь знаю, как назову своего сына: — орёл (Арне) озера Саймаа.

Вскоре Гуна сообщила, что носит ребёнка, но Олег и так знал — у него наконец-то родится сын.

*

— Олег так гулял, так гулял, когда родился Эрни. Устроили поистине грандиозное веселье: пригласили всех, кто жил в окрестностях тех мест. И не меньше Олега веселился его друг Бьёрн.

Потом в деревню пришёл Любомир. Их радость умножилась! Отец так влился в их семью, что порою не верилось, как мог столько времени жить отдельно.

*

С тех пор прошло несколько лет. Маленький Эрни уже помогал отцу. Когда тот собирался на промысел, всегда просил взять его с собой. Олег не брал. «Подрасти маленько, сынок, — ласково приговаривал, обнимая сына». И верно, рыбный лов сетями в открытой воде — не шутки, всяко бывает. Зато по выходным отец с сыном всегда плавали в тихую заводь посидеть с удочками.

В один из летних дней отец предложил навестить могилку жены — матери Олега. Гуна поддержала, но пожелала отправиться всей семьёй: дети подростки — путь туда и обратно им по силам.

Собрались и двинулась в поход. Мужчины несли вещи на плечах — кто сколько смог взять, — а дочь с Гуной взяли только походные мешки с едой. Двигались не спеша, с остановками. Три дня шли, но какое то было удовольствие! Останавливались в живописных местах, разбивая лагерь на ночлег. Дети бегали, играли... взрослые же, прилично уставшие, собирались вокруг костра, наслаждались красотами и обществом близких.

«И отчего раньше не приходило в голову вот так всей семьёй отправиться в поход? — думал Олег на очередном привале, пожёвывая травинку. — Есть особая радость в таком странствии, — когда все вместе идём к родным местам, отдыхая вдали от дома».

Приятный аромат еды на костре ударил в нос, будто в подтверждение. Олег приподнялся — Гуна с отцом вовсю хлопотала у очага, дети бегали неподалёку. Вспомнились вечера, когда все вместе ходили к озеру: мужики рыбачили, а Гуна с детьми отдыхали под деревом. Потом — ужин, веселье... — «Надо непременно ввести их в семейную традицию. Что ещё так сближает, как время, проведённое вместе вдали от домашних хлопот?»

На третий день пути родная деревня встретила лёгким дождиком. Решили пройтись вокруг отчего дома по окрестностям: посмотреть, вспомнить былое...

А вот и она, наконец — родимая избушка! Старая изба правым боком погрузилась в знакомый холм. Остановились. Отец бережно погладил ветку на оградке.

— А вы кто будете? — послышалось голос из-за кустов и показалась взъерошенная мальчишечья голова лет десяти. — Отца дома нету — на озере, а мамка дома стирает, — мальчик неспешно вышел навстречу.

— Да мы просто хотели посмотреть на дом: когда-то он был нашим, — ответил Олег.

— Да? — удивился мальчуган, — так проходите во двор, — он распахнул калитку и с криком «ма-ам!» помчался к дому.

Вскоре навстречу путникам вышла женщина, — моложавая, приятной внешности, в тёмном платье с накидкой на голове.

«О боже! — Олег остановился, застыл на месте. — Это же та самая женщина, — жена похитителя денег с продажи этого дома! А мальчик уже изрядно подросток».

Паренёк стоял возле угла дома и подозрительно всматривался в Олега. Женщина, приглядевшись, остановилась — на её лице отразилось недоумение вперемешку с испугом. Она хотела что-то сказать, но не смогла: от волнения лицо её покраснело, руки затряслись.

— Да вы не волнуйтесь, милая! — поспешил успокоить женщину Олег, — я не за прошлым явился: то всё — былое, давно забытое. Я и сам не ожидал увидеть вас, — в деревне и в доме, где родился и вырос. Мы тут всей семьёй решили навестить родные места. Уж простите, что свалились, будто снег на голову.

Женщина облегчённо выдохнула:

— Да полноте! Так это ваш дом?! Проходите в дом, я вас чудным напитком угошу.

— Я — Олег, это — Гуна... — он познакомил хозяйку с родными.

— Я — Ингрид, — ответила женщина спокойно, но всё ещё растерянно.

Олег подошёл к ней, взял за руку:

— Всё хорошо, Ингрид, я обиды не держу — сам был неправ тогда, ох как неправ! — Та в ответ улыбнулась, кивнула головой.

— Вот, милая, это — та семья, о которой я тебе рассказывал... ну, когда дом продали... — Олег обратился к жене.

— Да неужель! — Гуна застыла в удивлении. — Ну надо же! Как же так вышло-то?

— Вот теперь и узнаем, — Олег развернулся к отцу, взял под руку, помогая войти в дом. Тот вовсе не понимал, о чём разговор.

Ингрид оказалась на редкость милой и гостеприимной женщиной. Парнишка с редким именем Юхо не отходил от мамки, сутился, помогал накрывать на стол.

— Как же так обернулось, что вы тут живёте? — не выдержал Олег: в его памяти будто ожил тот нелёгкий день, — день последнего испытания.

Хозяйка как раз накрыла стол и вместе с сыном присоединилась к гостям.

— Ой... — махнула рукой, словно не хотелось и вспоминать, — худшие времена для нас с Онни, мужем моим. Да-да, тем самым... — Ингрид отвела взгляд, помолчала и продолжила: — Мы втроём с сынишкой в Выборге жили, но случилась беда: дом наш долговой сгорел дотла — пришлось бежать. Уж больно жестоко от мужа долг требовали: избили, покалечили руку.

Бродили, искали место, где бы осесть. А тут сыночек родился. Тяжело родился да и потом всё болел, болел. Откуда здоровице-то будет, коли сами голодные?! Знахари, те сразу сказали — не выживет. Муж, как мог, работу искал, да где уж калеке? Потом просил на пропитание — никто не давал. Знамо дело — всюду нужда, год неурожайный.

Вот и решился мой на лиходейство. Уж отговаривала, как могла: попадётся — как нам без тебя справляться? А тот глядит на голодных детей, да молчит. Вот и украл у вас несколько монет. — Женщина снова опустила глаза. — Лишнего, говорит не взял, только чтоб выжить.

Вскоре умер наш сыночек. Схоронили на общем кладбище. Думали тогда — всё, жизнь окончена для нас. Сели у сосны в горяшке своём. А тут человек мимо идёт — остановился, заговорил с нами, представился Йоханом. Он только что купил этот дом, а тут такие дела: избранница дала согласие выйти за него замуж, но с условием, чтобы жить в Выборге.

Хороший человек Йохан — сжалился над нами: предложил остаться в его доме да приглядывать за ним. Продавать не захотел: уж больно запал этот домик ему в душу; да и кто знает, как жизнь сложится.

Так и посчастливилось нам к его счастью пристроиться. С тех пор живём тут. Уж полюбили домик этот да места здешние. Онни тут работу нашёл — на жизнь хватает. Йохан, благодетель наш, навевается время от времени: отдохнуть, порыбачить в этих местах... К нам тепло относится, помогает. Вот недавно был, всяких подарков привёз. Уехал довольный, как пошутит, «откормленный». Хороший человек, повезло нам с ним.

Ингрид замолчала, направила задумчивый взгляд с лёгкой улыбкой на цветастую занавеску у приоткрытой двери. Плавные движения ткани напоминали небольшие волны, убаюкивающие своей лёгкой неспешностью. К окошку прилетела серенькая птичка и давай щебетать, словно добавляя от себя к сказанному. Пощебетала, пощебетала, крылышками помахала и улетела.

Все сидели молча, совсем не хотелось говорить. Сказанное заставило задуматься о жизни, — порою такой удивительно неожиданной.

— А когда вы встретили Йохана у кладбища, в какой день? — прервал тишину Олег: его вдруг посетила знакомая мысль.

— В какой день? — Ингрид подняла глаза вверх, погрузилась в воспоминания... — Дак... накануне праздника Керри... окончания урожая. Да-да, всё верно.

— Так и знал! — Олег резко встал из-за стола и под удивлённые взгляды подошёл к окну.

Именно тогда он в тихой заводи к сущему обращался, тогда сеял ради этих людей! — Так вот как ты случаемся! И снова Хельга права оказалась в пророчествах своих: «Всё тут в сущем зарождается, всё разумно, живо, связано невидимыми нитями, и грядущее тоже из него начало берёт. Что в тебе ныне-теперь пребывает — чувства какие, — то и в грядущее зёрна посеет, то и случится с тобою иль с теми, кто близок стал. Доверишься сущему, защищён будешь!»

Гуна неслышно подошла к мужу, нежно положила руку на крепкое плечо. Не ведала она, о чём мысли его, но уже разделяла их тонким чутьём своим женским и искренней любовью.

Вечерело. Все вышли во двор. День выдался хороший, тёплый, и вечер продолжил радовать своей благодатью. Развели костёр, после чего разместились на двух больших лавках у сосны. Их когда-то сделал Любомир вместе с маленьким Олегом. Женщины о чём-то тихо разговаривали. Дети — Эрни и Юхо — перебирали в ящике старые деревянные игрушки.

Олег отошёл в сторонку, к оградке. Ощущение прикосновения к сущему не отпускало, будоражило своей глубиной и необычностью. То детство вспоминалось, когда на холмик и лес вдвали глядел, то мысли о пережитом в тихой заводи возвращались... — Всё то непостижимо, так чего маяться, чего голову ломать? — говорил сам себе. — Поди, всю жизнь теперь тайну сию мне разгадывать.

«Глянь, какой медведь!» — послышался голос Эрни. — «Где?» — Юхо подошёл к склонившемуся над ящиком приятелю, случайно толкнув его. Эрни не удержался, повалился на бок, громко смеясь.

Олег с улыбкой наблюдал за детворой. «Юхо, да ты сам как медведь!» — Ингрид, сидевшая рядом, встала, помогла мальчику подняться. Тот продолжил копошиться в ящике, а Ингрид застыла вдруг, будто увидела нечто неожиданное. Стоя рядом, она неотрывно смотрела на Эрни. В её глазах читался испуг, руки нервно перебирали подол платья, рот раскрылся... «О боже!» — прошептали губы, но тут же были прикрыты дрожащей ладонью.

— Что стряслось? Тебе плохо? — забеспокоилась Гуна.

Но та лишь мотала головой. Из её глаз полились слёзы, учащённое дыхание перешло в надрывный плач.

— Да что стряслось? — Гуна вскочила, налила в чарку воды, под села к Ингрид, обняла за плечи.

Дети оставили ящик. Испуганный Юхо подбежал к матери, схватил за руки, принялся успокаивать: «Мамочка, миленькая, что случилось?».

Олег подошёл поближе, склонился над женщинами в готовности помочь.

Наконец, Ингрид успокоилась. Она продолжала смотреть на Эрни. Этот пристальный взгляд и неожиданные чувства женщины привели мальчика в растерянность — он испуганно смотрел то на маму, то на Ингрид, ничего не понимая.

Наконец, Ингрид подняла голову, виновато посмотрела на Олега, на Гуну:

— Простите меня, дуру! — в её дрожащем голосе всё ещё чувствовалось сильное волнение. — Ваш Эрни... он... он... — женщина тяжело вздохнула, не находя слов. — Это невероятно, но он... как будто мой умерший Ёххо, — женщина снова всхлипнула, но быстро совладала с собой, продолжив: — У Эрни на шее слева такое же родимое пятно в виде бабочки! Как это возможно?! А я-то не пойму, что со мной! Сердцем чую — это — он, мой Ёххо... пришёл спустя столько времени!

Гунна привстала от изумления, хотела было что-то сказать, но, не найдя слов, снова села на лавку.

Вот оно, сущее! — Олег отвернулся от женщин, отошёл в сторонку, чтобы скрыть то, что было на его лицо. — Вот они слова Хельги о том, кто выберет меня! Неужели все так удивительно устроено в этом дивном мире?! Живёшь вот так — ничего кроме забот текущих не видишь! А оно... вона как!

Олег извинился перед женщинами: оставил их, сославшись на нужду. Долго ходил по пролеску по своим детским тропкам — не мог отдышаться от нахлынувших чувств и мыслей. Ещё одна загадка, которой не найти объяснения! Зато теперь он не сомневался, что мир сей полон загадок, уму непостижимых, — удивительный, непознанный, необъятный, живой... И как река начало берёт от малого источника, так и жизнь наша — в нас самих начинается, в глубинах неведомых... и в грядущее уходит... От нас, от наших состояний в настоящем всё зарождается и воплощается в грядущем!

Потом пришёл домой Онни... Затем — совместный поход на кладбище, тёплый поминальный ужин... Две семьи сдружились, пообещали встречаться, навещать друг друга.

Кто бы мог знать, что всё вот так случится?

Только Великое Сущее, Великое Настоящее, — Живое и непостижимое! Следует верить ему, доверять, жить в нём, не забывая о других... и всё случится!

Вдох грядущего

Уж третий год пошёл, как Эрн жил в глуши с таинственным шаманом...

К середине осени дедушка Мо и Эрн решили сходить на горную гряду — к востоку от их лесной избушки. На гряде росла очень редкая целебная травка, которую Мо ласково называл светёлкой, бережно собирал, сушил особым образом, а потом относил людям в далёкое племя кайчей. Для народа племени он был шаманом. Собирать травку следовало до первых снегов.

Путь к каменной гряде должен был занять несколько дней.

В первый день шли через разросшиеся кустарники — так короче, — но приходилось то и дело работать длинными изогнутыми ножами-кусторезами. К вечеру изрядно устали — на опушке леса устроили привал.

— Главное — успеть вернуться до первых снегов, — с облегчением выдохнул дедушка, снимая тяжёлый походный мешок со спины, — иначе светёлка сбросит свою силу в землю.

— А почему светёлка? — обратился воин; он уже лежал на куче хвороста, устремив взгляд в быстро темнеющее небо. — И от какой хвори эта травка помогает?

— Светёлка от хвори не избавляет. — Мо устало зевнул.

— А на кой она тогда нужна?! Да ещё такая редкая! Тебя послушать, так её пойди найди ещё! — Воин приподнялся на локте. — Костёр будем разводить, али так поужинаем? Что-то я совсем выдохся. И в голове шумит маленько, да нога опять разболелась: всё никак не заживёт.

— Давай не будем, коли так. — Дедушка полез в свой мешок. — Вот моей особой наливочки на травках выпьем да орехами с сушёной рыбкой закусим.

После лёгкого перекуса друзья увалились на загодя разложенный возле рослого дуба хворост.

Почти полная луна лениво выплыла из-за макушек темнеющих деревьев. Безоблачное небо предвещало тихую светлую ночь. Вскоре из леса потянуло ночной прохладой и сыростью — тёплые шкуры прилипли как нельзя кстати.

— Хм, а спать-то и не хочется вовсе! — нарушил тишину восторженный возглас Эрна, — и голова ясная, и нога не болит — хоть вставай и — в путь! Неужто от твоей хитрой наливки силушка пришла?!

— Вот и ответ тебе на вопрос о травке, кою собирать идём, — хихикнул дедушка, — верно говоришь: на светёлочке настоена.

— Вот те раз! — шея воина вытянулась, в глазах — удивление вперемешку с восторгом. — Всего травка-то, а так голову проясняет, боль унимает да сил придаёт!

— Ага, — снова захихикал Мо, — не всякую хворь травкой вылечишь... а вот светлая голова порой куда важнее в таком случае.

— Ну-у-у коль болезнь неизлечима — на кой тут светлая голова? Всё одно конец пришёл.

— Да не скажи, не скажи... — Мо переместился спиной к дереву, в свете луны его прищур глаз казался особенно таинственным, — порой светлые мысли — единственное, что необ-

ходимо для излечения от страшной хвори. Вот тут светёлка и незаменима будет. Излечение, знаешь ли, — оно всегда рядом с нами, какой бы недуг не накрыл своим тёмным покрывалом.

— Хм... — озадаченно буркнул Эрн.

— И таких случаев знаю немало.

— Не поведаешь? — почти упрасывая обратился воин. — От историй твоих всё внутри переворачивается и всё вокруг иначе видится.

Мо вскинул голову вверх, его взгляд устремился на полную луну. Казалось, та столь тяжела, что еле-еле поднимается на лесом, неторопливо рассеивая жёлто-голубой свет.

Эрн поспешно уместился поудобнее в ожидании очередного дедушкиного рассказа.

* * *

— Как-то отец Михаил — монах-странник — поведал мне одну преинтереснейшую историю, когда по Руси с ним ходили, — тихим голосом начал дедушка. — Когда-то он вот так же, как я нынче, дивными историями со мной делился.

Так вот... Михаил в родном доме, что недалеко от Веси Ёгоновой (ныне Весьегонск) добрых людей приютил — Василия и жену его Прасковью, — из соседних ярославских земель пришлых. Сам Михаил в монастырь решил уйти, вот и оставил им дом, чтоб было кому приглядеть.

Так вот, — продолжил Мо, — Василий тот прежде видным держателем земель был. Не то наследник боярина знатного, не то князь поместный... # уж не припомню теперь: много воды утекло с тех пор. Да и сам Василий о том дюже не сказывал, сам поймёшь, отчего. Одно скажу # человеком был весьма известным и богатым в своих местах, а потом взял да и оставил всё!

А сказ о том, стало быть, можно ль новую жизнь начать, когда смерть в дверь стучится. Только вот история долгая.

От этих слов Эрн подскочил на месте:

— Давай! Сказывай, коли любопытство моё распалил! Всё одно сон как рукой сняло, да и сил после твоей наливки — хоть отбавляй.

— Так завтра поутру вставать рано да снова в путь отправляться: а то давай выспимся внасласть — голос дедушки звучал заманчиво.

— А-а-а, погодь-погодь! Не ты ль говорил, что цель важна только при выборе, а коль пошёл — путь к ней важен. Сам же одно толкуешь, что самое ценное не в цели, а тут и теперь, даже если приходится от цели отклониться. Говорил же? — воин так разошёлся, что от волнения встал и принялся ходить взад вперёд.

— Да ладно, чего ты так? — дедушка сменил тон на успокоительный. — Вижу, хороший ты слушатель — всё припоминаешь. И верно, самое важное — тут и теперь, потому нечего думать о завтра, коль сегодня в душу стучится!

Сказав, опустил глаза, задумался. Несколько раз тяжело вздыхал, глядя то в одну, то в другую сторону... вставал, снова возвращался на место... Наконец, присел на свою лежанку, прислонился спиной к дереву, застыл и негромким голосом начал:

— Так вот, на чём я там остановился? Знатным и богатым человеком был Василий. Пусть будет князем поместным. Как и положено князю — плодородные земли, крестьяне, дружина, слуги... Хоть и имел большой дом в городе, всё чаще жил в деревянных хоромах у леса с богатым двором. А при дворе много чего имелось: амбары, конюшня, кузня, плотницкая, мастерские всякие...

Большие владения много хлопот приносят, так что хоть и богат был Василий, не сказать, что сполна счастлив в душе.

А тут ещё незадача: не заладилось с соседским землевладельцем. Тяжба у них застарелая имелась из-за реки, что по границе земель текла. Каждый частью своих владений видел её. А река немалая, — рыбная, глубокая, — для лодок и мелких судов — самое то; к тому ж лес

по берегам строевой, да сплав — прямо к торговым городам. То и дело меж левым и правым берегом распри случались — надобно было спор тот разрешать, покуда дюже далеко не зашёл.

Василий же — человек широкой души: охоту любил с собаками, часто богатые трапезы устраивал, — с заморскими винами, диковинными яствами да лакомствами. Хорошо выпить да погулять от души — с сей слабостью совладать он не мог.

Казалось бы, живи да радуйся — ешь, пей, гуляй... — но тело его так и угасало на глазах из-за редкой хвори, о коей никому ведомо не было. Причиняла она хозяину своему превеликие страдания: невыносимые боли в правом боку, — точно нож в тело.

Одна отрада в жизни Василия — жена любимая. Прасковьей звали супругу княжескую. Ещё в юности меж ними любовь огнём вспыхнула и, спустя уж десять годков, огонь тот всё так и пылал ярким пламенем. Только вот детей не имели... и бог знает, отчего так.

Не было ничего более худого для Василия, чем смириться с тем, что мечте его наследника воспитать сбыться не суждено. Прасковья, видя страдания мужа, согласна была на то даже, чтобы наследника ему другая женщина родила. Но — нет! Через черту сию князь не мог переступить: уж так любил её, так любил... и так верность чувствам хранил, что и помышлять о том не мог.

Покуда Василий бедами своими озабочен был, сосед первым встречу ему назначил, да в гости к себе позвал: самое время судьбу спорной реки обсудить да по мирному договориться. Василию так занездоровилось тогда, что вынужден был послать на встречу людей, к себе приближённых да суть дела знающих. А тот и не подумал их принять, рассерчал не на шутку — отправил обратно. «Разговор вести буду только с хозяином вашим!» — сказал им вслед и новый срок для встречи назначил.

«Хошь не хошь, а ехать надо. И так давно никуда не выезжал, — решил он, — надо и честь знать, да с соседями ладить». Собрался Василий с силами, испил снадобья от лекарей да распорядился упряжь снаряжать # в дорогу дальнюю.

И вот, всё готово: лошади копытами бьют, возбуждённо головами вертят, фыркают — рвутся вскачь... возница, грозно ругаясь, то и дело за поводья дёргает, чтоб стояли окаянные.

А вот и хозяин вышел из своих палат и не спеша, словно собираясь с мыслями перед встречей важной, направился к повозке. В тот вечер ему особенно не здоровилось, оттого и настроения уезжать надолго не было вовсе. Но деваться некуда — надо.

Оттого и был он весьма недоволен, даже раздражён. И вот, собрался было забраться в повозку, как видит, мужик поднял лошади ногу и подкову подбивает. Да ещё спиной к хозяину повернулся, словно его и нету вовсе! Неужто глупец какой из слуг нашёлся, что князю поперёк пути стал, — будто так и надо?!

Разозлился Василий, не выдержал дерзости такой да как пнёт мужичка сапогом прямо в мягкое место, — как в мишень, что сама стрелы просит. Откуда и силы взялись вдруг, да азарт?! Только что на ногах едва стоял!

Мужик тот молоток свой выронил и прямо под ноги лошади кубарем да и полетел. Перепугалась бедная кляча, дёрнулась, на месте засемила — чудом беднягу не затоптала. Сапоги-то у князя справные: из кожи, каблук высокий, да на подкове... как ступит на камень — за полверсты слышно. Не иначе удар сильный кузнецу пришёлся.

«Нашёл время, когда лошадь ковать, дурень! — закричал Василий мужику, пока тот под лошадью пыхтел, — у меня дела важные, княжьи, а я должен ждать! Неужто раньше нельзя было похлопотать, да лошадь ко времени подковать?! Где управляющий?!»

Наконец, мужик выкарабкался из-под лошади, держась за бок. Князь окинул взглядом горе-кузнеца и только теперь заметил: перед ним пожилой человек, почитай дедушка. Да он в отцы князю годится! Василий и не видал его прежде. Высокий, седой весь, — и голова и острая бородка. Небогато, но опрятно одетый: светлая рубаха, подпоясанная кожаной бичевой, меховая безрукавка, чистые штаны да лапти.

«Уж не новый ли помощник у кузнеца? — мелькнула догадка, — да кто ж его знает?! Народу при дворе столько, что уже всех и не упомнишь».

Виновато согнув плечи и покорно склонив голову, тот без всякого осуждения смотрел на разгневанного князя. Так смотрит на своего хозяина собака, которую тот только что наказал.

Вспомнился вдруг его знатный отец — земля ему пухом. Тот сызмальства наставлял к подчинённым да слугам с добром обращаться. «Попусту не серчай, говорил: они твои руки и ноги — побережешь — далеко уйдёшь и много сделаешь». Помнится, в последние дни он ко всем вокруг особенно добр был, а на одре смертном прошептал мальцу на ушко: «Каким уйдёшь, сынок, из жизни, таким и с богом встретишься».

Как-то неловко вдруг стало Василию # смутился, заколебался... стоя перед незнакомцем. А как взгляды их встретились да на мгновенье задержались, его самого вдруг с такой силой укололо в правом боку, что от боли громко вскрикнул, согнулся и присел. Держась за больное место, он тихо застонал и медленно опустился на правое колено.

Тут же подбежали люди из прислуги, подхватили его под руки и потащили обратно в дом. По пути к хоромам выгнулся князь на руках, обернулся, чтобы взглянуть на старика. Тот всё ещё стоял и продолжал смотреть на Василия, # задумчиво, с глубоким сожалением и грустью, — без малейшего намёка на злость или радость от ощущения отмщения: мол, «так тебе и надо за грубость твою и высокомерие!»

От взгляда сего князю вовсе не по себе стало. Всё произошло неожиданно, но Василий вдруг ясно увидел себя... глазами этого человека! Теперь смятение его переросло в сжимающее душу чувство вины: ни за что человека ударил... поди, умелого и усердного, желающего путь хозяина от опасностей избавить, да лошадь подковать перед дальней дорогой! Всякое ведь случиться может с хромою кобылой.

Он же... в борьбе с болезнью сначала в уныние впал, а потом # в ярость... да себя на миг потерял, — лицо своё. Будто само провидение не осталось в стороне и остановило всё это! «Быть может я умираю? — пронеслось в голове Василия сквозь туман, накрывающий разум, — и что же... для меня всё вот так вот закончится?! И деяние сие бездумное — моё последнее послание? Как на то Небеса посмотрят, как примут меня грешного в объятия свои?»

С трудом поворачиваясь назад, чтобы видеть незнакомца, преодолевая боль, от которой темнело в глазах, он выражением лица и взглядом, уже ничего не различающим вокруг, говорил куда-то назад: «Прости, старче, я тоже сожалею...»

Внесли его в дом, уложили на кровать и первым делом послали за лекарями. Слава богу, таковые под боком имелись: приступы, менее суровые, случались и прежде, потому предусмотрительно окружил себя князь лекарями, среди которых и иноземные имелись.

Осмотрели те хворого, едва Василий в себя пришёл, и давай шушукаться, да спорить о чём-то своём.

— Эй, чего зашептались промеж собой, будто девицы?! — Голос князя звучал угрожающе. — Давайте мне сказывайте! Всё как есть выкладывайте да ответ держите! Неча правду скрывать!

Те ещё пошептались малость, да самый старший из них вышел вперёд и молвит князю:

— Знаешь ли, батюшка... хворь сия неизлечима... Пожалуй, ничего тут сделать мы не в силах...

— А может... всё же можно что-то сделать? — огорчился князь, но надежду не терял.

— Разве что чудо... — с грустью в голосе промолвил лекарь.

— Вот значит как... # тихо протянул Василий вместе с тяжёлым вздохом, # и сколь долго мне ещё жить осталось? # Его выжидающий взгляд устремился на умудрённого большими познаниями и опытом целителя.

Тот замялся.

— Да говори уж, бестия, как есть! Чо тянешь?! — смиренный настрой Василия сменился на сердитость.

— Немного... — может быть, одну полную луну, может — две... — таков был ответ.

Тогда и поник Василий да замолк вдруг, будто дыхание смерти уловил незримое: слова ни проронит, а всё в потолок глядит безмолвно, будто и нет никого вокруг, акромья неё.

А как лекари откланялись и ушли, Прасковья давай мужа успокаивать: «Всё наладится, милый, только духом не падай...» А на самой лица нет.

Не мог Василий поверить, что жизнь его окончена, — вот так: раз и всё! Смотрит вокруг — богатые покои, прислуга, любимая рядом... — а ведь скоро всего этого не станет. Как же всё в этой жизни устроено-то...

Более всего не хотелось ему расставаться со своей любимой. «Мне в жизни сей ничего не важно, — обратился к ней, когда наедине остались, — я так сильно люблю тебя... Не хочу оставлять здесь одну... и даже представить невмочь мне, что впредь не быть нам вместе...»

Яков

А как Прасковья ушла по делам хлопотать, вызвал он к себе помощника Якова. Друг его отца совсем уж постарел и в последнее время тоже частенько хворал. Кажется, он всегда управляющим при дворе был: ещё прежнему князю — отцу Василия — Яков помогал за хозяйством приглядывать, когда Васька ещё мальцом под ногами путался да с пацанами бегал. Яков справно следил за порядком в их владениях, потому поныне оставался молодому князю главной опорой и другом семьи знатной. Не было рядом более опытного и преданного человека, оттого Василий всецело доверял ему.

— А что то за старик мне вчера лошадь подковывал? — спросил он Якова, едва тот вошёл, — ну, которого я... — Василий замялся, — пнул сгоряча.

— Да пришлый он, — ответил Яков почти равнодушно, но в голосе его прозвучали нотки уважения, — из вольных. Напросился... Нынче в кузне работает, кузнецу помогает. Мастеровитый мужик, дельный.

А отчего не видел его прежде?

Да скромный шибко, # на этот раз Яков ответил с доброй улыбкой, ещё более распаляя любопытство хозяина, # работает себе в кузне припеваючи # куда не надобно, не суётся. Всё больше помалкивает, но умён, скажу тебе, # коли заговорить по душам. В последнее время народ вокруг него так и вьётся. А ещё он всех нас тут лечит.

— Вот как! Хм... — удивился Василий, — и как кличут лекаря твоего?

— Осипом, — лицо Якова озарилось такой благодатью, будто о ком родном говорит.

— И что, знатный лекарь? — в голосе удивлённого хозяина зазвучала лёгкая надежда.

— Ещё какой! — гордо заявил управляющий, — только вот не всем помогать берётся: кого примет, а кому откажет — дюже приглядывается к каждому.

— Вот как? И кому он помог здесь?

— Да вон, взять Трофима: у него спина так болела, что ходить не мог, а нынче — здоровый, бегают, аки лось. Сыну моему Федьке жена бесплодная досталась, так он и ей помог.

— Да ну! — воскликнул Василий, глаза его раскрылись в удивлении, он даже привстал со своего ложа, — это кузнец-то?.. И как лечил? Травник что ль какой?

Яков замялся:

— Ну-у-у, по правде говоря, сам не уразумею.

— Давай-давай, сказывай! — подбодрил Якова князь.

— Дак... на реку ходили да разговоры вели... Я одно выходил, поглядывал # сидят, толкуют о чём-то... Самому любопытственно стало. Потом всё спрашивали её: «Чего тебе Осип сказал такого эдакого?», — не говорит, смущается. Но через полгода понесла она, и вот наемни ребёнок родился... Осипом нарекли. Вот так вот!

— Как так?! А почему мне ничего не сказали! — рассердился Василий на своего помощника, — эдакое деется во владениях моих, а я и знать не знаю! А вы-то чего всё молчите?! Я тут иноземных лекарей привожу, жалованье плачу им, а мои же люди слова не замолвят, что у нас свой под боком имеется!

— Да он лекарь-то чудной, — пробубнил и вновь замялся Яков, — не снадобьями да травами, а словом помогает. Даст совет человеку — хочешь — делай, не хочешь — не делай. «Я, — говорит, — не лекарь. Так, просто... — помочь хочу».

Из монахов что ль... али батюшка какой в прошлом?

Да нет вроде, # пожал плечами Яков, # правда, говорит мудрёно... но кто следовал советам его, всем полегчало. Ей богу, батюшка. А кому отказал, так... — старик лишь развёл руками. — Спрашивал его, отчего иным отказываешь, он и ответил, что не в силах помочь тому, кто сам себе помогать не готов. А кому помог, так непременно просит: «Никому не скажите о том». Вот и молчат все, стало быть. Но народ-то... язык не удержит всякий раз — люди всё одно друг другу по секрету делятся.

— Послушай, а может быть, это и не он вовсе помог... ну, Анюте твоей? — князь засомневался. — Как можно просто так поговорить с человеком и... бесплодная девица дитя народит?!

— Да нет же! — замотал головой Яков, — я и сам удивился, но потом уразумел отчего так получилось. Да, и история та долгая... Да бог с ним! — махнул он рукой, словно не желая продолжать, да тотчас перевёл разговор на землевладельца соседнего.

— Нет-нет-нет!!! Погодь-погодь! — в голосе Василия почувствовалась строгость, — Ты, давай, не хитри, друг! Али не знаешь, что после смерти отца ты мне за него нынче?! Ну-ка, выкладывай!

— Ну-у-у... — замялся Яков, — мне самому в охотку стало разобраться, как увидел, что невестка на сносях. Мужу она так и не сказала ничего, не открылась, а мне потом призналась всё ж.

— Хм... — тихо буркнул князь, громко вздохнул, задумался. — Надо бы с ним потолковать — глядишь, и правда, лекарь хороший.

Тут и прихватило его снова в боку.

Ладно, Яков... # Василий застонал, возвращаясь на мягкую лежанку, # слаб я шибко нынче — отдохнуть бы мне маленько. Приходи-ка ты вечерком. К вечеру обычно отпускает — поговорим ещё у огня, как прежде бывало, да поведаешь мне историю свою. И это... ну... скляночку прихвати... с питием целебным, # добавил с улыбкой.

Откланялся Яков и оставил хозяина.

К вечеру Василию и правда полегчало # он даже встал, прошёлся чуток по горнице. Назойливая боль в боку не отпускала, но ходить и даже нехитрые дела делать всё же позволяла.

Князь с грустью осматривал свои покои. Горница немалая — шагов десять каждая стена — здесь он вырос, потому любил уединяться в ней от мирских забот. Бывало, проводил тут вечера с супругой своей, либо с Яковым вёл дружеские беседы, но завсегда беседы в месте этом для души его особенно дороги были. И нынче меньше всего хотелось ему покидать его.

Подошёл к окну, искусно сложенному из кусочков полупрозрачной слюды. Та играла разными оттенками в проходящих сквозь него лучах солнца. Василий оперся спиной на резной наличник и всматриваться стал в то, что прежде в суе мимо глаз проходило, словно душа соскучилась по утвари родной.

Прямо перед ним — массивный и основательный стол, — не на ножках, а на большом круглом постаменте посередине. Ноги до него не доставали, но прочно держали толстую и тяжёлую столешницу из старого дуба. Далее — широкая дверь из дуба морёного, закруглённая сверху, вся в заклёпках, металлом стянутая, с большими металлическими петлями на всю ширину и ручкой-кольцом. За ней # тронный зал. Перед дверью # большая медвежья шкура,

— толстая, ухоженная. Князь любил полежать на мягкой подстилке во весь рост, потому старательно следил за её чистотой.

Над столом три толстые цепи держали большую светильню, умело сотворённую из колеса от телеги. Теперь изысканная резьба и кованые украшения делали её необыкновенно искусной. Широкая плоскость обода под подсвечники, со всех сторон закрытого медью, до блеска начищенного, говорила, что это — светильня. Встав на ноги во весь рост, можно без труда дотянуться до неё, ежели надобно зажечь или поменять свечи. Закопчённое пятно на потолке прямо над светильней не портило вид, но говорило о том, что свечи в комнате горели довольно часто. Толстые, наполовину сгоревшие, нынче они одиноко стояли по кругу в широких медных подсвечниках с ручками, тоже ярко начищенных. Иные из свечей будто понурили голову и, утонув в застывших слезах воска, грустили вместе с Василием.

С двух сторон стола — могучие лавки, украшенные, как и вся деревянная утварь, резными узорами. Поверх лавок — мягкие шкуры.

По правую руку — каменная стена с печью. Камень # дикий, не белёный. Несколько масляных горелок, кованых из металла, висели здесь же на цепях, а лавки у стола поставлены так, чтобы всем был виден огонь очага. Теперь он закрыт широкой медной крышкой, но за ней уж слышна возня и треск огня: истопник Герасим бдит на своём посту, подбрасывая дров.

Печь прилегала к комнате князя своей тыльной стороной, а передом — к помещению истопника. Очаг же имелся с обеих сторон. Правда, для лучшей тяги по обыкновению он оставался открытым лишь с одной. Когда Василий хотел наполнить горницу уютом и открывал очаг, Герасим со своей стороны закрывал — открывал лишь, чтобы дров подбросить.

Слева покоилось большое ложе — князь уже успел накрыть его атласной тканью, вышитой зелёными узорами. Это не была их общей с супругой горницей, однако, иногда, засидевшись допоздна, он укладывался спать здесь.

Над ложем — небольшой самотканый ковёр, настоящая картина на холсте, вышитая разноцветными нитями. В который раз уже Василий смотрел на творение своей Прасковьи; в этот раз — с великой грустью в душе. Раскидистая ивушка на ней сбрасывает листву, склоняясь над рекой. Кажется, теперь образ сей всецело отражал чувства самого князя.

Сбоку в углу — большой сундук, стянутый медью и столь же тщательно начищенный, рядом — небольшой переносной столик, а над ними — полки со столовой утварью, среди которой заметно выделялось серебро.

Справа в углу, у очага — небольшое кресло-трон, укрытое шкурами — в нём удобно расположиться полулёжа. Здесь князь часто пребывал в раздумьях, глядя на огонь.

Все деревянные вещи — добротные, дорогие, всюду искусной резьбой украшенные... — были к тому же пропитаны особым маслом. Это притемняло их естество, но сохраняло самородный рисунок дерева и придавало ещё более богатый вид. Всяк, кому повезло войти в эту тайную комнату, восхищался её уютом, добротностью и красотой.

А потом Василий разместился у очага и погрузился в раздумья, ожидая Якова.

Анюта

Яков заглянул, когда на дворе уже стемнело.

— Давай, дорогой, заходи — посидим у огонька, — всполошился Василий, оставив раздумья; подошёл к печи, открыл очаг.

— У огня, стало быть? — управляющий вошёл в комнату, по-хозяйски осмотрелся.

Князь уже придвинул поближе к очагу своё кресло, поднёс столик и зажёл масляные горелки на стене. Яков быстро смекнул, чего не хватает для подобного случая: частенько сидели они вдвоём у очага, ведя задушевные беседы.

— Ага, стало быть, тоды закусочку принесу? — сказал, внимательно глядя на хозяина.

— Да, принеси. — Василий с улыбкой кивнул.

Увидев одобрение, Яков кивнул в ответ и быстро скрылся за дверью.

— Да реши, на чём сидеть будешь! — крикнул вслед Василий.

Вскоре истопник Герасим принёс стульце с мягким верхом: на нём любил сживать Яков. Агафья — пожилая женщина из прислуги — суетливо забегала, одаряя столик закуской: парой ароматных карпов, только что запечённых на углях, свежим ржаным хлебом, солёными огурчиками из бочки, луком и репой, порезанными тонкими ломтиками да льняным маслом политые.

Не успел Василий удобно устроиться на своём месте, как появился и Яков: он осторожно нёс медный поднос, украшенный скромных размеров кувшином лечебной настойки на травах.

— Лечение несусь, — сообщил он, закрывая за собой дверь, # как велел, батюшка.

Впервые за вечер князь радостно улыбнулся, ибо хороша была та настоечка. Делал её один местный лекарь-травник, и чудо сие ценилось во всей округе.

— Уххх, Яков... как ты вовремя со своим подносом! — Князь с довольным видом потёр ладошками, взял с полки две серебряные чарки и принялся освобождать место на столике у очага.

Первая чарка # за здравие # в скорости согрела плоть.

Поначалу, как полагалось, разговор зашёл о всяких хозяйственных делах, но довольно быстро сменился воспоминаниями о былом. Василию захотелось в этот вечер оглянуться назад да окинуть пристальным взором жизнь свою. Вспомнились тут приключения разные да перипетии княжеского правления... и то, как с Яковым ходили на охоту, да земли осваивали... Много чего ещё вдруг припомнили.

Треск горящих поленьев, светильники на каменной стене, мягкие шкуры, красивая утварь, вкусная еда, душевный разговор... — всё это создавало уют и тёплую обстановку, благоприятствуя душевному уклону беседы.

— Так, как же этот Осип помог-таки невестке твоей? — перевёл разговор князь, уже немного захмелев, — ты что-то там начал было сказывать.

— Да по принуждению поженили их! — сразу ответил Яков, уже не стесняясь # лишь опустил глаза, громко вздохнул с сожалением. — Знаешь ведь, как оно бывает... Все при выгоде, — решили мы со сватами... и давай скорее к свадьбе готовиться.

Дети не хотели, но мы решили — будет по-нашему. Стерпится — слюбится. Словом, не успели те опомниться, как и свадебку сыграли, — всё, как положено... Так и зажили дети наши в своём новом доме, что мы со сватами им поставили. Всё для них сделали # живи не хочи!

Со временем Анята чувствами к сыну моему воспылала — мы сразу то заприметили, да обрадовались... Сын у меня хорош с виду — сам знаешь, — да и умом ничуть не обделён...

Но радость наша вскорости омрачилась: Анята — к нему, а тот на неё внимания не кажет вовсе, будто и нет её! Она, аки птаха, одно вокруг него воркует, да суетится с заботами разными, а тому — хоть бы что. А там смотрю — уж на других девок поглядывает.

Э-э-э, думаю, — так не пойдёт! Отругал его шибко: «Негоже, — говорю, — однако! Грех делать то. У тебя жена есть! Погляди только, как девка к тебе тянется, — к балбесу!»

Тот: «Да, да...», а сам только замкнулся. Не шибко-то он делился со мной, как да чего у них там. Как не пытался разговорить — пустое. Я уж и сам пожалел потом, что насильно женил его, да чего теперь... задним умом-то... Оно-то верно # не следовало мне за него решать — пусть бы сам выбирал, а уж потом мы... Думал, слюбится, ан нет...

А потом... вижу, сын мой голову совсем уж понурил, будто счастье забыло про него вовсе... Тяжко было на то глядеть. И детей у них всё не получалось родить. Сын уж и сам захотел... Годы-то идут, ан — никак. А ведь он один у меня, да поздний к тому ж... — мать-то давненько покинула нас, в мир иной ушла безвременно... Да и мне уж, чего душой кривить, на тот свет пора. Вот такое горюшко на старости лет.

Яков с наслаждением и звонким хрустом отведал капусты. Василий молча слушал, не прерывая. Ничего этого он не знал, потому всей душой погрузился в рассказ Якова.

Да неужто, думаю, я внуков так и не увижу, # вскоре продолжил тот. # Что ж это выходит — род мой на мне и остановится?! Дети и сами уж забеспокоились. Лекарей да знахарей разных к себе приглашали, благо # здесь, под рукой. Без толку! Позже всю округу объездили, всех старух-знахарок обошли — не выходит и всё тебе! Сын уж намекать стал: может, жену поменять, или от другой родить. «Да типун тебе на язык! — говорю, — не по-людски то!»

Такая вот у меня беда случилась. Тут и подсказали мне, что, мол, Осип — помощник кузнеца — помогает лечить хвори разные. Правда, никто не сказывал, чтоб в такой же беде, как у меня, он помощь кому оказал, но кто знает — а вдруг одолеет горе сие. Попытаться-то # не грех.

— Ну, давай, за детей твоих, — Василий поднял чарку и быстро выпил.

Яков последовал за ним, закусил солёным огурчиком, пригубил рыбу.

— Поговорил с Осипом, — тотчас продолжил, вытирая полотенцем губы, — поведал о беде своей. Тот выслушал со вниманием, головой покивал: «Ладно, попробую, — говорит, — давай, показывай своих голубков — потолкуй с ними... но обещать ничего не стану».

Да уж какие тут обещания?! — думаю, — и на том поклон: понимаю ведь — все под Богом ходим.

С сыном он совсем недолго беседу вёл. Вот ведь странно, думаю, — что-то быстро закончился их разговор. «Нет, — говорит, будто всё ясно ему, — давай, невестку показывай». — «Неужто с сыном моим что не так?» — уж было забеспокоился. — «Да погодь ты, — отвечает, — не тревожься почём зря».

Так вот с Анютой Осип о-о-чень долго беседы разводил. Очень долго... К реке ходили пару раз и сидели там, на берегу. А мне-то любопытно — пойду, гляну — всё сидят, толкуют о чём-то. Вижу по ним — разговор-то непростой. Ну, ладно, думаю... пусть... кто знает...

Так вот, в последний раз аж вечером Анята возвернулась! — Яков посмотрел на князя, ожидая удивления, но тот лишь задумчиво кивнул головой.

«Ну что? — спрашиваю, — поговорили?» А та: «Да-да, поговорили...» И всё, ни слова более! Скоренько-скоренько так мимо поспешает... Я и так, и эдак к ней — молчит.

Потом у Осипа спрашиваю: — Ну что, — будут дети?

А тот улыбается: — Время пройдёт — станет ясно.

Словом, тоже ничего внятного не сказал. «Да ну его! — думаю, — видать, и на сей раз ничего не выйдет. Да разве ж разговорами кто исцеляет?! — махнул рукой. # Ладно, # себя успокоил, # человек старание приложил — и на том благодарствую».

И вот, времечко идёт и идёт... гляжу # сын мой как-то меняться стал. Невестку я реже видел, потому ничего сказать не могу. А сын-то частенько захаживал, — повидаться, да подсобить по хозяйству: стар уж я # не под силу одному управляться.

Так вот, обычно он подолгу сидел у меня, задерживался, бывало, и на ночь оставался: разговаривали о том о сём, да во дворе возились. А тут — всё домой поспешает! Я ему: «Да побудь ещё, оставайся уже — поужинаем вместе, да уважишь старика беседами», а он: «Нет, батя, домой пойду: Анята, поди-ка, ужин сготовила да меня ждёт». А как-то и вовсе заявил: «Давеча обещал, что к реке сходим # закатом полюбоваться».

Чудно... — Яков развёл руками, раскрыл глаза, всем видом своим выражая недоумение. # Показалось мне, али нет? Но вижу, всё домой спешит, всё домой... Раз, другой раз... Никогда прежде такого не бывало, а тут — на тебе, # зачастил. И всё про Анюту свою вспоминает! То, бывало, и словом не упомянет, будто и нету её вовсе, а тут одно про неё толкует! А у самого глаза горят!

«Сынок, — как-то сказал ему в шутку, — что-то я не уразумею, что дееся, да никак не разгадаю тебя, сына моего. Раньше ты всё убежал от жены, а теперича только и норовишь побыстрее к ней возвернуться. Что за диво с тобой сотворилось? Чем угодила вдруг тебе

Анюта, от коей прежде прочь бежал? Нет, я, конечно, рад всей душой... Ты просто разъясни мне, старику».

Тот на меня так зыркнул с улыбкой да рукой махнул: «Да всё хорошо, батя, — говорит, — просто мне пора...»

Нет, ну ты погляди на него! — Яков развернулся к князю, с недоумением раскрыв глаза, словно всё это с ним только что случилось. # Вот те раз!

— Хм... И правда чудно... — с улыбкой поддержал его Василий, наливая каждому по чарочке, чтобы не отвлекать рассказчика.

— Словом, засмушался мой сынок, засмушался, да и ушёл... Тогда я сам к ним в гости наведалься. Смотрю и глазам своим не верю: аки голубки, дети мои! Ну, думаю, дела-а-а! А у самого душа поёт! Ну, Осип! Ну, кузнец, ёшь твою!

А через время узнаю # Анюта наша на сносях! Вот радости-то у меня было! Ну, уж это ты сам помнишь.

— О, да-а-а! — засмеялся князь, протягивая Якову настоечку вместе с вопросом: — И что, неужто не в диковинку тебе, как это он её вот так да излечил? Словом одним...

— Да в том-то и дело, от любопытства сгорал, аки головешка # места себе не находил, — согласился Яков и опрокинул чарку. — Как это он смог? Ай, да лекарь! Это же что за диво? Вот так поговорил и — на те, чудо да и сотворилось!

Яков замолчал, дабы прикончить бок поджаристого карпа, следом послал в рот хрустящую репку. С наслаждением всё это прожевав, продолжил:

— Стал искать подход, — как бы так выведать мне тайну ихнюю. Любопытство так и терзало душу. Сын-то родной мне, а Анюта всё стеснялась меня, даже побаивалась; по душам поговорить не получалось никак. «Ну уж нет, так не пойдёт! — думаю. — Чего мне, старому, дома сидеть, коли семья у меня такая? Сам виноват, что робеют предо мной».

Вот и стал чаще хаживать к ним. Бывало, приду, помогу Анюте чем, да и поговорю с ней о том о сём. Раз пришёл, другой... Гляжу — уж и не боится меня Анюта моя.

А как-то раз, ты, батюшка, сына моего в город с поручением отправил, я и пришёл проведать её. Приобнял эдак, аки дочку родную, да и заговорил по-доброму. А как разговорились, про Осипа и спрашиваю. И опять дочка моя застеснялась, замылась, зарделась вся... Да что ж это такое?! — думаю. # Уж и не боится меня, вроде как, а всё молчит и молчит!

Не стал я допросы чинить, а сказал, как есть: сына своего единственного шибко люблю... а, стало быть, и её тож. «Старый уж, — говорю, — мне, видать, совсем немного жить-то осталось... Знала бы, как благодарен я тебе, что сына счастливым сделала да дитятку скоро родишь. Жду не дождусь. Потому не праздный интерес у меня... Я же вижу, как сын изменился к тебе... # задолго до сей радости. Уж год как тобою грезит. Мне-то оно не всё равно, — кого мой сын любит. А невестка моя, — можно сказать, дочка — меня стесняется, точно я чужой ей!»

Разговора у нас тогда не получилось, но слова мои, видать, в душу ей запали, и уже через время она сама об этом возьми да и заговори. Я тогда совсем часто к ним в гости хаживал # на детей своих полюбоваться. Гляжу, а она другая уже, — посмелее, что ли: не робеет предо мной уж и глаза не прячет, как прежде.

Пришёл как-то с гостинцами, сын ещё не вернулся. Тогда она и поведала мне, о чём с Осипом говорили. Уж как растрогался тогда, что дочка поделилась со мной, что душу свою мне, старику, нараспашку раскрыла! А что мне ещё надо-то?

Василий притих — лишь молча слушал Якова, да всё на огонь поглядывал, изредка поднимая со столика что-нибудь из яств.

— Так вот, и говорит мне Анюта, дедушка тот помог ей больше, чем отец родной. Отца-то её знаешь, — купца знатного.

— А то! — бросил в ответ Василий, не сказав более ни слова.

— Так вот, призналась Анюта: «У меня, всегда с отцом не ладилось в детстве. Не то, чтобы по душам — по-простому-то редко когда разговаривал со мной. Да и замуж силой отдал. Другого я любила, — говорит, — но ему не было дела до меня. Семья мужа # знатная — всё тут ясно...

Но всё же пригляделась я к сыну твоему, батюшка. Вижу ведь # во всём этом нет его вины: сам мается, бедняга. По душе пришёлся он мне, а потом и полюбила его. А вот он меня не любил, оттого и тяжесть на душе непомерная сотворилась. Я же видела: он просто терпит меня, да избегает. Не знавала ни любви, ни ласки его».

— И что же тебе дедушка-то сказал? — я всё о своём. — Как смог он через тебя на сына моего повлиять? Разве такое возможно?

Тут и рассказала она мне всё как есть. Вот наш разговор тебе весь на духу и выложу: слово в слово.

Дед Осип оказался таким тёплым, понимающим, — говорит Анюта, — сразу к себе расположил. После долгого разговора о том о сём и спрашивает её:

— Ты ведь любишь мужа своего?

— Люблю, — отвечает, — только вот я не по сердцу ему, видать.

— А почему ребёночка хочешь?

— Ну, а как без того в семье? Да и все ждут его от меня, говорит: муж ждёт, свёкор ждёт... # наследника, стало быть. Да и я хочу, но не получается никак... Я уж боюсь, что не будет ребёночка... И что тогда? Прогонят или ещё как избавятся от меня? Я и Господа нашего просила — всё молилась, любви мужней, да ребёнка вымаливала, но ничего не вышло.

Выслушал он меня внимательно, да говорит:

— Не у Бога просить надобно.

Я так тогда на него взглянула с удивлением, аж глаза раскрыла!

— А у кого же, коли не у него? — руками развела. — Али не от Него всё приходит? Али не Он даёт и отымает у нас всё?

— Ну-у-у, чего Боженьку-то по мелочам беспокоить? — Улыбнулся Осип, будто ведаёт, каково тому. — Он уж всё тебе дал, что надобно # теперь ты и сама многое могёшь, потому и проси у себя.

— Как так у себя?! Как?.. Как же... — я аж заикаться стала от слов его, — как у себя?! Я же и так хочу этого! На кой мне ещё и просить?!

— Да-да, — подтвердил Осип, — у себя проси. То не боженька, милая, помехой на пути твоём стоит. Сама ты и стоишь.

— Но как?.. Я ж не могу...

— Верно, — говорит, — та, что нынче страшиться всего — мужа, свёкра... и бог знает чего ещё... # она — не может. Вспомни, — говорит, — детство своё — какая ты была... Вспомни себя: ту Анюту...

И вдруг заговорил обо мне. Я не ожидала, потому как все говорят о чём угодно, только не о душе твоей. А Осип заговорил о жизни моей и чувствах, никому не ведомых, — о том, чего знать не ведомо никому. Да не просто говорил, а тихо шептал на ухо, словно никто, кроме нас, не должен того услышать.

Я вмиг перенеслась в былое, о коем давно запаматовала и уж не вспоминала. А как вспомнила, уж так расплакалась, так расплакалась... Дедушка обнял меня, будто дочку родную только что ото сна разбудил и теплом своим душевным согревает.

— А ведь и правда, — говорю, а сама удивляюсь — как так? — В детстве я была очень смелой: ничего не боялась! Все боялись за меня, кроме меня самой. Я забиралась туда, куда никто не решался. Однажды залезла на самое высокое дерево в округе, — на самую верхушку. Мне и было-то всего годков девять.

А ещё я переплыла речку! Все страшились, хоть и плавать умели. Опасались, потому как течение сильное и река широкая. А я поплыла, поплыла... и переплыла на другую сторону! Всем боязно — только не мне! И теперь вспоминаю — кровь в жилах стынет, — вот ведь бестия-то малая! А могло ведь силушек и не хватить, али ещё чего... А как в лес ходила ночью одна... Никого силой не затащишь туда, куда я забиралась, страха не зная! Видит Бог — я была невероятно смелой и способной на то, на что другие не решались.

— Вот видишь, — шептал на ухо Осип, — ты способна на многое, и для той Анюты, о которой рассказываешь, нет никаких преград. Та Анюта всей душой миру доверяла, её окружавшему, — без оглядки, со всей искренностью детской, — аки другу близкому доверяла.

А я тогда давай вспоминать всякое разное из жизни моей, давно забытой. Осип затих весь, будто исчез сам, душу свою мне отдал: то удивлялся да головой мотал, то кивал в согласии, то смеялся со мной вместе, поддерживая всем сердцем... В тишине души его сама себя услышала вдруг. Вот что случилось. Сама не понимаю, как...

Вместе с ним в былое погружившись, диву давалась — как же далеко я ушла от той себя, коей прежде была!

— Вот видишь, — одно вторил Осип, — коли была смелой, стало быть, ты и есть смелая в самом деле... — Потому и говорю: не отвлекай Бога по пустякам. На кой просить у него то, что у тебя и так имеется? ...Разве что очень важное, что и вправду сама не сдюжишь, да коли не для себя... Только тогда беспокоить и можно...

И потом, когда домой вернулась, весь вечер я провела в этих чувствах да в ожидании следующей встречи с дедушкой Осипом.

Но что же, доченька, случилось в жизни твоей эдакое, что всё изменило в тебе? # спросил он в следующий раз, # коли маленькой девочкой была, а такой смелой, что иные парни тебе в подмётки не годились! Отчего же потом такой пугливой стала? Когда это вдруг боязнь душу твою одолела, куда доверие твоё и искренность детская запропали?

И вновь Осип по-отцовски приобнял меня, да затих... Всё перевернулось внутри, затрепетало, словно я отцовства настоящего никогда и не ведала. Потому, видать, доверилась, открылась ему, как открылась бы отцу родному. И вновь рядом с ним всей душой перенеслась в былое.

Всего разговора уж не повторить мне, но вспомнила случай, после коего всё моё доверие детское умерло навсегда. Похитили меня плохие люди: надели на голову мешок и долго везли куда-то на телеге. А ежели звала на помощь да плакала, то били нещадно. Очень сильно я испугалась тогда. И хотя нашла в себе смелость да сбежала от них, с тех пор будто надломилось во мне что-то.

Долго искала дорогу домой, а как вернулась, чувствую # что-то изменилось во мне... # другая я уже малость: страх и недоверие поселились в сердце моём. И не сразу закрылась в себе # помаленьку... и больше не хотела ничего: вдруг беда где поджидает — не буду судьбу испытывать. С тех пор притихла и никогда отцу своему не перечила. Да и не был он жёстким; будь я сама посмелее, могла бы сказать «нет», но не говорила # всё боялась чего-то. А не боялась бы, глядишь, и замуж силою не отдал бы.

— Вот видишь... — шептал на ухо дедушка, — одна ты так и осталась смелой и полной доверия, другая же — слабая, трусливая, никому не доверяющая... — взяла верх и теперь живёшь ты в страхе — всё слушаешь, что та прикажет тебе.

Эта, нынешняя ты и не может понести дитя... И не родит... А та — смелая и уверовавшая в силу свою... — та — всё сдюжит. Только вот спряталась она от мира в своём маленьком домике. Вот и забыла ты, что твой настоящий дом — большой, что он — везде... — Осип обвёл вокруг руками.

Неужто думаешь, твой дом — та тесная избёнка с печкой да малюсенькими оконцами, в коей прячешься изо дня в день? Однажды тебе надели мешок на голову, да так напугали, что,

хоть и убежала — забыла снять его с себя. Так и живёшь по сей день с мешком тем да глядишь на всё вокруг сквозь маленькие дырочки. И муж не любит ту, что внутри спряталась. А ведь ты тогда смогла убежать, стало быть, отпустило тебя зло, испугалось былого доверия твоего!

Вспомни, как шла, куда захочешь. И ведь не просто к реке ходила, а переплывала её без страха... Ты любила эту реку, доверяла ей. А в лес... одна ходила! Все боялись, а Аня — нет! Ходила, потому как дружила с ним, доверяла ему! Всё было твоим домом: и широкая, бурная река, и тёмный лес, полный волшебства... И луг... Всюду — дом, и везде — ты... и там, и там, и там... И отовсюду маленькие ручейки невидимые к тебе стекались... жизнью одаряя. Там доверие твоё и искренность начало берут.

А ведь, коли посмотреть, твой дом, он и в самом деле большой. Погляди, сколько в нём комнат: и речка, и лес, и луга... И какой просторный! — до потолка — неба голубого — ни за что не достать. Вспомни, ведь когда-то ты сама всё это знала!

Не то, что твоя избёнка, — Осип махнул рукой. — Оставь ты её, наконец, да выйди на свободу! И подруг, коих совсем позабыла, верни; и искренность свою, кою дарила всем...

Всё, что он говорил мне, казалось таким близким, — сказала Аня, — столько воспоминаний вмиг ожило во мне... Какой я была и куда вдруг всё это ушло?!

— Вот видишь! — одно повторял дедушка Осип, улыбаясь, словно сама я всё это открыла, а он только диву даётся, да поддерживает меня, — вот и проси у той, другой, свободной и жизнерадостной... У той девочки, которой была. Только верни её сначала, а там можешь и любви, и ребёнка просить. Она, — говорит, — может всё... и это — ты, — та, что ближе к Богу, а потому более живая, настоящая, сильная... Поверь, — прошептал мне Осип, — всякий её полюбит, всякий захочет быть рядом. Отыщи её, вернись к ней, — вот, что тебе нужно. И никакие лекари не понадобятся. Да и не помочь им теперь той, что в страхе пребывает.

— Надо же! — говорю, — а я всегда думала — Бога просить нужно обо всём и всегда. Да, искренне, но — только Его!

— Коли не помогает, — пояснял Осип, — стало быть, видит — сама можешь. Ты погляди, как Он в тебя верит и с нетерпением ждёт, когда ты сама справишься, да Отца своего небесного порадуешь. Он видит — позабыла ты, как то делать, вот меня к тебе и прислал — напомнить о той Ане, которую Он знает и о коей мечтает. Вот ты и вспомнила!

— Да, да... — засмеялась я, # и верно, так со мной никто не говорил, будто давно знает меня!

Дак то не я, # улыбнулся Осип в ответ, # то # Он мне и нашептал о тебе. Я и сам диву даюсь откровениям сиим.

Всякие сомнения ушли, и так мне легко стало на душе от слов дедушки Осипа!

— Боженька, он ведь аки матушка любящая, — добавил Осип, — которая не бежит тотчас своего ребёнка на руки брать, когда тот сам с колен встать может. Ей только в радость видеть, как он сам себе опорой становится — только такой человек волю Его исполнить силу имеет.

Вот так чудно Осип со мной поговорил. Столько воспоминаний во мне открыл... будто знал, что говорит. И хотя не все тайны ему открыла, было у меня такое чутьё, будто он и о них ведаёт — видит меня насквозь. И куда сказывала о детстве своём, не покидало меня чувство, будто там, в прошлом он везде был рядом со мной: вместе со мной плавал в реке, вместе ходил ночью в лес и гулял на лугу... и переживал то же самое, что и я...

И почему так тихо говорил со мной — никто нас и не слышал — словно боялся поранить ненароком воспоминания мои, хотел их тайну сберечь. Оттого во мне что-то непостижимое содеялось после беседы той. Проплакала я все чувства сокровенные, что нахлынули на меня. Не выходило всё то из сердца моего — с тех пор только и думала о том.

А позже мне вдруг захотелось снова пойти на речку, пойти на луг — я так давно не общалась с ними... Пошла один раз, другой... И уж никого не спрашивала, идти али нет. По

дому похлопочу, мужа накормлю, провожу и — туда, — в свой забытый дом, — живой и без всяких границ.

Шла с мыслями и чувствами, что дедушка Осип во мне разбудил. Начала в лес хаживать, — когда за грибами, за ягодами, а то и просто так. А потом и ночью пошла, — туда, где когда-то гуляла... Да, страшно было поначалу, но я очень хотела этого и смогла. И с людьми как-то всё наладилось: перестала народ сторониться, да друзей снова обрела.

Вот так я вновь и прикоснулась к самой себе. Чувства, кои испытывала когда-то, со всем миром общаясь, стали возвращаться ко мне, а я вспомнила себя, # ту, которой была!

Вот отчего стало всё меняться во мне. К мужу чувства мои лишь выросли и чище стали. А позже заметила вдруг, как он ко мне поменялся: стал глядеть с интересом, с лаской... То не замечал, а тут — глаз не отводит. Начали мы подолгу разговаривать, что-то делать вместе. Он вдруг потянулся ко мне, стал приходить домой, кушать с удовольствием то, что я готовлю, да нахваливать меня...

А потом уж и гуляли вместе, отдыхали, — на речке, в лесу... И всё наговориться не могли. Народ к нам потянулся, в кой-то век гости появились в доме нашем. Так меж нами и разгорелись чистые чувства, и совместное ложе стало желанным.

Как-то спросила у него: «Что случилось с тобой? Отчего так переменялся ко мне?»

— Разве? — говорит, — ну-у-у, не знаю... Наверное, ты другой стала, — немного подумав, добавил он, — сам не разумею. А может, дурак был — не замечал души твоей, коя открылась мне вдруг. Прежде не боялся потерять тебя, а теперь боюсь. Сего не объяснить мне, милая, сколь любя ты мне.

...А вскоре я тяжёлой стала... — закончила рассказ Анюта. — Выходит, я изменилась — и всё изменилось.

— Такая вот история, — подвёл итог Яков.

Князь долго молчал, глядя на огонь.

— М-м-да, — задумчиво протянул Василий, — занятный человек этот Осип. Надо бы познакомиться да разговор с ним завести. Кто знает... — быть может, у него и для меня нужные слова найдутся. Поговори-ка ты с ним, — попросил Якова.

— Завтра же поговорю, — кивнул Яков, собирая посуду.

Встреча с Осипом

Пока дедушка Мо вёл свой сказ, поднялся лёгкий ветерок — тучи на небе согнал. Луна теперь лишь иногда выглядывала, чтоб одарить округу своим светом. Эрн встал, потянулся.

— Холодом однако веет, к морозу поди, — заключил он, снова уселся на своей лежанке и ожидающе поглядел на умолкшего дедушку.

Тот словно дремал, погрузившись в свои раздумья, лишь время от времени поглаживал бороду.

— Ну как, готов слушать дальше, али ко сну будем отходить? — обратился к Эрну, сладко зевая.

— Да ты ж знаешь, я готов внимать и денно и ночью. К тому же больно любопытно, о чём же поведал дед Осип князю.

— Ну тогда слушай дальше.

*

— На утро следующего дня в доме князя появился Осип, — охранник с мечом за спиной провёл его через сени, тронный зал, # прямо в комнату Василия. В тронном зале Осип немного задержался, снял с головы шапку и принялся с удивлением и восторгом осматривать помещение: кажется, давно не видел он такой красоты. Охранник вежливо остановился, молча ожидая гостя.

Просторный зал, высокий потолок из толстых бревенчатых перекрытий, за которыми видна крыша. Казалось, она касалась неба. Пол и стены из толстых брёвен удивительно глад-

кие: ровно обтёсаны и старательно подогнаны друг к другу. Стены украшали большие окна с резными подоконниками и мощные кованые подсвечники с толстыми свечами. Сверху на цепях спускались тяжёлые кованые обручи с масляными светильниками — по две на каждом из четырёх перекладин. Вдоль стен — массивные лавки, накрытые шкурами: видать, здесь проходят собрания знати да княжьи пиры.

На полу в середине зала — крест-накрест две длинные дорожки с красивым узором, вязаные из толстой нити. Одна вела от входа к большому деревянному трону, величественно возвышающемуся на невысоком пьедестале. На концах подлокотников трона умелые руки мастера сотворили медвежьи головы. Другая дорожка лежала поперёк первой меж двух дверей. Пройдя по ней до середины, охранник свернул направо и пошёл к одной из дверей.

Всё в зале выглядело грандиозным, дорого украшенным и пребывающим в чистоте. Деревянные вещи сплошь резные, а те, что из металла, выкованы с удивительным мастерством. Видать, немало мастеров трудилось здесь, чтобы сотворить эдакое чудо.

Наконец, они дошли до двери, охранник отворил её и завёл Осипа в комнату князя, после чего чеканно откланялся и вышел.

— Доброе утро, княже! — поклонился Осип, — как у тебя тут... прям великокняжеские хоромы!

— Добре, мил человек! — ответил Василий, быстро подошёл к гостю, вежливо предложил раздеться, — ты у великого князя не бывал, коли так говоришь, — он даже сам взял из рук и повесил на крючок меховую безрукавку гостя и войлочную шапку.

Гость остался в длинной серой рубахе почти до колен, подвязанной на поясе толстой бичевой, широких штанах такого же цвета, да в лаптях, которые он тщательно вытер о циновку.

— Располагайся тут, а я отлучусь маленько, — сказал Василий, выходя за дверь.

Осип задержался у медвежьей шкуры, не решаясь ступить на неё. Он внимательно осматривал комнату в ожидании хозяина. В сей горнице всё по-иному, — отметил для себя, — тоже дорогое, основательное, но наполненное особым уютом.

По всему видно — хозяин ждёт гостя: в открытом очаге потрескивает огонь, на столе уже стоят угощения, большой кувшин с вином — высокий, с большой ручкой и изящным горлышком, словно шея лебеда. Не иначе — заморский. На светильне, что над столом, горят свечи.

Обойдя шкуру, Осип прошёлся по комнате, остановился перед вышитой картиной с ивушкой.

Из-за чуть приоткрытой двери доносился голос князя: он давал какие-то распоряжения. Вскоре вернулся. Вслед за ним вошли несколько человек из прислуги: один с подносом — поставил на стол, и без того богатый, ещё несколько блюд, другой занялся печью. Вместе с ними — Агафья, дворовая девка. Когда те вышли, она осталась стоять, ожидая указаний — опрятно одетая, в платке, светлой рубахе до полу, расшитой цветным узором и в тёмной безрукавке поверх.

— Ступай, Агафья! — распорядился Василий. — Дальше я сам.

Та послушно попятилась задом, непрерывно кланяясь; так и вышла спиной вперёд, закрыв перед собой дверь.

— Прасковья — жена моя рукодельница — сотворила! — гордо заявил Василий, видя, как Осип внимательно осматривает ковёр. — Там — ещё одна, — он махнул рукой в другой угол.

Старик, молча кивнув, подошёл оглядеть и её.

— Чудесная работа! У супруги твоей великое дарование! — похвалил гость, после чего вернулся к столу, нежно погладил резьбу на его поверхности, потом на лавке... засмотрелся на светильню... — Что за мастер сотворил всё это?! — Осип с восхищением обвёл вокруг руками.

— Савелий, — тихо ответил князь, вздохнул, опустил глаза, — наш, дворовой, # мастер, каких не сыщешь. Умер уж, но хорошо его помню: как отец он мне был, когда мальчишкой подле него крутился. Всё здесь — его рук дело.

Несмотря на преклонный возраст, Осип оказался довольно живым и подвижным. Стоило ему заговорить или начать двигаться, возраст, только что видимый, будто прятался куда: даже морщины на лице скрывались. Скромность его и добродушие, разлившиеся мягким теплом по горнице, располагали к себе и словно прятали ясный, пронизательный взгляд мудрого человека.

— Кто ты будешь, добрый человек, откуда прибыл к нам? — обратился князь, всё ещё испытывая большое неудобство перед незнакомцем.

— Издалека я, — ответил тот, — хожу по миру: то там задержусь, поживу, то там... Вот попросился к кузнецу дворовому поработать малость — он и взял к себе в помощники. Хоть нынче могу снова в путь отправиться, батюшка, коли чего...

— Да полноте... Я не против... — князю показалось, что Осип оправдывается, — ты прощевай меня, отец, что ударил тебя... Не в духе был... Да... чего тут оправдываться... Вина на мне, чего тут душой кривить.

— Да ладно... — махнул рукой Осип, улыбаясь, — чего там. Я обиду и не держу вовсе. Понимаю — попал под горячую руку... Да и сам хорош, — Осип словно защищал князя, отчего тот ещё больше растерялся. — Ты — хозяин всё-таки, благодетель наш... А я — работник, — пришлый, с порядками здешними не знаком. Позволь тебя ещё и батюшкой называть как кормильца нашего?

Василий кивнул головой в знак одобрения, подошёл к сундуку, открыл и достал две деревянные чарки. — Но тебе благодарствую, что зла не держишь — почитай, камень с плеч.

Поставив чарки на стол, Василий наполнил их доверху из кувшина:

— Это — Антипа нашего, травника знатного дар, — слыхивал? — настоечка-то целебная # её только и позволяю себе.

— А то! Не просто слыхивал, а уже дружен с ним, покуда здесь живу.

— Вона как! А ты присаживайся, да не стесняйся, — Василий показал на скамью, что ближе к окну, сам устроился напротив. — Не откажи разделить со мной трапезу нехитрую во примирение, тогда только сам себя прощу.

— Не откажу, — Осип присел на мягкую шкуру его взгляд устремился на деревянную чарку, стоящую прямо перед ним.

Искусно вырезанная из дерева в очень тонкую стенку, ещё и украшенная медью, начищенной до блеска.

Заметив интерес гостя, Василий аккуратно взял в руки свою чарку.

— Это тоже Савина работа, # в его голосе вновь послышались грустные нотки # плотником при доме был, а над наставлениями его до сих пор размышляю, хоть и князь целый нынче.

Осип с пониманием закивал.

Говорят, и ты — божий человек, мудростью наделён, — Василий незаметно направил беседу в нужное русло. — Что ж, за мудрых людей, коими полна земля наша.

Вмиг опустошённая чарка громко ударила по столу.

Осип опять молча кивнул, последовав почину хозяина.

— Угощайся всем, чего душа пожелает! — князь обвёл руками стол, после чего взялся придвигать поближе к скромному гостю яства: закуски разные да большую миску с запечённой дичью. — Отведай вот свеженького; утречком с охоты принесли, ещё тёплая, из печи только.

Гость вдохнул аромат.

— Хороша-а-а! — протянул с удовольствием, — давненько дичью не баловал себя — всё больше рыбку...

— И рыбка имеется... вот и хлебушек свежий, Агафьин, — подвинул и их ближе к гостю. — А я дюже охоч до дичи, да нынче, отец, не гожа для охоты совсем, — последовал тяжёлый вздох, — хотя завсегда любил занятие сие.

А что так? # Осип с интересом поднял голову, оторвавшись от трапезы.

Да вот, хворь неведомая, будь она неладна! Так подкосила, что жить осталось мне малость совсем. Да-да, — он заметил внимательный взгляд Осипа, — то не я # лекари в один голос вторят.

Наступила тишина...

Лицо «главного»

Пригубили дичь и тут же вернулись к беседе. Осип первым поднял глаза на князя, будто ожидая продолжения. Тот словно ждал того # сходу продолжил:

— Тут народ поговаривает, будто ты людей от всякой хвори избавляешь... Так ли оно?

— Та полноте, батюшка... — ответил тот, накладывая себе разных овощей понемногу, — какое ж то лечение? — так, подсоблю иной раз кому в душе своей разобраться, да и только.

— И как, получается?

— Иногда получается.

— А я вот слыхивал, будто ты, отец, целитель необычный, и ту хворь одолевашь, коя лекарям не по зубам.

Та не, то как повезёт. # Осип махнул рукой. — Народ дюже приукрашивает. — Он вернулся к миске.

— Да ты не сердчай, что болтают разное, — поспешил успокоить его князь, заодно наполняя чарки. — По правде говоря, больше помалкивают все, аки рыбы — клещами из окаянных слова не вытянешь... — Помолчав, добавил с грустью: — Иногда, говоришь, получается. Отчего ж так?

Осип оторвался от еды, поднял глаза, прищурился, пронзив хозяина своим острым взглядом, да так, что тому не по себе стало.

— Так ведь не всяк готов изменить тому, за кого себя принимает, — последовал ответ, — потому и выходит не всегда.

Старик некоторое время пристально смотрел на Василия, словно оценивая, как слова его проникают в хозяина.

— Здесь хворь начало оберёт, # Осип постучал себя по голове, # и чтоб жизнь свою продлить, — продолжил тихим голосом, — надобно кое чему тут, # снова постучал, # при жизни умереть... А я над тем не хозяин # насколько сам сдюжишь, настолько и помощь моя к месту станется.

— Как так умереть? # развёл руками князь.

— А так: для того меня, кем себя возомнил я и кой так шибко завладел сердцем и разумом моим, что камнем тяжёлым на дно тянет. Вот и ты # сумеешь камень свой сбросить, стало быть, помогу.

Князь опешил от слов таких, рука его с чаркой, поднятая над столом, так и застыла вверху; а сам он рот раскрыл, ища, да не находя слов нужных. Видать, никак не ожидал он услышать эдакое, да прямо вот так сходу.

Он вернул чарку на место, нахмурился, опустил глаза.

— А коли не сумею? — наконец, выдал из себя вопрос, # ну... камень сей отпустить...

Старик молча развёл руками.

— Стало быть, жить мне осталось недолго, — ещё больше нахмурился Василий, громко вздохнул.

— Вижу... — коротко бросил Осип, продолжая внимательно смотреть на князя.

— Не ведаю, чем я пред Богом провинился, # в голосе князя чувствовалась досада, # за что он меня так наказывает? — Его пальцы бережно обхватили чарку и крутили её туда сюда.

— Нет надобности на Бога пенять, — в прозвучавшем ответе не было упрёка, — ты сам к тому пришёл.

— Быть может и так, — отвёл глаза Василий. — А может и... подсказешь чего, а то и поможешь?

— Вот уж не скажу сходу, батюшка... — пожал плечами Осип. — Одно вижу как есть — богатому князю, что нынче предо мной, у коего много земель и слуг, да себе цену знающему... # верно, недолго ещё ходить по земле-матушке.

Потерянный взгляд хозяина прошёлся по горнице, застыв на языках пламени в печи. Да, этот загадочный странник всё более удивлял его, — и прямою своей, и необычностью речей. Василий сидел перед ним, слегка склонив голову, словно нашкодивший сынишка пред строгим, но всё понимающим отцом. Не было у него и малой толики негодования перед неподдельной честностью этого простого мужика и его страшной правдой.

— Но ведь бывают же чудеса!.. — Василий словно что-то выпрашивал. — Уж наслышан я о таких, хоть и молод ещё — и сорока годков не прожил.

— Чудеса? — глаза Осипа широко раскрылись, словно увидели что-то знакомое.

— Ну да... Я вот непрестанно молюсь да бога прошу, чтоб помог грешному. Хотя... — князь вспомнил вдруг, что на сей счёт целитель говорил Анюте и замолчал, опустив голову.

— Ну да, — согласился Осип, — оно-то хорошо, только бог творит чудеса свои через нас, — старик вновь перевёл взгляд на чарку. — Коли решишься совершить одно маленькое чудо, что в твоих силах — Он непременно поможет тебе в этом # так великое чудо и свершится.

Князь снова поднял глаза на мудрого гостя, в них будто сверкнула надежда. Осип осмотрелся по сторонам, словно пытаясь убедиться, что рядом никого нет, подался вперёд и тихо, словно по секрету, добавил:

— Ты даже не представляешь, как Он мечтает, чтобы ты содейл это. А нет, так ни твои, ни чужие молитвы уж ничего не изменят.

— Хм... Дивные слова сказываешь, — протянул князь озадаченно, — вижу, мудрый ты человек... Видать, из монастырских будешь...

Осип лишь улыбнулся, но ничего не ответил # вместо этого вернулся к трапезе. Василий последовал за ним.

— Всё ж растолкуй мне, дураку, что же делать-то надобно? — наконец поднял голову хозяин.

— Что делать, говоришь? — тихо и задумчиво протянул Осип. — Готов ли ты, батюшка, снять с себя лицо, к коему прирос всей душой. Видать, изжило оно себя. Оно ведь как # у всего свой век.

— Лицо?.. — и снова князь застыл в недоумении.

— Оно самое, — Осип закивал. — Тот, кем себя считаешь. А кто ж ещё, думаешь, грезит в нас о бессмертии и процветании нескончаемом? Но... — Осип вновь развёл руками, — увы... у Бога свои виды на нас, и не всякая задумка наша с его замыслами в согласии пребывает.

— У Бога... это да... Ну, давай, за Господа нашего всевидящего! — Князь опрокинул следующую чарку.

Осип одобрительно кивнул, поднял свою, но испил не спеша, смакуя не шибко хмельной напиток.

Чарки будто по задумке своей малы были, # для того, чтоб попить целебные настойки неспешно и помалу, да речей заздравных побольше говаривать.

— Лицо, говоришь... — тихо пробурчал себе под нос князь, будто слова гостя о чём-то ему напомнили. — Хм...

«Не гордыня ли поселилась в душе моей? — первым пришло в голову князю в ответ на слова Осипа, — и верно, сложно князю, властью облечённому, избежать сей участи. Но хворь,

— она ведь не выбирает между князьями и простым людом! Стало быть, не о том речь ведёт этот загадочный старик».

— Думаешь, ты един? — продолжил Осип, уже чуток захмелев, — думаешь, у души твоей одно лишь лицо? Н-е-ет, — тут же ответил, покачав перед собой указательным пальцем, — у неё мно-о-го лиц, потому мно-о-го в тебе разного люда пребывает...

— Вот как?.. Давай-ка растолкуй! — Василий отпрянул назад, упёршись в спинку. Он ждал ответа.

— Ты — большой... — продолжал Осип, — ты — не одно, тебя # много, но ты выбрал одного, самого знатного; его главным и поставил над собою... Его одного слушаешь, ему одному служишь.

— Что ж, противиться не стану, есть правда в словах твоих, — ответил Василий, — кто ж я ещё для себя самого, коли не князь? И князь, скажу тебе, не последний самый! Хотя... # тотчас осёкся, # кому-то я — друг, кому-то — брат... муж...

Осип кивнул в ответ.

— И всё же, — тотчас продолжил, — знатный князь — вот он — главный «ты». Он столь знатен, что всё место в тебе занял без остатка... Остальные — в слугах у него да в подмастерьях, а иных знатный князь и знать не знает, а то и вовсе не желает принимать в палатах своих.

Князь молча внимал; Осип говорил не спеша, то и дело бросая острый взгляд на хозяина: # Внутри каждого из нас — своё княжество, над коим никто иной не властен, кроме того, кому сам власть даруешь. И ведь как ты владеешь землями и слугами, так и лицо наше по обыкновению владеет нами безраздельно.

— Чудно сказываешь, — слегка хмыкнув, улыбнулся Василий, — но, однако, слова Осипа показали ему занятыми.

— Вот, скажи, как князь, своё дело знающий. — По лицу Осипа скользнула хитрая улыбка. — От тебя ли только сила княжества твоего зависит?

— Разумеется, нет! — развёл руками Василий, — ещё отец мой наставлял: не тот хороший правитель, кто за всех всё решает и себя лучшим видит, а тот, кто слышит других и собирает в дружину людей, его самого в разных делах превосходящих. А коли нет таких, то возвращает и пестует их сам, да горой за них стоит. Лишь тогда народ его будет предан хозяину своему до последнего.

— Вот! — Осмелевший Осип потянулся к чарке. — Позволь мне за князем поухаживать, а то, ей богу, неловко мне столько заботы принимать, да тем же не ответить.

— Давай, отец, не робей — наливай! — засмеялся Василий, довольный, что беседа обещает быть дивной и непринуждённой. — Скажу тебе, в горнице сей абы кого не бывает — только те, кто более всех дорог мне.

— Заметил уж, — Осип принялся наполнять чарки, — я сразу почуял, как вошёл: всё здесь пропитано любовью и заботой; и медь вся, бьюсь об заклад, тобою, а не прислугой, до блеска начищена.

— Так и есть! Ох и меток глаз твой! — Василий засмутился, — ай да непростой ты человек, Осип! Ай, непростой! И чего я тебя раньше-то не заприметил?

— Верно, мудры слова отца твоего # возьмём их с собой # сгодятся. За него, стало быть! — Осип уважительно поклонился, позволив хозяину первому протянуть руку с чаркой к чарке гостя. — Хороша наливочка! Ой, хороша! И не хмелит почти — поболтав её во рту, проглотил, задержался на миг да с наслаждением выдохнул. Послав следом за наливкой солёный огурчик с поджаристым крылышком, он продолжил:

— Так и в княжестве, что внутри нас: в здоровой душе каждому слово даётся, а коли надо — и власть. Мудрый правитель умеет замолчать, выслушать каждого, даже упрямого... прежде чем слово своё последнее объявить. А вот в больной, хворой... — как в плохом княжестве —

всё один за всех решает и слушать никого не желает. А плоть, — она что?.. — следует за душой преданно, да и только. Таково моё разумение, хочешь — верь хочешь — нет.

— Не стану спорить, — ответил князь задумчиво, — уразуметь бы ещё, о чём толкуешь. Ну, сказывай дальше.

Осип продолжил:

— Так и живут все, выбрав себе лицо, — главного: бедного крестьянина, хитрого торговца, сильного али слабого человека... — выбор тот границ не имеет. И не важно, каково положение в миру, важно, что внутри творится.

— А ведь так оно и есть! — согласился князь, закусывая солёными грибочками.

Большая капля воска упала вдруг рядом с чаркой Осипа, потом ещё одна. Тот поднял голову — свеча на светильне течёт. Встал, бережно поправил, неспешно вернулся на место.

— А лицо не только у знати дюже большим стать может и в душе всё заполнить, — продолжил гость. — Скажу тебе, у иного правителя внутри — мир и согласие, а у холопа простого — деспот и тиран. Вот ведь оно как! У самого обычного лаптя, кой день ото дня соху из рук не выпускает, лицо, главный внутри порой всю власть в княжестве души своей прибрал. Одна утеха у такого «господина»: жену отлупить, детей... — да чего там... всяк «господин» всегда найдёт себе слуг. И чем могущественнее власть главного в нас, тем неизбежнее судьба наша.

— Любопытно. Не ему ли Бог время отмеряет? — Князь встал из-за стола, подошёл к очагу, подбросил в огонь поленце. — А может ты и прав — сами же и отмеряем, — Василий задумчиво смотрел на огонь. — Стало быть, княжество моё чахнет нынче...

Василий умолк, погрузившись в глубокие раздумья.

Осип почтительно взглянул на князя; застав того в задумчивости, вновь занялся дичью. Тишину нарушал лишь усилившийся треск огня в печи, да постукивания ветки дерева в окошко. Всё крепчая, ветер сотрясал бедное дерево так, что, казалось, оно в страхе перед стихией раскидывало свои руки-ветви в разные стороны, пытаясь уцепиться, — то за дом, то за землю.

— И всё же... — вернулся к разговору Василий, # что я не так делаю-то? И как теперь исправить всё?

Он порывисто отошёл от очага, возбуждённо заходил взад-вперёд... потом подошёл к окошку. Его сильная рука железной хваткой сжала в кулаке занавеску, взор безнадежно нацелился вдаль сквозь мутное стекло окошка, — на всполохи далёкой грозы.

— Видать, выбрал ты себе лицо большо-о-ое... но со стезёй короткой, — ответил Осип, — и уж нету времени с «главным» твоим разбираться — теперь, пожалуй, проще правителя поменять, покуда княжество твоё и вовсе не распалось.

— М-да... чудно всё это, — закивал князь, его голос заметно дрожал; никогда прежде не слышивал он ничего подобного. # Но скажи, могёшь ли помочь мне, исцелить от хвори окаянной?

— Я — нет, — прозвучал ответ, в котором никакой надежды, — кто я таков, чтобы в дела княжества твоего невидимого вмешиваться? А вот ты... — кто знает. Могу лишь совет дать да направление указать. Воспримет ли знатный князь слова мои — не зна-а-ю.

— Давай, отец, свой совет! — громко объявил Василий, будто давно ждал таких слов.

От любопытства и душевного напряжения он сел за стол, придвинулся ближе к гостю, отодвинув чашку с едой в сторону.

— Говорю тебе, — ответил Осип, — излечить не излечу, но коли сможешь заново родиться — хворь твоя сама уйдёт, # с тем, кто умер; а у того, кто родится, ей места не найти. Уж не знаю, сдюжишь ли? — хитрый взгляд старика скользнул по Василию. — Сымешь лицо князя — будешь жить, а нет — сгинешь.

— И что делать надобно мне? — в глазах князя вновь вспыхнул слабый огонёк надежды. «Вот уж верно, — проскочило в голове, — Осип этот, несомненно, лекарь необычный, а слова его — глубоки... хоть и непонятны порой», # давай, выкладывай это самое направление своё!

— А что для тебя самое главное во всём княжестве твоём? — Осип обратился с вопросом, — выбери, без чего ты не хотел бы остаться живым.

— Хм... # Василий снова задумался, откинулся назад и долго молчал, глядя на свечи. # Мне главное... # кажется, нашёл ответ — вернулся к столу, # чтоб жена была рядом, да ребёнок у нас родился... Пожалуй, большего чаяния и нет у меня нынче.

— Тогда не всё потеряно, — лицо Осипа осветила улыбка облегчения, — эти желания всегда можно взять с собой.

— С собой? Куда взять? — не понял князь.

Сейчас растолкую, погодь.

Старик неспешно наполнил чарки, вернулся на место, погладил аккуратно подстриженную совершенно белую бородку и в очередной раз пронзил хозяина своим острым взглядом.

— Так вот, # начал он тихо, не отводя глаз, # сможешь ли изменить тому себе, коего знаешь много лет? Откажись от всего, чем «главный» владеет: оставь земли свои, измени имя и уйди из этих мест навсегда.

Князь в недоумении раскрыл рот, да так и сидел, ошарашенный, молча слушая Осипа.

— Ты знаешь, что богат, — неспешно продолжал тот, # так стань бедным, # начни всё сначала... Да не пужайся, # добавил с улыбкой, видя недоумение Василия, # то # чтоб уж наверняка помогло. А то ведь... попробуешь схитрить # не поможет.

— О как!? — выпалил князь, резко отпрянув назад — трон его даже чуть сдвинулся назад.

Войди кто в горницу прямо сейчас, непременно решил бы, что хозяина только что огрели по голове чем-то тяжёлым.

— Да-да... — старик с вместе с громким выдохом облегчения вернулся к трапезе: отправил в рот солёный груздь, с наслаждением прожевал, после чего спокойно продолжил, будто говорит о вещах пустяшных: — А что... поселись где-нибудь в лесу, у реки... # в тихом дивном месте, и зарабатывай на жизнь своими руками: трудись на земле, охоться да рыбку лови... — авось с голоду не помрёшь, земля-матушка завсегда дитя своё прокормит. # Закатив глаза, Осип смаковал воображаемые картины с неменьшим удовольствием, чем яства на столе.

Нынче ты хозяин и господин над людьми, # продолжал он грезить, # а ты иди в дальнее село и нанимайся к тому, у кого безраздельная власть над тобой будет... да служи ему так, как хотел, чтобы другие тебе служили.

И, главное, так всё устрой, чтоб даже малой лазейки вернуть всё взад не иметь. Чем меньше тот новый человек будет схож с нынешним, что предо мной сидит, тем больше времени ему отмеряется, хотя... на то # воля божья.

Проницательный взгляд Осипа будто дразнил князя.

— Вот он — а не тот, кого вижу пред собой — будет жить... долго и счастливо.

Нет, ну... оно-то, может и... а вдруг... # Василий что-то пытался сказать, но от нахлынувших на него чувств — в особенности, полного замешательства — не находил слов.

А ты, батюшка, не думай, что я вот так просто тебе то предлагаю, чего сам не испробовал. А сам испытал, потому как мудрые люди надоумили, когда на твоём месте оказался. Мне ведь поболее годков будет, чем на глаз дашь... и жизнь я прожил непростую.

Неужто приходилось? # хозяин с интересом подался в сторону Осипа.

Приходилось, батюшка, # опустил глаза старик: # Я ведь родом с южных окраин из богатой знатной семьи. Там пленён был в юности и в дальние страны османами в рабство продан. Оттуда в Египет бежал, после чего и началось странствие моё по миру. Но то ладно, не обо мне толкуем. # Осип махнул рукой, не желая продолжать, он внимательно смотрел на Василия.

Тот долго молчал; кажется, услышанное сильно его удивило.

— Ну так что скажешь, хозяин? # Осип вернул его к прежнему разговору, # как тебе мой совет?

— А как же супруга? — князь, снова встал с места, принялся нервно ходить по комнате, — ведь люблю её более всего на свете, неужто и её должен буду оставить?!

— Отчего же... — совсем уже смягчился Осип, — любовь, она никогда не заканчивается и не умирает, потому и отказываться от неё нет надобности.

Видя волнение князя, добавил совсем тихо: — Забирай свою любовь и уходи вместе с ней.

— Не умирает, говоришь? — бросил в ответ Василий, застыв на месте. — Только вот пойдёт ли она со мной? Даже не знаю.

— Пойдёт, не пойдёт... # главное, любовь свою заведи в дорогу. Она ведь подобно воде течёт, лишь русло своё меняя. Вот и пусть перетечёт к тебе, но уже другому. Да кабы не любовь твоя, и толковать нам не о чём было бы! — тихо добавил Осип.

Василий молча кивнул.

— Что ж... может ты и прав.

— Только она — любовь — и способна открыть дверь, чтоб при жизни умереть да заново родиться, — добавил Осип, закусывая репкой.

— Уж не знаю, отец, что и сказать тебе. — Василий выглядел потерянным: никак не ожидал он эдакого поворота. — Я поразмыслию над твоими словами. Но ежели не сдую вдруг того, о чём молвишь... — засмутился князь, — может быть, сможешь супруге моей помочь? Сказывают, ты уж помогал бабам плодовитость обрести. Коли сам не доживу, так хоть наследника оставлю — мужик во мне будь здоров, слава богу.

— Поможешь себе — поможешь и ей, — ответил Осип, — поверь, у человека, что поселится в лесу у реки и начнёт трудом своим пропитание добывать, будет дитяtko... и не одно! А у князя, чьё время истекает — уж не будет никогда. Вот ведь как, — развёл он руками.

— Да уж... — громко выдохнул Василий, почесал затылок, вновь опустил глаза. — Лечение твоё, дедушка Осип, вроде как и нехитрое, да непросто мне принять его. — Может, есть всё же какое снадобье? Ведь помогают иным всякие там травки, да заговоры.

— Ой, батюшка... — хитро улыбаясь, замотал головой Осип, — Бога не обманешь. Всё норовишь ты и здоровице возвернуть, и жизнь свою княжью сберечь, # стало быть, и лицо прежнее! Нет, так не получится. Пожалуй, и снадобья такого не сыскать. Оно-то верно # порой снадобье в помощь нам, но не в твоём положении: дюже далече забрёл ты, идя дорогой своей широкою.

— Жаль... — в голосе Василия послышалось великое сожаление.

— Поверь, — продолжил свою мысль Осип, — лучшее снадобье ненадолго жизнь твою продлит: запруду уберёт, а водицы-то в реку не добавит. То, в чём хворь начало берёт — «главный» в тебе да лицо его — останется неизменным. Уж поверь старику, не даст он тебе жизни.

Василий с явной досадой громко застучал пальцами по столу.

— Матерь божья! Да неужто в словах твоих правда сокрыта?! Найду ли силушки, чтоб вот так вот всё бросить да и уйти бог знает куда?!

— Поступишь, как наказал, проживёшь долгую и счастливую жизнь со своей любимой и двумя детьми, — уверенным голосом ответил Осип, глядя прямо в глаза князю.

От этих слов Василий оживился, глаза его забегали по комнате, словно пытаясь за что-то зацепиться.

— Ты и другим такое сказываешь? — спросил он вдруг.

— Отчего ж... — немного смутился Осип, — какой прок в котомке своей одну травку для всех хворей держать?

— Ну да, — согласился Василий, — понимаю... — у всякого своя беда.

— Можешь не верить мне, только вижу я, батюшка, стоишь ты нынче у самой пропасти. Далее — нет пути. Либо падай в неё князем, либо оставь его, да ступай туда, куда он ни за что не пошёл бы при жизни. А уж кто сильнее из вас: настоящий ты, али тот, за кого принимаешь себя, то мне не ведомо.

— Ну да, — снова согласился князь, — а чего я теряю, коли рассудить по уму? Всё одно — не жилец! Почему бы и нет? На кой мне теперь воля его # княжья?

Теперь разумею, # усмехнулся Василий, # почему сказал ты в начале, что не каждый себе изменить готов, чтобы исцелиться.

Осип кивнул в согласии да продолжил:

Ежели поразмыслить, так себе как раз и изменяем в угоду тому, кем не являемся вовсе. А тебя государь понимаю! Ой как понимаю! — Осип кинул сочувственный взгляд на растерянного Василия, — знатному князю нынче нелегко: есть, что терять, есть о чём жалеть... — старик неотрывно осматривал комнату, качая головой и искренне сожалея. # И верно, выбор, перед коим стоишь, ой как непрост!

Озадаченный взгляд Василия остановился на очаге. Множество мыслей самых разных проносились в его голове.

— Князь уважения и почтения достоин, спору нет, # добавил Осип, # но поистине большим станешь, когда в душе своей превзойдёшь его. Вот уж поистине хозяином судьбы своей оборотишься. Тогда и вкус обретёшь, даже князю неведомый.

— М-да-а-а... — задумчиво протянул Василий, — кажись, приходит разумение, о чём толкуешь, отец. Что ж, — он вытер губы, — немало узнал я нынче. От души благодарен тебе! Боюсь только, не одолеть мне столько за раз # хочется одному побыть, да поразмыслить. А завтра # уважь хозяина, да загляни к больному к обедне.

— Отчего же... С превеликим удовольствием! За дивную трапезу благодарствую, государь, давненько не потчевался с таким удовольствием. # Осип встал, томно потянулся, всем видом показывая — пора и ко сну готовиться. Потом вдруг подался к Василию и шёпотом, словно делясь сокровенным, произнёс: — Скажу напоследок... Отныне, батюшка, время очень ценно для тебя. Каждая его щепоточка стоит ой как дорого — не теряй попусту: думай, чувствуй, дерзай, радуйся и злись, коль понадобится, но всё одно не теряй — дерзай. Боль придала — терпи и продолжай дерзать! Другого времени у тебя больше не будет. Вот тут и воля твоя княжеская сгодиться может.

Теперь для тебя весь мир говорить и показывать будет — слушай и замечай каждую малость: в них, в малостях этих ответы кроются, тебе ой как нужные!

Потом с поклоном удалился из горницы.

*

Дедушка Мо устало потянулся, зевнул, издав продолжительный звук. Из леса слышался успокаивающий шум листвы. Воин усердно разминал затёкшую ногу, его вопрошающий взгляд устремился на друга: ждать ли продолжения?

— Да, чуден твой сказ — так бы и слушал. — Лёгким движением руки тёплая накидка опустилась на плечи воина. Не дождавшись ответа, Эрн, подпрыгивая с ноги на ногу сорвался в лес облегчиться; когда вернулся, дедушка уже лежал на боку.

«Пожалуй, продолжения не будет, — подумал с сожалением, — дай бог, завтра сложится». Усталость быстро дала о себе знать: сон вскорости одолел, стоило прилечь и укрыться тёплой шкурой.

Поутру задул северный ветер. Эрн поднялся первым, побегал чуток вокруг дерева, разминая конечности.

Мо взялся за шитьё: разложил на лежанке верхнюю одежду с прорехой на боку, нити, иглы, нож... и погрузился в работу, тихо напевая себе под нос. Его лоб и лицо изо всех сил

напрягались, морщились при каждом стежке, будто не игла, а сам он с трудом протискивался сквозь плотную ткань.

Воин, с улыбкой поглядывая на друга, занялся приготовлением еды.

Вскоре друзья отправились в путь. Всю дорогу шли молча. Эрн перебирал в памяти рассказ о князе Василии: сможет ли тот отказаться от всех благ ради возможной жизни в нищете или выберет привычную жизнь с быстрой кончиной?

К вечеру с несколькими остановками путники достигли большого хвойника.

— Вот за ним начинается наша гряда. — Дедушка вытер пот со лба, зорко всматриваясь вдаль. Потом долго смотрел на небо, прищурился, словно прислушивался к чему-то.

— Дождь будет, — наконец, выдохнул Мо, — придётся навес мастерить.

— Какой дождь? Вон небо почти чистое, да и ветра нету, — возразил было воин, но тут же осёкся, вспомнив, с кем он идёт.

Дедушка никогда не ошибался в своих прогнозах. После недолгих усилий, ставших привычными, справный навес уже возвышался над будущим костром. Умостив лежанки, друзья принялись за приготовление пищи. Горячая, вкусная и пахучая похлёбка изрядно порадовала, утолив голод после долгого пути.

Темнело. Небольшой ветерок пригнал-таки мелкий дождик.

— И как ты догадался, что дождь будет? — удивился воин. — Ведь ничто не предвещало такого, — не было ни перьевых облаков, явных предвестников дождя, ни ветерка?

Мо лишь пожал плечами, однако хитровато-улыбчивый прищур дедушкиных глаз говорил — знает старик секрет, дразнит, интерес испытывает.

Умостившись на лежанках, Эрн снова заговорил о дожде:

— Вижу, знаешь, отчего чутьё твоё отталкивается, когда дождь, ветер или снег предвещает. Бурю не раз предсказывал, когда вокруг тихо-спокойно. Может, поделишься секретом своим? — не унимался воин.

Мо не всегда отвечал — только если он, воин к этому готов, как говорил дедушка. Чаще же просто молчал, хитро улыбаясь. Иногда отвечал, что интересу праздному — не причина всё сходу выкладывать: пользы от того никакой, как сытому от пищи. Надобно дожидаться потребу, тогда и говорить.

«Кто знает, вот теперь у меня потреба али просто интерес? — размышлял воин, глядя на Мо. — Как по мне, так разницы не вижу. А он-то видит и сам всегда решает. Стало быть, знает, готов я или нет. Пусть будет как будет, может и вправду я ещё не готов и чего не ведаю для того».

Тихий голос дедушки прервал ход размышлений:

— Мир, нас окружающий, живёт не отдельной жизнью, не сам по себе, а вместе с нами. Мы — его часть, как вон та птичка на ветке, что сейчас взирает на пламя костерка, и вот этот муравей, — дедушкин палец указывал на отчаянного муравьишку, заползшего на ручку кружки. — И вместе с этим лесом, и с каждым деревом в отдельности, и с каждым листочком. Всё вокруг и мы с тобой, дружище тоже единый живой организм. Ты же чувствуешь в своём теле голод, жажду, боль. Чувствуешь потребность в нужде. Так и мир, — Мо обвёл рукой вокруг, — как и тело твоё, говорит, чего ему нужно и на что наметился. А не видишь и не чувствуешь его, потому как отдельным себя считаешь. Оттого по догадкам да приметам только и разумеешь.

А как о дожде узнал? Так представил, как костерок разведу, как присяду у огонька... Затих в грёзах своих, а в них — навес видится. Стало быть, дождик будет. Вот и весь секрет, — Мо развёл руками.

Воин лишь покачал головой. «Не договаривает чего-то... — подумал про себя, — ну, стало быть пока и этого с меня достаточно».

— А про князя-то дальше расскажешь? — шея вытянулась в ожидании.

— Ну, отчего же не рассказать — расскажу. Самому любопытно, что там дальше, — улыбка соскочила из дедушкиных уст.

— Как так?! — почти вскрикнул воин, приподнялся на локте, с изумлением глядя на друга. — Ты чего, и вправду не знаешь, что дальше будет, когда рассказываешь?

— Ну-у... иногда знаю, — захихикал Мо, будто сам удивлён.

— Да ну тебя! Опять за своё! Не поймёшь, шутишь али правду говоришь!

— А разве то важно? — ответил дедушка уже задумчиво, — имеет ли какой вес? Всяко ведь интерес у тебя вона какой: не удержать, ночи напролёт слушал бы.

— И то правда, — ухмыльнулся Эрн, озадаченно почесал за ухом и снова улёгся, — но уже так, чтобы видеть рассказчика.

Устроившись поудобнее, с нескрываемым удовольствием заключил:

— Как по мне, лучше бы ты и вовсе не умолкал # сказывал да сказывал истории свои чудесные. Аки дивные сны они.

— Сны, говоришь... # захихикал Мо, # что ж, тогда слушай.

Мо тоже уместился — спиной к стойке навеса, — неспешно отпил из кружки горячего напитка, его тихий, слегка хрипловатый голос бережно унёс в мир жизни князя Василия.

*

После того как Осип оставил князя, тот долго ещё сидел у печи, глядя на догорающие угли. — Вот так беседа! Как снег на голову! А, с другой стороны... будто приоткрылась тайная завеса, на миг осветив, что деется в глубине души нашей. Удивительный человек, этот Осип! Говорит просто, а в самую суть попадает. Видать, многое ведомо мудрому страннику. Пленён был, в Египте жил...

Приступ боли неожиданно ворвался в размышления, вернув на бrenную землю. В этом старик несомненно прав: скоро, очень скоро придёт конец его княжескому правлению. Однако, отец всегда повторял будущему наместнику — настоящий князь стойко сносит все беды и напасти, подавая пример другим, даже смерть свою принимает достойно, яко и подобает божьему ставленнику. Коль народился с титулом, стало быть, ставленник божий и есть!

Боль усилилась, пришлось отпить лечебного снадобья, прилечь на лавку и укрыться шкурой, поджав ноги: так легче переносить приступы. Внутренний взор устремился в былую жизнь.

Эх, всё же как славно прожиты те годы, что позади остались. Всё куда-то стремился — скуки не знал. Сколько замыслов всяких разных в голове кишело, сколь устремлений далёких! Что-то воплотил уж — стараниями да доброй волею, — а что-то наметил только: новую усадьбу на пригорке у самой реки построить, лес охотный за косогором насадить, ребёночка-наследника дожидаться да вырастить, в Новгороде дом приобрести, чтоб в свет с любимой женой выходить для услад мирских... — Пред глазами словно наяву проплывали такие далёкие и такие желанные образы будущих свершений.

Да что теперь! — тяжёлый вздох оторвал от навалившихся грёз, — не бывать всему этому!

Долго ещё сон не желал приходить. В голове то и дело всплывали обрывки разговора с Осипом и тут же — далёкие, манящие но уже навсегда уходящие в небытие мечты.

В конце концов, в обнимку с болью всё же уснул. Напоследок будто заглянул ещё раз в хитрый прищур старика, изрёкшего странные слова: «Теперь для тебя, Василий, весь мир говорить и показывать будет — слушай и замечай каждую малость: в них, в малостях этих ответы кроются, тебе ой как нужные!»

Утром разбудил переливистый гогот птиц за окном. Точно взбесились, окаянные, пытаюсь перекричать друг друга. И так надрывно старались, будто жаждали во что бы то ни стало доказать свою исключительность. Ни одна птаха явно не хотела отступить и сдаваться.

Рука потянулась к окошку # небольшое усилие и ставенка со скрипом распахнулась настезь. Птичий шум буквально ввалился в горницу.

Что ж вы там разбушевались-то, бестии?! — В ногах ещё ощущалась ночная слабость — пришлось опереться руками о стол. Голова протиснулась в маленькое оконце и вот он — утренний мир.

«Однако же...» — лёгкое раздражение от столь шумного начала дня сменилось удивлением: птицы одна за другой, издавая угрожающие крики, камнем падали вниз и атаковали не на шутку испуганного кота. А под окошком на земле в двух-трёх шагах от стены, нахохлившись, сидел птенец, # уже изрядно оперившийся, но ещё, видимо, не научившийся летать. Вся птичья братия превратилась в единое воинство! Кот всё пытался приблизиться к птенцу, да где уж там: чем ближе подходил, тем яростней атаковала его пернатая армия.

Наконец, тот не выдержал, заорал натужно и со всей своей кошачьей мочи дал дёру. Птицы же покружили, покружили напоследок да и разлетелись кто куда; лишь две остались: уселись на ветку и с интересом поглядывали то на птенца, то на Василия.

Только что строгое лицо князя засияло улыбкой: «Надо же, чего они ждут? Не меня ли? А ну-ка проверю». В ногах чувствовалась усталость, но сонливость прошла.

Вышел во двор, осмотрелся. — Ага, вон оно, гнездо.

Потёр руки о траву, чтоб запах отбить. Пока брал в руки птенца, шёл к дереву, приставлял лестницу, птицы сидели на ветке смирно, внимательно наблюдая за происходящим. И едва птенец очутился в своём доме, тут же сорвались с ветки и полетели к своему отпрыску, — похоже, к единственному.

А где же защита, где воинство? Отчего на меня не напали-то? Или... чуют, малые, кто помочь может? — Тут же вспомнились слова Осипа о каждой малости вокруг, так для него теперь важной. — Ну и что же в этих птичках кроется, чего глазу не видать?

Дворовая девка, заслышав шум, прибежала спросить, чего хозяину требуется. Да так суетилась потом под боком, что все мысли и вопросы из головы улетучились, — как сон утренний, только что поглотивший своими неведомыми глубинами, исчезает вдруг, будто и не было ничего.

После небольшой трапезы захотелось пройтись да подумать о тех самых малостях.

Извилистая тропинка к лесу завлекала частыми изгибами: давай-ка, пройди ещё чуток, и за поворотом будет тебе новый вид, а с ним # и мысли дивные. Свежий утренний воздух проникал в самые глубины — хотелось дышать в полную грудь; но боль точно кот за окном: с каждым вдохом всё норовила напасть и съесть.

А что ежели... — неожиданная мысль заставила остановиться, — переодеться, чтоб люд не узнавал, да и пойти в какое село подальше: побродить среди народа, посмотреть, послушать, примерить, так сказать, рубаху простолюдины?! Что там Осип про лицо толковал? Вот и погляжу. Похлёбку-то, прежде чем есть, на вкус бы попробовать. Али не так? А что! Правда, далече не уйти — слаб дюже — но ежели с подмогой, да прикрыться получше, так и ближайшее сойдёт!

Задумка так по душе пришлась, что вмиг загорелся: по возвращении в палаты нашёл старые рваные одежды, накидку, чтоб лицо прятать и прочее старьё. Всё собрал и сложил в мешок.

К тому времени и Осип подошёл. Агафья принесла свежего сбитня с пирогами и вскоре беседа их продолжилась.

Пока беседа не вернулась к прежней своей глубине, некоторое время обсуждали дела хозяйственные, погоду и прочее. Потом князь поделился своей задумкой, на что гость одобрительно закивал. Когда же Василий посетовал на здоровье, Осип и сказал:

— А ведь хворь дюжая не приходит по случаю, батюшка, # старик хитро прищурился, словно ещё одну тайну приберёт для князя, # она будто хищник, запахом пищи одержимый.

— Хищник?.. # оживился тот, # о, да, у хищного зверя нюх будь здоров!

— Вот-вот... И чем крупнее добыча, тем сильнее хищник. Так ведь?

Князь закивал, соглашаясь, но не понимая, к чему тот клонит.

— Случаются мелкие хищники, — продолжал Осип, — они приходят за тем, что ценно для тебя, # от чего трудно, но можно отказаться. Есть покрупнее, — те приходят за самым дорогим сердцу твоему, # без чего жизнь не мила.

Но самые крупные... за тем приходят, на чём вся твоя жизнь привычная зиждется и в чём по обыкновению себя самого видишь.

А-а-а... лицо... # вздохнул Василий.

Отделить себя и отказаться от сего # мало кому под силу. А хищник что, # он своё заберёт, а не жизнь твою. Жизнь ты сам отдашь, потому как от основ тех её отделить не могёшь.

— Хм... — Василий от любопытства подался чуть вперёд к Осипу, # как охотник давний, знаю # вовсе не нужна хищнику жизнь чужая: плоть ему потребна # брось зверю кусок мяса побольше, он возьмёт, да не тронет тебя самого. То # не человек, что в злобе своей смерти другому желает.

Вот-вот, # согласился Осип, # зверь же, о коем толкую, # особенный! # он огляделся по сторонам, # здесь пища его, # постучал себя по голове, # незримое в нас плоть обретает, а потом начинает жирком заплывать. А жизнь... # старик приложил руку к груди, # она всегда из пепла возрождается и новые пути рождает.

Ох, верно, отец, ты в дальних странах мудрости набрался! Чудны слова твои, да сказать поперёк нечего! И неужто нам не можно привязаться к чему всей душой?!

Уж больно жаден человек, # ответил гость, вытер рукавом усы, взял свежий пирожок, откусил... # Ему бы делиться, отпустить а не привязываться, на худой конец # не бояться терять: помаленьку скармливать мелким хищникам жирок тот. Жизнь-то, # она мудра # сама норовит от жира избавить тебя. Откуда, думаешь, хищники берутся?

Князь внимательно слушал, лишь молча кивая в ответ да попивая горячий сбитень.

Ан нет! # продолжил старик # вона какие стены воздвигаем, дабы сохранить всё до малости. Растёт жирок, копится, а вместе с ним # беспокойства и страх. На запах его хищник и идёт, # тот, кому стены нипочём.

А большой хищник не придёт прежде, чем сотня мелких не наведается к тебе. Не накормишь их — придут те, что крупнее да злее. Их прогонишь, али отгородишься — жди самого страшного зверя, — он уж почуял запах страха. Что ему заборы да стены! Закроешься снаружи — придёт изнутри, — придёт и всё отымет.

Осип, немало сказавший, будто осёкся, замолчал и так увлёкся трапезой, что будто забыл на время о серьёзности речей своих.

Я так разумею... # наконец, задумчиво протянул Василий, # ты не о богатствах толкуешь.

Верно разумеешь. # Гость оторвался от пирожков, поднял глаза. # В привычке любой # огромная сила сокрыта, аки в кувшине с пищей, что в погреба сносим впрок. Полны погреба наши, а мы голодаем! Ступай, батюшка, в погреба свои за силушкой!

За страхом, говоришь, приходит... # сказал князь, тотчас тяжело вздохнув.

Хищник, что пришёл к тебе, # продолжил Осип, # непомерно сильный, свирепый и очень хитрый. Даже не пытайся обмануть его — не выйдет: ему не потребно то, что самому тебе не любо. За самым ценным пришёл — за жизнью знатного князя, и просто так с ним не совладать.

Василий погрузился в раздумья, склонил голову, потупил взгляд.

Опять слова мудрого старика взбудоражили душу, всё перевернули внутри, множество вопросов родили. Ещё немного и его уж не будет вовсе! Что теперь все его княжьи устремления и заботы, и где теперь могущество князя, служившее опорой?

Прав старик — страх его тем сильнее, чем более опирается он на туман своего могущества, чем сильнее обманчивая вера в то, что он и есть тот знатный князь, а не всего лишь лицо, что надел на себя.

— Должно быть, ты прав, — наконец Василий поднял глаза. — По-твоему выходит, и болезнь # не напасть вовсе, а едва ль не во благо?!

Осип молча кивнул. Василий почесал затылок, вновь задумавшись.

— И всегда имеем, стало быть, чем накормить хищника, просто не ведаем порой, что же ему надобно.

— Выходит так, — согласился Осип, отхлебнув сбитня.

— Вот так задачку ты мне задал! — князь снова встал, вдохнул-выдохнул громко, спокойно заходил взад-вперёд, поглаживая бороду.

— Ты намного больше, батюшка, чем знатный князь. — Осип улыбнулся. — Уж поверь старику: стал бы я иначе беседы с тобой вести подобные? Когда-то и я был на твоём месте, да и позже исцеления чудесные видал, что люди сами сотворили.

Жизнь больного князя — больная жизнь, # протянул Осип, тоже громко вздохнув. # Вот — пища для зверя. Новая жизнь — снадобье. Не будет князя — не будет и болезни, ничего и лечить не придётся.

Василий вернулся на место напрочь потерянный.

— Не жалея... — тихо обратился Осип, — «главного» в себе — он довольно пожил, да ещё и всю силу у других «тебя» отнял, в погребя несметные сложил. Чем не хищник?

Василий кивнул:

— Как не жалеть?.. Столько надежд, да мечты мои... — смогу ли?..

— То — мечты князя, — ответил Осип, — нынче они # аки горизонт, что всегда манит. Только вот... горизонт-то есть, а дороги # уже нет. Стало быть, время пришло поменять мечту да поискать дорогу иную с горизонтами новыми. А чтобы тебе полегче стало, чтоб голова для нужных раздумий чистой была да боль не донимала, вот тебе снадобье хитрое на особой травке настоящее. Пей после еды по глотку да помни слова мои о каждой малости, коя знаком тебе послужить может.

Осип протянул Василию кожаный бурдючок.

— А задумка твоя хороша, батюшка # выйти из палат своих к людям. Сходи-сходи.

Добре, отец, # закивал Василий, крепко сжимая в руке столь нужный ему дар. — Вот как раз и выпью после утренней трапезы, — немного волнуясь, развязал нить и глотнул из бурдюка. — Ой! Ох и горькая же твоя настойка!

Осип лишь весело засмеялся.

Разговор длился недолго: пришёл Яков с грудой забот, кои без хозяина не разрешить.

Благодарствую, отец, за поддержку и мудрые слова твои! За настойку твою — особенно! Без того совсем худо мне было бы. # Василий встал из-за стола, # вынужден покинуть тебя и надеюсь на продолжение. Яков останется с тобой и проводит.

В этот миг взгляды их встретились... На миг две благодарности обняли друг друга. Благодарность князя его самого не удивляла, а вот благодарность Осипа... Кажется, он всей душой был вместе с Василием. Как бы то ни было, сейчас этот человек — единственной опорой стал для стоящего на краю жизни, когда всё прочее медленно превращалось в туман.

На том и расстались.

Хворь-село

Следующим утром князь первым делом распорядился снарядить лошадь и в сопровождении двух конников направился к Хворь-селу. Так в народе звали село на южной границе земель. К нему вела единственная дорога от княжских владений, но люд сходил в село отовсюду на довольно крупный для здешних мест рынок.

«Там меня мало кто в глаза видел, а в такой одежонке и свои не узнают», — решил Василий.

Путь дался нелегко: уж больно ослаб он за последние дни — когда-то полдня хватало, чтобы туда и назад обернуться, теперь же приходилось часто останавливаться на привал и даже заночевать. Боль, и в самом деле, отступила после чудной настойки Осипа, голова стала ясной. Все снадобья знаменитых лекарей в подметки не годились этому.

В густой дубраве недалеко от села Василий разбил лагерь и велел сопровождающим ожидать его здесь. Сам облачился в старые одежды, взял в руки палку и, прихрамывая, направился в село.

На рынке было людно как никогда. Шум, гам, ржание лошадей, запахи специй... # суета вмиг поглотила Василия. Местные торговцы и пришлые громко зазывали, расхваливая свои товары, но князь не за тем пришёл # он целиком погрузился в людскую суету, примеряя на себя новое лицо.

Неспешно прохаживаясь меж телег и торговых рядов, он пристально всматривался в людей, внимательно прислушивался к чужим разговорам и спорам. Отрешённость, подобно тишине, позволяла видеть и слышать то, чего прежде не замечал. Неудержимая сила сбыть товар подороже, а купить подешевле, обмануть или схитрить, вызвать доверие или жалость... # Василий заворожённо прикасался к «лицам» людей, о чём накануне поведал Осип.

Прежде ему всё подавалось на блюде уже готовым, а тут # из первых рук, живьём. Вон, мужик упряжь покупает, цену норовит сбавить, да всё напрасно: не уступает торговец. Мужик тоже не сдаётся, причитает: «Детки малые у меня, # голодные сидят нынче. Без упряжи-то семью не прокормить; старую ночью увели, слава богу, лошади в конюшне закрыты # с замком не сладили, но всю упряжь со стойла забрали ироды!» И так правдиво жалился, так причитал, даже слезу пустил, что не выдержал торговец натиска: проникся всё ж да уступил. Довольный мужик перекинул покупку через плечо и засеменил к реке, к стойлам с лошадьми для приезжих.

Преисполненный любопытством, Василий пошёл следом. Мужик подошёл к серой кобыле, сунул новенькую упряжь в мешок, бодро забрался в седло и, подёргивая за узду, вальяжно направился по дороге.

«Вот плут! — тихо произнёс Василий, качая головой, # наврал с три короба, хитрюга эдакий!» Он долго провождал взглядом удаляющегося наездника.

Со стороны сараев вместе с запахом свиного навоза донёсся громкий разговор. Двое здоровяков нависли над пожилым тщедушным мужичком в рваной одежонке, что-то требуя от бедолаги. Василий подошёл поближе, держась в сторонке, прислушался и быстро понял, что от того хотят. Здоровяки требовали вернуть долг. Мужичок виновато оправдывался: нет, мол, денег пока, но вот-вот всё отдаст. Похоже, ему не верили: видать, уж не впервой пытаются вернуть своё.

Вскоре здоровяки вышли из себя и принялись пинать должника. Тот лишь беспомощно перекатывался от одного к другому, словно мешок, набитый тряпьём, да всё умолял ещё чуток подождать. От сильного пинка должник ударился о стену сарая, скатился вниз, угодив прямо в грязную жижу свиного дерьма, где уже плавала сорванная с него шапка. Плюх! — раздался оскорбляющий всякое достоинство звук. Руки мужичка с покорностью униженного опустились в жидкое дерьмо.

— Фу-у! И с кем мы связались?! — с брезгливостью бросил один из мужиков.

Грязные брызги угодили прямо в лицо сидящему, но тот даже не стал утираться # лишь прищурил глаза от едкой жижи. Более рослый из здоровяков ухватил бедолагу за волосы, подтянул к себе и с силой оттолкнул к стене. Бабах! — будто спелая тыква, голова звонко ударилась о неё.

— Я, я всё отдам, пожалуйста! # всхлипывал бедолага.

— Мы ещё вернёмся! — грозно крикнул рослый мужик, # не отдашь # убьём! # Громко плюнул в бедолагу и с силой ударил ногой в грудь. Тот начал задыхаться # то ли вправду, то ли притворяясь, # обхватил руками грудь и, кашляя, что-то пытался сказать в ответ. Второй здоровяк пнул ещё раз, отчего тот повалился на бок в грязную жижу. Лицо наполовину погрузилось в дерьме, отчего крики его слились с бульканием.

Наконец, мужики ушли. Василий стоял ошарашенный, наблюдая за бедолагой. Прежде он бы непременно вмешался и, как положено хозяину, разобрался, что да как. Но сегодня он умышленно напялил лохмотья, пообещав себе только наблюдать.

Да и жалости убогий вовсе не вызывал: # «Это же надо! Довести себя до эдакой низости! Тьфу! — с брезгливостью сплюнул Василий, # да пусть хоть убивают # на колени не встал бы и в говно бы не опустился! Ничтожный мелкий человечиска!»

Мужичок тем временем выбрался из дерьма, отряхнулся, поплёлся к реке. Потом вернулся, поднял шапку и вновь принялся отряхиваться от грязной жижи. Василий продолжал наблюдать. Тут взгляды их встретились. О, боже, сколько ж боли в глазах незнакомца! # то ли от унижения, то ли от дюжих пинков. Нет, пожалуй # от полной безысходности. Бедный человек! Он будто и не живёт вовсе на этой земле, а лишь влачит своё жалкое существование. В ответ на пристальный взгляд Василия тот с досадой лишь развёл руками и, постыдно опустив голову, вновь засеменил к воде, # отмывать позор.

Этот взгляд обеспокоил князя, # словно сообщил ему: «Вот, что тебя ждёт! Вот, кем ты станешь без положения и богатств своих! Я слаб, не в силах защититься # думаешь, ты справишься, окажись на моём месте? И тебя в дерьмо опустят, коль захотят # будешь мыкаться да в нищете барахтаться, как я в говне!..»

— Эй, чего на дороге встал?! А ну-ка пшёл отсель! — послышался вдруг грозный глас вместе со скрипом колёс.

И тут словно в продолжение внутреннего разговора последовал сильный удар в спину. Василий не удержался, рухнул наземь и поспешно отполз в сторону, чтобы не угодить под копыта. Телега с грохотом прокатилась рядом. На тюках с тканями важно восседал купчишка в красных шароварах.

Возмущение на лице князя, неизменно приводившее всех в трепет, не возымело никакого действия! Тот лишь насмешливо скривил лицо, наслаждаясь своим превосходством. Поравнявшись, он громко повторил: «Али не слышишь? Пшёл вон отсель, грязный нищеврод! Видишь, человек едет? Неча на пути стоять!»

Василий попытался было вскочить да наградить негодя проклятиями # и верно, чего ему бояться-то? # но не удержался — снова упал на бок. Всё нутро его вскипело! Он готов был заорать: «Да как ты смеешь! На кого ты свой поганый рот раззявил?! На князя самого!»

Но опять вспомнил о тайне похода своего и обещания, самому себе данного. Ох, с трудом удержался. «Так, спокойно, спокойно... ты # нищий для этого человека, не ерпенься. Хотел пригубить из чаши сей # терпи».

Поднялся, отошёл в сторонку, выдохнул. А тому неймётся, всё мало ему. Видать, не всю желчь излил на того, кто отпору не дал. Тррр! — остановил лошадь, развернулся к Василию и давай всякую гадость изрыгать.

Впервые в жизни князь услышал о себе такое: сколь никчёмный он и жалкий человечиска, чьё место со свиньями...

— И чего я тебе сделал такого, чтоб вот так со мной? # выдавил в ответ Василий, с трудом сдерживаясь да лицо прикрывая, # поди ничего не должен тебе # стою, где хочу. Али владелец ты земли сей?

Подойти бы к купчику, бахнуть по башке, чтоб заткнулся да на колени поставит пред хозяином! Так и поступил бы прежде, но любопытство оказалось сильнее.

— Ты ещё перечить смеешь, нищеврод вонючий!? # голос купчишки полон ненависти. # Да ты на себя погляди, смерд! Из какого дерьма вылез?! Захочу # сгною в долговой яме!

В долговой? Меня? За что? # Василий не мог сдержать удивление.

Тебя-тебя! # ухмыльнулся тот, # да мне только рукой махнуть. Скажу, украл у меня чего, и всё, конец тебе! Мне поверят, тебе такому # чёрта с два!

— И чем я тебе не приглянулся-то? # уже спокойно продолжил князь, # нищих полно вокруг, а ты ко мне пристроился!

— А на пути неча стоять! # лошадь дёрнула, упряжью в руку резанула.

— А если б пред тобой князь стоял?

Купчик подался надменному смеху:

Ты тут князя не приплетай! Не чета он тебе! Князь # сила, сам любого сгноит, а ты # клоп, букашка никчёмная! Пшёл вон, покуда добрый я! Не то щас охранника рынка покличу!

Василий лишь вздохнул да прочь пошёл, глубоко задумавшись. Не было в душе его страха, потому как знал, на самом деле # в его княжьих руках судьба купчишки всецело. Но за другим прибыл он сюда: лицо иное на себя примерить.

Дальнейшие блуждания по рынку не принесли ничего успокоительного # напротив, всё более князя одолевали сомнения, и по пути назад не покидали его неприязненные чувства от всего увиденного и услышанного нищим, коим он предстал.

«Нет уж, участь бедняцкая не для меня! # думал про себя, # не по нраву она мне! Уж лучше короткая жизнь, но княжья, # с почестями и достатком. Таково моё предназначение!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.